

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ А. ДОНИША**

УДК 677.07(575.3)

На правах рукописи

САФАРОВА ЗАЙНУРА НЕМОНОВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО КОСТЮМА**

Специальность: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Иброхимов М.Ф.

Душанбе – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДСКОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	24
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И МОДА В КОСТЮМЕ ТАДЖИКСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЗНАТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	
2.1. Мужской костюм дворцовой аристократии	45
2.2. Женский костюм состоятельных семей	64
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ КОСТЮМА ГОРОДСКИХ НАРОДНЫХ МАСС КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	
3.1. Мужской костюм городского простонародья	88
3.2. Женский костюм средних и низших городских слоев	107
3.3. Городской костюм и социальная среда: формирование особых нарядов	127
Заключение	140
Перечень сокращений и условных обозначений	146
Список использованной литературы.....	147
Приложение. Иллюстрации.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сегодня в Таджикистане, развивающемся в условиях государственной независимости, материальная культура народа рассматривается как важное направление разработки целостной теории его исторического развития и как существенный фактор, влиявший на статус нации на разных исторических этапах. Важной составляющей материальной культуры народа, как известно, служит национальный костюм - культурный атрибут, связанный с этническими и социальными показателями функционирования общества. Вопрос изучения истории народного костюма всегда находился в поле зрения исследователей материальной культуры таджиков и признавался важной задачей отечественной исторической науки. Костюм - полноценный исторический источник, предоставляющий важные сведения о жизнедеятельности человека, его общественном статусе, убеждениях. Содержание и облик народного костюма несут на себе отпечаток специфики присущей этому народу хозяйственной деятельности, его традиционного семейного быта. Изучая исторический и традиционный костюм, можно создать картину истории взаимосвязи народов, взаимодействия экономики и социального строя в конкретные исторические эпохи.

Исторические события второй половины XIX века в Средней Азии, сопровождавшиеся потерей независимости и частичным присоединением региона к царской России, привели к существенной трансформации образа жизни местного населения. Кардинальные социально-культурные изменения оказали заметное воздействие и на традиционные костюмы народов региона. Возникли новые костюмные предметы, появились изменения в покроях одежды, динамичной трансформации под воздействием европейской культуры подверглись состав и форма традиционной одежды, началась интенсивная замена в одежде кустарных тканей на фабричные и т.д.

С обретением Республикой Таджикистан государственной независимости началось возрождение отдельных, уже забытых традиций и народных обрядов. Не избежал влияния новых веяний и народный костюм, особенно восстановления прямых связей между республикой и зарубежными странами мусульманского Востока. С одной стороны, в современном национальном костюме вновь появились элементы и формы, исчезнувшие несколько десятилетий назад под влиянием советской идеологии, а с другой – в него были привнесены атрибуты, порой не имеющие никакого отношения к истории и традициям народа. Это значит, что современное таджикское общество остро нуждается в знаниях о культуре исторического национального костюма и, в особенности, народного костюма досоветского периода. Молодежь должна быть информирована о том, при каких социально-экономических условиях возникли те или иные традиции, как они связаны с культурой народа и его вероисповеданием, господствовавшей в обществе идеологией, каковы истоки внедрения этих традиций в национальный костюм. Другими словами, актуальность разрабатываемой темы заключается и в том, что она преследует целью подчеркнуть подлинные черты традиционализма в современном народном костюме. Эти знания нужны для того, чтобы противостоять процессу обезличивания народного костюма, стиранию в нем какой-либо этнической дифференциации. Очевидно, нужно стремиться к тому, чтобы инновационное развитие национального костюма в наши дни происходило с учетом сложившихся реалий и, непременно, на основе преемственности традиций в этой области.

Особенно актуальной является разработка вопроса о таджикском аристократическом костюме. После падения могущественного государства Саманидов таджики не имели своей государственности в течение десяти столетий. Соответственно зачастую считают, что этот народ не причастен к дворцовой знати XI – XIX веков и, потому, не имеет отношения к аристократическому костюму того периода. Этот момент нашел свое отражение и в этнографических трудах авторов XIX века, которые дают описание нарядов

лишь городских и сельских масс, костюма равнинных и горных таджиков из числа средних и низших слоев населения. Вместе с тем, письменные источники содержат сведения о том, что в конце XIX – начале XX вв. немало представителей этого народа занимало ответственные посты чиновников при среднеазиатских дворах правящих тюркско-монгольских династий. Они служили также в разных чинах местной администрации в бекствах (амлякдарами, аксакалами), управляли религиозной стороной жизни общества, занимая посты раисов, казиев (судей-нотариусов), муфтиев. Их наряды были образцами костюмов местной феодальной знати, поэтому значительно отличались от нарядов рядовых горожан.

Обращение к проблеме исторического городского костюма важно и в том аспекте, что в рассматриваемый период именно таджики составляли основное население среднеазиатских городов. Следовательно, разработка настоящей темы позволяет расширить наши знания о материальной культуре таджикского народа в целом точно также как и исследование костюмов горных таджиков.

Актуальность работы над настоящей темой выражается также в следующем:

- изучение эволюции традиционного костюма позволяет расширить наши знания о состоянии и материальной культуре общества, а также условиях, при которых происходила преемственность костюмных традиций;

- накопленные в рамках настоящего исследования материалы могут стать основой исторических реконструкций костюмов для театрально-художественных постановок, содействовать приданию исторической объективности при создании художественных и документальных фильмов, а также литературных произведений исторического содержания.

- знания о традициях народного костюма позволят современным модельерам-дизайнерам на основе их использования найти новые художественные решения в создании современного национального костюма.

Степень изученности проблемы. Об одежде таджиков и других народов Центральной Азии XIX – начала XX вв. наукой накоплено немало сведений.

Существующая литература, в которой нашли отражение различные аспекты настоящей проблемы, нами подвергнуто следующей группировке.

Первую группу составляют монографические издания и статьи фундаментального характера О. А. Сухаревой, Н. П. Лобачевой и др., в которых систематизированы материалы, собранные в результате многих этнографических исследований. Материал этих трудов затрагивает вопросы, связанные с костюмами разных народов, в их объединяющих и отличительных чертах. Публикации представителя славной плеяды первых советских этнографов-востоковедов О. А. Сухаревой содержат ценный материал, тесно сплетенный с генезисом и эволюцией отдельных предметов центральноазиатской одежды. В своих исследованиях она, рассматривая конкретные предметы традиционной одежды, останавливается на способах их ношения во взаимосвязи с локальными особенностями и древними обрядами. Еще одно достоинство этих и других трудов О. А. Сухаревой – выявление причастности конкретных этнических групп Центральной Азии к производству и ношению тех или иных предметов традиционной одежды.¹

Особенность исследований опытного полевого исследователя, талантливого специалиста в области традиционных народных обрядов Н. П. Лобачевой по традиционному костюму Средней Азии – изучение предметов одежды, распространенных в разных районах региона в их общих и отличительных чертах².

¹ Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Вып. 1. Новая серия. Т. 21. С.111-157; Сухарева О.А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVIII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970. С.101-112; Сухарева О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 77- 102; Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 3- 13; Она же... Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX – начале XX в. // Ближний и Средний Восток. М., 1980. С. 203- 212; Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1982 и др.

² Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты). Советская этнография. М., 1965. № 6. С. 34-49; Лобачева Н.П. Почему мусульманки носили паранджу? Наука и религия. М., 1970. № 12. С. 28-31; Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов

Во вторую группу мы включаем монографии и статьи, составленные по результатам, как специальных, так и комплексных, этнографических исследований, проведенных в разных районах плотного проживания таджиков. Это – труды З. А. Широковой, А. К. Писарчик, Л. Бахтоваршоевой, Л. А. Чвырь и др. Научные труды З. А. Широковой посвящены специально костюмным традициям, причем по большей части она изучала костюмы, характерные для горных районов. Вместе с тем, часть ее исследований посвящена традиционному костюму таджиков равнинных районов¹. Большую ценность представляет «Альбом одежды таджиков», который составлен З. А. Широковой совместно с Н.Н. Ершовым. Цветные иллюстрации этого альбома наглядно демонстрируют основные отличительные черты и характерные нюансы таджикской одежды². Большой вклад в изучение народной одежды равнинных таджиков внесен этнографом А. К. Писарчик, в трудах которой дается описание и выявляется терминология одежного комплекса таджиков Нураты. Несмотря на то, что это исследование проведено в конце 1970-х годов, в нем много исторического материала, в том числе посвященного уникальным видам женских платьев, бытовавших в гаремах бухарской аристократии начала XIX в.³

Как известно, многие одежные элементы, модные в определенный период, затем сохранялись лишь в составе ритуальной одежды, в частности, зачастую они встречались только в составе савана. В этом аспекте, полезные сведения по

Средней Азии и Казахстана. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 5–38; Лобачева Н.П. Народная одежда как источник по этногенезу. К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 3. Этнография. М., 1991. С. 82-95; Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. С. 69-96.

¹ Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана). Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 182-203; Широкова З.А. Мужская и женская поясная одежда таджиков. Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989; Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. Душанбе: Дониш, 1993.

² Ершов Н. Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969.

³ Писарчик А.К. Материалы из истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы. Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 113-122; Писарчик А.К. Одежда таджиков Нурата. – Душанбе: Сафир, 2003.

некоторым прежде распространенным предметам национальной одежды таджиков можно найти в статье «Саван» Н. Бабаевой и Л. Бахтоваршоевой¹.

Л. А. Чвырь занималась изучением и классификацией традиционных таджикских ювелирных изделий. Особо отметим большую работу этого исследователя по составлению систематизированных иллюстраций украшений, представленных в ее изданной монографии. В ней представлен практически весь комплекс традиционных украшений таджиков с указанием регионов их распространения².

К третьей группе мы относим статьи по таджикскому костюму конца XIX – начала XX вв. научных сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамеры) Р. Я. Рассудовой, Ф. Д. Люшкевич, О. В. Старостиной, Р. Я. Рассудовой, Т. Г. Емельяненко и др. Эти исследования отличает высокая достоверность, так как в них объектом изучения выступает «живой» материал в виде музейных артефактов. Так, замечательный ученый в области истории и культуры таджиков долины Зеравшана и этнически родственных этому народу иранцев Ф. Д. Люшкевич изучила распространенную в первой половине XX века одежду таджикского населения Бухарского оазиса. В ее трудах основные особенности костюма бухарских таджиков подмечены наиболее ярко и тонко³.

¹Бабаева Н.Саван. Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 133-150.

²Чвырь Л.А. Отражение возрастных традиций в таджикских ювелирных украшениях. Советская этнография. №. 4. М., 1970. С. 115-121; Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения (Материалы к историко-культурному районированию Таджикистана). М: Гл. ред. вост. литературы, 1977; Чвырь Л.А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней и Азии. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М.: Наука, 1988. С. 211-250.

³ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград, 1978. Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. С. 123-144; Люшкевич Ф. Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса. Полевые исследования Института этнографии. 1982. М., 1986. С. 74-81; Люшкевич Ф.Д. К истории костюма населения Бухарской области в конце XIX - начале XX в. Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Л., 1983. С. 64-65; Люшкевич Ф.Д. Типы женских головных уборов в Бухарском оазисе и прилегающих районах как один из этноопределяющих признаков (первая половина XX в.). Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1983 г.. Л., 1983. С. 4-5; Люшкевич Ф.Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики). Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 107-138; Люшкевич Ф.Д. Традиционные женские украшения населения

Золотошвейные традиции коренного населения Бухары изучены наставницей Ф. Д. Люшкевич – известным этнографом, лингвистом и иранистом Е. М. Пещеревой. Ценность проанализированных ею материалов не подлежит сомнению, так как в традиционном костюме этого региона отделка золотой вышивкой имело особое значение¹.

Р. Я. Рассудова изучила одежду, характерную в конце XIX – начале XX вв. для оседлых жителей долин Ферганы и Зеравшана, а также Ташкентского оазиса². Очевидно, что материалы ее исследований имеют отношение, прежде всего, к таджикскому населению этих регионов.

Костюмным комплексам равнинных таджичек конца XIX - начала XX веков посвятила специальную статью О. В. Старостина. Ее исследование строится на описании старинных предметов одежды, хранящихся в фондах Российского этнографического музея. В статье дается общий обзор национального женского костюма, бытовавшего в то время в равнинных областях с учетом особенностей, присущих разным возрастным группам, также характеризуется состав обрядовой (свадебной, траурной) одежды равнинных таджичек³.

Бухарской области (первая половина XX в.). Сборник Музея антропологии и этнографии. 1989. Т. 43. С. 72-84. С. 72-84; Люшкевич Ф. Д., В.П.Курылев., Сазонова М.В. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея антропологии и этнографии. 1980. Т. 35. С. 37-44; Люшкевич Ф.Д.Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. Сб. МАЭ. 1970. Т. XXVI. С. 283–312.

¹ Пещерева Е.М. Бухарские золотошвей. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 16. М. Л., 1955. С. 265-282.

² Рассудова Р.Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. Сборник музея антропологии и этнографии. - Ленинград, 1978. Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. С. 154-174; Рассудова Р.Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.). Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. М., 1983. С. 164-178; Рассудова Р.Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.). Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. М., 1984. С. 196-206; Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства. Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1989. Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. С. 170-179; Рассудова Р.Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.). Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 139-156 и др.

³ Старостина О.В. Некоторые особенности женской ритуальной одежды таджиков. Лавровский сборник: Материалы 36 и 37-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2012-2013 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 297-302; Старостина О.В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.).

Таджики: история, культура, общество. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. С. 366-402; Старостина О.В. Опыт классификации женских накосных украшений народов Средней Азии и Казахстана. Матер. 5-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. ЛКСЧ, 2006. С. 61-65.

Национальные ткани таджиков составили объектами ряда исследований и для Т. Г. Емельяненко, изучившей музейные коллекции среднеазиатского текстиля¹. Ценные сведения содержатся, кроме того, в ее трудах по культуре одежды, в частности таджикской².

В рамках четвертой группы мы объединяем публикации, выполненные по результатам работ, проведенных в разных областях Узбекистана. Среди таких работ можно отметить красочные альбомы, составленные Н. Садыковой. В них представлены иллюстрации и краткие описания предметов одежды, обуви и украшений по музейным коллекциям. Хотя в названии альбомов речь идет об узбекском костюме, приведенные в ней материалы в равной мере имеют отношение и к таджикскому традиционному костюмному комплексу соответствующих регионов (Бухары, Самарканда, Ферганской долины и

¹ Емельяненко Т.Г. Музейные ткани как историко-этнографический источник (среднеазиатские ткани в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР). Проблемы развития культуры народов и изучения культуры в музейных коллекциях. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». Омск, 1987. С.115-116; Емельяненко Т.Г. К характеристике хлопчатобумажных тканей Средней Азии конца 19-начала 20 вв. (по коллекциям ГМЭ народов СССР). Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. С.136-146; Емельяненко Т.Г. К истории производства хлопчатобумажных тканей в Средней Азии (по коллекциям С.М. Дудина в ГМЭ народов СССР). Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1986 г. Л., 1987. С. 23-24; Емельяненко Т.Г. К истории среднеазиатского шелкоткачества (по коллекциям ГМЭ народов СССР). Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1988. С. 26; Емельяненко Т.Г. К методике этнографического описания и изучения тканей (по среднеазиатским материалам). Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990-1991 гг. СПб., 1992. С. 65-67; Емельяненко Т.Г. Символизация возрастных периодов: ткани и цвет в традиционном костюме узбеков Ферганы. Время и календарь в традиционной культуре. СПб., 1999. С. 177-180; Емельяненко Т.Г. Традиционные ткани у таджиков. Таджики: история, культура, общество. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. С. 342-365.

² Емельяненко Т.Г. Искусство вышивки у таджиков. Таджики: история, культура, общество. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. С. 320-341; Емельяненко Т.Г. Особенности одежды бухарских евреев во 2-ой половине 19 - начале 20 века. Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1994-1995. СПб., 1997. С. 44-45; Емельяненко Т.Г. «Отличительные знаки» в традиционном костюме бухарских евреев. Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы 7-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008. С. 300-307; Емельяненко Т.Г. Мужские традиционные головные уборы (шапки) бухарских евреев. Лавровский сборник: Материалы 33-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2008-2009 гг. - СПб., 2009. С. 216-219; Емельяненко Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев: источники и особенности изучения. Историческая этнография. - Вып. 4. Источники и методы изучения малых групп в этнографии. СПб., 2010. С. 39-47; Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. Антропологический форум. № 14. - 2011. С. 290-314; Емельяненко Т.Г. Паранджа в традиционном костюме бухарских евреев. Этнографическое обозрение. - № 5. - 2011. С. 118-125; Емельяненко Т.Г. Традиционный костюм бухарских евреев: этнокультурный аспект. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. - 264 с.; Емельяненко Т.Г. Камзол в традиционном мужском костюме бухарских евреев (к истории выкройной одежды в Средней Азии) // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2012. - № 3. С. 95-102 и др.

Ташкентского оазиса), что нашло отражение, например, в названиях многих описанных предметов¹.

К разрабатываемой нами теме имеют прямое отношение и материалы по одежде, собранные в Ташкенте М. А. Бикжановой². Традиционная одежда и украшения нурагинок послужили, кроме того, объектами диссертационного исследования узбекского этнографа Г. К. Юлдашевой³. В данном контексте укажем и на публикацию М. Рузиевой по траурной и помертвой одежде ташкентских горожан⁴.

Сведения об особенностях одежды и других принадлежностей традиционного костюма таджикского городского населения Хорезмийского оазиса содержатся в трудах К. Л. Задыхиной, М. В. Сазоновой⁵ и др.

В пятую группу тематической литературы включены научные публикации, в которых накопленные сведения по истории таджикского костюма представлены в систематизированном виде. Так, региональные особенности таджикского костюма в аспектах формы, кроя, материалов и отделки нашли отражение в отдельной главе монографии Г. Майтдиновой, посвященной традиционному костюму⁶. Данная двухтомная работа на сегодняшний день наиболее системна и содержит материалы о генезисе и поэтапной эволюции костюмных традиций этого народа, охватывая хронологически периоды энеолит – начало XX столетия.

¹ Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Бухары и Самарканда XIX – XX вв. (рус.и англ. тексты). Ташкент: Шарк, 2006; Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Ташкента и Ферганы XIX – XX вв. (рус.и англ. тексты). Ташкент: Шарк, 2006; Садыкова Н. Национальная одежда узбеков Хорезма XIX – XX вв. (рус.и англ. тексты). Ташкент: Шарк, 2007

² Коренное население этого города, до революции известное как сарты, в последующем было включено в состав узбеков.

³ Юлдашева Г.К. Традиционная одежда и украшения женщин Нурагинской долины (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995.

⁴ Рузиева М. Помертвая и траурная одежда узбеков г. Ташкента. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 169-173.

⁵ Задыхина К.Л., Сазонова М. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в. Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. - с. 151-168; Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 90-106.

⁶ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Душанбе, 2004. Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм.

В ней обобщены основные результаты имеющихся археологических, источниковедческих и этнографических исследований по теме.

Введения литературных памятников для разработки вопроса о периодизации и классификации исторических и традиционных тканей таджиков привлечены М.Ф. Иброхимовым. На основе собранных материалов он детально описал исторические, в том числе одежные, ткани многочисленных названий¹.

Глубокое исследование эволюции предметов верхней одежды таджиков в средневековье выполнено Д.К. Раджабовой. Многие собранные ею материалы имеют непосредственное отношение к настоящей теме, так как модные халаты, особенно женские, являлись, как правило, принадлежностью костюма городских таджиков².

Нужно здесь отметить, что значительный материал такого содержания был собран в указанный период усилиями посетивших эти края иностранцев, в первую очередь русских. Публикации того периода в аспекте рассматриваемой темы представляют большую ценность как источниковый материал, поэтому их краткий обзор дан в разделе, посвященном источниковедческой базе исследования.

Таким образом, историографический обзор темы, показывает, что ее различные аспекты получили освещение во многих ранее проведенных исследованиях. Вместе с тем, становится очевидным, что специфика костюмов разных слоев таджикского населения равнинной Средней Азии еще не становилась предметом специального исследования. Проблемы, обусловившие

¹ Иброхимов М.Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник. Душанбе: Ирфон, 2003; Иброхимов М.Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. Душанбе: Ирфон, 2006; Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. Душанбе: Ирфон, 2013 и др.

² Раджабова Д. К. Кабо – одежда аристократов. Матер. Республ. научно-практической конфер. по теме «Наука и инновационная среда в условиях вступления Республики Таджикистан в ВТО» (25-26 апреля 2014 г.). Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014. С. 212-215; Раджабова Д.К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды): дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2016. – 169 с. + 58 с. илл.; Раджабова Д.К. От джуббы до чапана. Историческая типология и трансформация национального стеганого халата. Матер. Межд.научно-практической конфер. «Роль интеграции науки, инноваций и технологий в экономическом развитии стран» (27-29 мая 2016 г.). Куляб: Институт инновационных технологий и менеджмента в г. Куляб, 2016. С. 655-658.

такой подход исследователей, нуждаются в анализе и методологическом разрешении, что позволит успешно изучить специфику старинных костюмов таджиков-аристократов, представителей широких городских масс, а также некоторых особых групп населения. Очевидно, такой подход обеспечивает достоверность получаемых при этом результатов.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение этнического городского костюма таджиков в конце XIX–начале XX вв., изучение процесса его сложения в условиях трансформации жизни среднеазиатского общества и интенсивного внедрения европейской культуры, осмысление значимости городского костюма как сословного социального маркера.

В число задач исследования входят:

- проанализировать специфику проблемы исследования и выработать методологические принципы ее разработки;
- изучить особенности письменных и художественных источников по теме и определить возможности использования их материалов для достижения поставленной цели;
- разработать проблему, связанную с дореволюционным костюмом равнинных таджиков, населявших в тот период все главные среднеазиатские центры истории и культуры этого народа;
- дать общую характеристику мужского и женского костюма городских таджиков с учетом дифференциации по признакам состоятельности и положения в обществе, выявить элементы своеобразия в костюме представителей каждого социального сословия;
- определить отличительные черты и дать описание отдельных видов особых костюмов, характерных для городской социальной среды того периода;
- в качестве специальной проблемы рассмотреть вопрос о таджикском аристократическом костюме;
- раскрыть сущность этнического костюма как семиотического маркера;

- проследить изменения в городской моде в аспекте социальных и эстетических ориентаций таджикской городской знати;

- выявить социально-экономические и социокультурные факторы, влиявшие на распространение в среднеазиатской городской среде принципов костюма европейского образца;

- установить хронологию распространения среди горожан элементов европейского костюма в связи с формированием урбанизированной социальной среды.

Источниковедческая база работы. Привлеченные в настоящем исследовании, источники можно разделить на следующие категории:

1. Письменные свидетельства А. Д. Гребенкина, супругов В. и М. Наливкиных, А. П. Шишова, Э. С. Вульфсон, А. П. Хорошхина, М. Алибекова, Н. П. Остроумова, П. И. Пашино, В. В. Крестовского, П. П. Шубинского, А. А. Семенова, Л. Ф. Костенко, Н. Стремоухова, Д. Долгорукого и других русских авторов конца XIX – начала XX веков. Эти публикации служат важным источником для изучения костюма таджикского городского населения Средней Азии того периода. Среди них наибольшего внимания заслуживают этнографические труды А.Д. Гребенкина¹ и супругов Наливкиных, лично собиравших материалы по этнографии местного населения. Особой ценностью отличается работа В. и М. Наливкиных «Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы»², в которой женский костюм рассматриваемой эпохи описан наиболее глубоко и тонко. Не случайно, опубликованные ими материалы по этой теме, через два десятилетия почти дословно заимствовали

¹Гребенкин А. Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа. Мат-лы для стат. Турк. края. С Пб., 1873. Вып. 2. С. 511-514; Гребенкин А. Д. Таджики. Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естеств. истории. С. 1-50.

² Наливкин В. П., Наливкина М., Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. Казань: Типография Императ. Унив-та, 1886.

такие известные авторы, как А. П. Шишов¹ и Э. С. Вульфсон². Полезные сведения по одежде и другим атрибутам костюма таджиков зафиксированы также в этнографических очерках А.П. Хорошхина³, М. Алибекова⁴, Н. П. Остроумова⁵.

Увлекательно и лаконично о нарядах городского таджикского населения сообщают П. И. Пашино⁶, В. В. Крестовский⁷, П. П. Шубинский⁸, А. А. Семенов⁹, Л. Ф. Костенко¹⁰, Н. Стремоухов¹¹, Д. Долгорукий¹² и ряд других русских авторов. Ценные сведения, изложенные в их трудах, являются путевыми заметками, составленными по результатам посещения отдельных среднеазиатских городов.

2. Старинные фотографии и картины русских художников рассматриваемого периода. Они позволяют наглядно получить, как общее представление о разных вариантах бытовавших нарядов, так и их характерных нюансах. В частности, это – иллюстрации Н. Нехорошева из «Туркестанского альбома», составленного ориенталистом А. Л. Кун в 1872-1874 годах по поручению генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, особенно ее этнографической части¹³.

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1 (Этнография). Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1904. Т. 11. С. 1-492; Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. Алмааты, 2006.

²Вульфсон Э.С. Как живут сарты. М., 1908.

³Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

⁴Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана. Ежегодник Ферганской области. Т. 2. Новый Маргелан, 1903. С. 79-118.

⁵Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы / Н.П.Остроумов. Вып. 1. Ташкент, 1890.

⁶Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб., 1866.

⁷Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. – СПб., 1887.

⁸Шубинский П. П. Очерки Бухары. Исторический Вестник. М., 1892. № 7. С. 109-143; № 8. С. 364-390; № 9. С. 621-649; № 10. С. 100-124; Шубинский П.П. Недавняя трагедия в Бухаре. Исторический Вестник. М., 1892. № 5. С. 467-476.

⁹Семенов А.А.По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года). Исторический вестник. – М., 1902. - № 3. - Т. 87. С. 962-993; Т. 88. С. 99-123; Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1903.

¹⁰Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С подробным маршрутом от Ташкента до Бухары. СПб., 1871.

¹¹Стремоухов Н. Поездка в Бухару. Русский вестник. № 6. Т. 117. М., 1875.

¹²Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. Русский вестник. 1871. № 1. Т. 91. С. 244-318.

¹³Кун А. Л. Туркестанский альбом: По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана 1-го. Л.: в 6 ч. Ч. 1-2. Часть этнографическая. Ташкент, 1871-1872. 70 с.

Такую же ценность имеют фотоработы С.М. Прокудина-Горского, С.М. Дудина, Г.Е. Кривцова, И. Введенского, Г.А. Панкратьева, В.Ф. Козловского, Н. Ордэ, Я. Лютче, П. Надара, Г. Краффта, других русских и европейских фотографов¹.

Самые тонкие оттенки и характерные признаки костюмов, свойственные жителям региона, отражены в картинах В. Верещагина, И.М. Прянишникова и ряда других русских художников, работавших в то время в Средней Азии.

3. Музейные коллекции одежды и других костюмных принадлежностей. Значительное количество предметов исторической одежды таджиков сегодня хранится в фондах Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук. Их использование совместно с фотоколлекциями музея позволило опубликовать многочисленные научные статьи и монографии².

В той или иной мере уникальные образцы старинной таджикской одежды находятся в фондохранилищах Этнографического музея, Исторического музея Согдийской области, музея при НИИ искусствоведения в Худжанде и других многочисленных (республиканских, областных, городских и районных) музеев Таджикистана. В связи со спецификой выбранной темы, автором изучены

¹ Прищепова В.А. Бухарские золотошвеи. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 16. М. Л., 1955. С. 265-282; Прищепова В.А. Коллекции заговорили: история формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870-1940). СПб., 2000; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РАН). Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. - СПб.: Наука, 2006. С. 174-225 с., илл.; Прищепова В.А. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920-1930 гг.). Центральная Азия: традиции в условиях перемен. СПб.: Наука, 2007; Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН). Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. 1. СПб.: Наука, 2007. С. 223-260; Вып. 2. С. 323-374; Прищепова В.А. Бухара в фотоколлекциях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук. Иран-наме. № 4(12). Алмааты, 2009. С. 213-242; Прищепова В.А. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920–1930-е гг.). Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. 2. СПб., 2009. С. 323-374; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011; Прищепова В.А. От Лерха до Зарубина. Из истории коллекций Кунсткамеры по культуре народов Таджикистана. Таджики: история, культура, общество. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. С. 282-319 и др.

² Речь идет, в частности, об указанных здесь публикациях Т.Г. Емельяненко, Е.М. Пещеревой, В.А. Прищеповой, О.В. Старостиной, Р.Я. Рассудовой. Кроме того: Равдоникас Т. Одна из функций стеганой одежды. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1978. Вып. 34. С. 175-181 и др.

подлинные предметы одежды и другие костюмные принадлежности из фондов Музея национальной одежды Бухары, Государственного музея искусств Узбекистана, Государственного музея прикладного искусства Узбекистана, Мемориального музея Тамары Ханум и других известных музеев Узбекистана. Кроме того, в диссертации приводится авторская интерпретация отдельных костюмных предметов, хранимых в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера).

4. Образцы костюмных принадлежностей рассматриваемой эпохи, которые хранятся в частных коллекциях. В данном контексте заслуживают внимания прекрасные, выполненные с натуры, иллюстрации лично собранных немецким художником и путешественником Максом Тильке, предметов средневековой восточной одежды, в частности среднеазиатской¹. Бережно хранят у себя костюмные раритеты и жители Таджикистана. Некоторые из таких предметов были любезно представлены нам для использования во время выполнения настоящего исследования (иллюстрации представлены в приложении к диссертации). Подобно отдельным археологическим материалам, этот вид источников как «живой материал» обладает уникальным достоинством – предоставляет возможность изучить технологические и конструкторские аспекты одежды (точные размеры, тип покроя, фактура ткани, свойства пошивочных и вышивальных нитей, вид стежков и др.).

Объектом настоящего исследования являются предметы народного костюма таджикского населения среднеазиатских городов в их типологическом (мужской, женский, повседневный, выходной, праздничный и т.д.) и историческом разнообразии.

Предметом исследования является изучение этнической и сословной специфики таджикского наряда в исследуемый период с учетом сложения и развития костюмных традиций под влиянием политических и социальных преобразований и, в рамках культурогенеза, некоторых признаков костюма

¹Max Tilke. Oriental Costumes. Their Designs and Colors. Berlin, 1922.

других народов (узбеков, евреев и др.), исторически населяющих с таджиками одни и те же города.

Хронологические рамки исследования указаны в его названии и охватывают период конца XIX - начало XX в. Это обусловлено тем, что в данный период Средняя Азия оказалась под политическим влиянием Российской империи и развитие этнического городского костюма происходило в условиях интенсивного синтеза местных традиций и привнесенных инноваций российско-европейского характера. Основанием для выбора верхней временной границы исследования послужили события начала XX века, обеспечившие распространение в Средней Азии советской власти, что послужило линией рубежа для нового этапа коренных изменений в народном костюме таджиков.

Географические рамки исследования. Эволюция традиционного костюма городских таджиков будет изучена в пределах среднеазиатских районов компактного проживания этого народа. Основанием для такого подхода служит тот факт, что в рассматриваемую эпоху именно эта территория оказалась под влиянием русской культуры, что породило в костюмах местного образца своеобразие, характерные только для среднеазиатских владений Российской империи. Подавляющее количество изложенного материала имеет отношение к городам, сегодня административно входящим в состав независимых государств - Таджикистана (Худжанд, Гиссар и др.) и Узбекистана (Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд и др.).

Методологическая основа исследования. В качестве важнейшего методологического посыла выбрана необходимость изучения истории и традиций в одежде в контексте многогранных связей с социально-историческими обстоятельствами и культурной средой. Диссертантом использованы методы сравнительно-исторического и структурно-видового рассмотрения, а также логико-исторической реконструкции.

В процессе работы над диссертацией автор опиралась на важнейшие положения и достижения современной исторической, археологической,

этнографической и искусствоведческой науки. Вместе с тем, основу исследования составили личные разработки автора работы, которые реализованы в строгом соответствии с принципами историзма и комплексного подхода к решению установленных задач исследования.

Более обстоятельно методологические аспекты исследования изложены в специальном разделе диссертационной работы.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

- разработана тема, связанная с костюмом равнинных таджиков, населяющих все главные среднеазиатские центры истории и культуры этого народа;

- разработана методологическая концепция изучения средневекового таджикского национального костюма, развивавшегося в условиях господства чужеродных династий и с учетом специфики привлекаемых источников;

- выявлены особенности письменных и художественных источников и возможности использования их материалов для изучения таджикского городского костюма;

- составлена характеристика мужского и женского костюма городских таджиков в зависимости от их состоятельности и положения в обществе и выявлены элементы своеобразия в костюме представителей каждого социального сословия;

- дано описание особых костюмов в городской социальной среде и определены их отличительные черты;

- в процессе исследования выделена, как специальная проблема, вопрос о таджикской аристократической одежде.

- на конкретных примерах раскрыта сущность этнического костюма как семиотического маркера;

- прослежены изменения в городской моде в аспекте социальных и эстетических ориентаций таджикской городской знати;

- выявлены социально-экономические и социокультурные факторы, влиявшие на распространение в среднеазиатской городской среде принципов костюма европейского образца;

- установлена хронология распространения среди горожан элементов европейского костюма в связи с формированием урбанизированной социальной среды

Положения, выносимые на защиту:

- для Средней Азии рассматриваемая эпоха – период динамичной трансформации образа жизни населения, вызванной распространением здесь власти Российской империи и возрастанием влияния европейской культуры. Последовавшие социально-культурные изменения оказали заметное воздействие и на костюмы народов региона. Возникли новые виды одежды, произошли изменения в ее составе, покроях, форме, началась интенсивная замена в одежде кустарных тканей на фабричные и т.д. Заметные изменения коснулись и других предметов костюма;

- в рассматриваемый период эволюция народного костюма таджиков происходила под влиянием интенсивного проникновения русской культуры, обусловившей активный синтез национальных традиций и заимствования, причем наиболее динамично этому процессу подвергся городской костюм;

- эволюция костюма городских таджиков, несмотря на новые социально-культурные условия развития, происходила на основе преемственности традиций, позволившей сохранить черты своеобразия, обусловленные национальной культурой, обычаями, природой и климатом района проживания, традиционным образом жизни;

- наличие в дореволюционной Средней Азии расслоения населения (не тождественное делению на классы) обусловило формирование здесь особых сословных костюмов (костюмы купцов, богословов, военных и т.п.). Одновременно существовала внутри сословная дифференциация в костюмах,

зависящая от этнической принадлежности, рода занятий, уровня состоятельности, места проживания (город и село, равнины и горные местности) и т.п.

- для рассматриваемого периода понятие «городской костюм Средней Азии» отражает реалии таджикского костюма, костюма городских таджиков. То же означает и, так называемый, «сартовский» костюм, под которым подразумевались виды нарядов, характерных для основной части городского населения Средней Азии;

- близкие условия жизни таджиков и городских узбеков, многочисленные межнациональные семейно-брачные связи обусловили формирование у них одинаковых, схожих в основных чертах, костюмов. С учетом этого, для изучения таджикского костюма рассматриваемой эпохи в качестве дополнительного источника возможно привлечение нарядов персонажей-горожан, обозначенных в подписях к фотоиллюстрациям как представители узбекского народа;

- под понятием «таджикский аристократический костюм» понимаются наряды (выходные, служебные, праздничные) таджикской дворцовой знати, а также костюмы других представителей властной верхушки, в том числе провинциальной, из числа представителей этого народа;

- в художественных источниках рассматриваемой эпохи нашли отражение, как правило, женские наряды, распространенные в пределах Русского Туркестана. Из сопоставления сведений письменных источников вытекает, что эти источники имеют ценность и для изучения костюма женщин из городов и равнинных селений Бухарского эмирата;

- художественные источники эпохи, вне зависимости от вида социальных занятий персонажей этих произведений, представляют реальные наряды основной части женского населения региона;

- для рассматриваемого периода можно констатировать идентичность по составу служебного костюма таджикской знати, по сути, мужского аристократического костюма, с типичным нарядом рядового горожанина.

Отличия заключались в деталях— используемых тканях, оформлении одежды, дополнении аксессуарами;

- своеобразие женского костюма, используемого в семьях таджикской городской знати, также заключалось в других признаках, а не в составе костюмных предметов: в числе вместе надетых предметов одежды, видах украшений, использовании более дорогих тканей, богатстве отделки и т.п.;

- в рассматриваемый период интенсивное проникновение русской культуры отразилось на крае предметов одежды и их отдельных деталей (появление выкройных платьев и халатов, отложных и стоячих воротников и др.), но не изменил состав одежного комплекса.

Личный вклад соискателя заключается:

- в авторской разработке методологической концепции изучения дореволюционного таджикского национального костюма с учетом специфики привлекаемых источников;

- в целевом сборе, анализе и систематизации сведений разных источников по таджикскому дореволюционному костюму разных слоев городского населения;

- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Теоретическая и практическая значимость работы. Содержание и основные положения работы, ее материалы могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджикского народа и других народов Центральной Азии; при подготовке обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при разработке учебных пособий и методических указаний для вузов соответствующего профиля; при составлении отраслевых словарей.

Материалы исследования могут стать значимым подспорьем в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов, археологов, в

частности, в их деятельности по идентификации отдельных находок исторического костюма.

Степень достоверности и апробация диссертации. Отдельные главы, основные выводы и результаты диссертационного исследования были обсуждены на заседаниях кафедры дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно–практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан. Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах указанной кафедры Технологического университета Таджикистана. Диссертация обсуждена на совместном заседании отдела истории и теории искусств и отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ (протокол № 8 от 15.03.2022 г.).

Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях автора в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах международных и республиканских научно-практических конференций, из них 4 - в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и иллюстрированных таблиц (в приложении).

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДСКОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Исследование дореволюционной материальной культуры равнинных таджиков, в отличие от населения горных районов, сопряжено с целым рядом методологических затруднений. Изучение темы требует разработки определенной методологии, что связано со спецификой предмета исследования. Нужно определить критерии выбора конкретных групп населения: по месту проживания, этносоциальной характеристике, виду занятий, положения в обществе и т.д.

В частности, нужно определиться, в какой степени основное городское население Средней Азии рассматриваемого периода, зачастую именуемое в письменных источниках как сарты, имеет отношение к таджикскому народу? Далее, есть ли возможность по примеру Европы или России, говорить, о таджикском сословном костюме, например, аристократическом или купеческом, если для средневекового общества Средней Азии нет единого понимания сущности этих самих сословий?

Кроме того, важно определиться с методологией изучения женского костюма равнинных районов с учетом имевшей место социальной изолированности женщины, отсутствия у нее возможности показаться в обществе при наряде, украшениях, косметике. Правда, доступны немало фотографий женского населения, в основном горожанок, по которым можно составить некоторое представление о тенденциях моды того периода, облике повседневной и выходной одежды, причёске и т.д. Однако требует анализа вопрос о том, насколько в женских нарядах, запечатленных на фотоснимках конца XIX – начала XX вв., отражены именно костюмы, присущие коренному населению, народным массам. Если быть более конкретным, можно ли считать наряды женщин, позировавших перед фотокамерами, типичными костюмами основной части женского населения региона, или же их носила только узкая группа жителей,

представлявшая определенную категорию общества. Напрашивается и такой вопрос: насколько сами, позировавшие перед камерами, женщины имеют отношение к коренным жителям региона.

Как видим, разработка настоящей темы сопровождается целым рядом вопросов методологического и источниковедческого характера, без решения которых достоверность результатов дальнейшей работы может быть поставлена под сомнение. Поэтому проанализируем отдельные из этих моментов и, аргументировано, на конкретных фактах, изложим некоторые методологические принципы, которые должны быть соблюдены при исследовании темы такого характера.

В трудах русских авторов рассматриваемой эпохи – исследователей культуры, быта и занятий среднеазиатских народов, естественно, можно выискать и информацию по костюму. Такие сведения в той или иной мере подробности, разумеется, имеют отношение и к костюму городскому. И здесь важно учесть, что содержащиеся в этих работах тексты по нарядам горожан Средней Азии имеют отношение, прежде всего, к историческому таджикскому костюму. Чтобы удостовериться в этом, достаточно обратиться к следующей заметке замечательного этнографа А. Д. Гребенкина: «Город и таджик так тесно связаны в понятии среднеазиата, что узбеки, например, считают всех живущих в городах не иначе, чем таджиками. Кем населен Янги-Курган? Таджиками, отвечает узбек и если усомниться в таджикском происхождении янги-курганцев, то узбек обидно-снисходительно заметит: почему же они не таджики? Ведь они живут в городах и занимаются торговлей? Яснее этого аргумента для узбека ничего быть не может. Город есть настоящее местожительство таджика и только в городе таджик в своей сфере...». Он отмечает, что таджики также населяли близлежащие селения вокруг городов¹.

На этот аспект этнографической картины Средней Азии полвека раньше А. Д. Гребенкина обратил внимание Е. К. Мейендорф. Анализируя статус

¹Гребенкин А.Д. Таджики. С. 4.

распространенных в Бухарском эмирате языков, он отмечал, что таджикский (персидский) язык здесь служит языком “городских жителей и всех более или менее цивилизованных бухарцев”¹.

Итак, основное население среднеазиатских городов в то время составляли таджики. По соседству с ними проживали в значительно меньшем количестве представители других этнических групп – оседлые узбеки, индусы арабы, персы, евреи. Основная масса узбеков обитала в удаленных от городов долинах и степях, что обуславливалось их традиционным занятием – скотоводством.

Отдельные признаки приведенной картины этнического расселения косвенно проявляется и в наши дни. Например, можно наблюдать, как узбеки, приехавшие из селений, в городской черте Бухары предпочитают общаться на таджикском языке. В этом проявляется их стремление показать, что они здесь не чужие, местные, горожане. Причем такая картина наблюдается, несмотря на нормативное сужение в суверенном Узбекистане круга использования таджикского языка.

И удивляться этому не приходится. Как следует из материалов, собранных известным специалистом по этнографии Бухары О. А. Сухаревой, в 1954/55 учебном году в семилетних и средних школах этого города 2717 детей обучались на таджикском языке и только 1623 подростка - в узбекских классах². И это после десятилетий искусственного регулирования этнической картины города, начавшегося одновременно с образованием СССР.

Далее, заслуживает внимания в рассматриваемом контексте следующее наблюдение упомянутого А. Д. Гребенкина: «Туземцы города говорят совершенно верно: «Всякий город имеет своих таджиков». Понятие, что каждый город имеет своих таджиков, так вкоренилось в них, что они называют себя по городам. Если спросить... кто он такой, то таджик на такой вопрос ответить: я бухарец, ташкентец, ходжентец, самаркандец и проч., но не скажет или в редких

¹Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 152.

² Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 123-124.

случаях скажет: я таджик»¹. Как видим, существовала корневая связь между образом жизни этнических таджиков и функционированием городов и их округи.

Этой теме касается и выдающийся путешественник-этнограф и, между прочим, «отец русской тюркологии» В. В. Радлов, работавший в 1868 году в Средней Азии в составе комиссии по установлению пограничной линии между Россией и Бухарой. Он пишет: «Большинство таджиков живет в городах, и занимаются там исключительно торговлей и ремеслами... Основное местожительство (городских – 3. С.) таджиков... – города Ходжент на Сырдарье..., Ура-Тюбе (Истаравшан – 3. С.), Джизак (в котором живут почти одни таджики) и Самарканд». По его словам, внутренняя часть города Самарканд заселена едва ли не исключительно таджиками, и на улицах почти невозможно было слышать никакую другую речь, кроме таджикской (персидской). Практически одними таджиками были заселены и окрестности этого города². Перечисляя места, наиболее массово населенные таджиками, В. В. Радлов ограничивается лишь указанием городов, к тому времени уже присоединенных к Российской империи. При таком подходе города Бухарского эмирата (Гиссар, Куляб и др.), естественно, в составленный им этногеографический реестр включены не были.

Этническим составом среднеазиатских городов интересовались в те времена многие путешественники. «В Бухаре, Самарканде и Ходженте таджики - главный элемент городского населения», - писал в 1876 году американский дипломат и путешественник-исследователь Юджин Скайлер. По его словам, много таджиков населяли в это время и Ташкент³ – форпост оседлого быта на границе среды кочевников. Указанный город был присоединен к России еще в мае 1865 года, благодаря чему у американца была возможность без особых проблем ознакомиться с этнической картиной и тонкостями быта населения Ташкента.

¹Гребенкин А. Д. Таджики. С. 5.

²Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 562.

³Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 6. С. 599.

«Таджики — жители городов и больших деревень (кишлаков)» - пишет в «Очерках Бухары» П. П. Шубинский и далее подчеркивает, что этот народ, очевидно, по большей части его городская часть, занимается исключительно внутренней и внешней торговлей¹.

В. А. Прищепова - ученый, специализирующийся на изучении материальной культуры, прежде всего костюма, народов Средней Азии на основе фотоиллюстративных коллекций Кунсткамеры, пишет следующее: «Ираноязычные таджики – древние коренные жители региона, проживавшие преимущественно в городах, их главным занятием было земледелие. Традиционно таджики составляют ядро населения Бухары и Самарканда»². Следовательно, таджикская культура в целом решающее значение оказала в формировании состава и стиля костюмного комплекса Бухарско- Самаркандского оазиса и долины Зеравшана.

Как известно, в посттимуридской Средней Азии тенденции моды зарождались в Бухаре и отсюда распространялись по всему региону. Стольный город диктовал моду на всем пространстве эмирата и в рассматриваемую эпоху. Известный этнограф Ф. Д. Люшкевич, наиболее глубоко изучившая традиционный бухарский костюм, заключает, что “в комплексе традиционного костюма, сложившемся среди исконного оседлого населения Бухарского оазиса, преобладающими оказались элементы одежды древнего ираноязычного населения”, т.е. таджиков. А так как основу населения Бухары исторически составляют таджики, причина такого ее заключения лежит на поверхности. Проведенный ею сопоставительный анализ показал, что, например, традиционная плечевая одежда населения Бухарского оазиса отличается от одежды жителей северовосточных районов (Хорезма, Ферганы, Ташкента) и сходится с одеждой

¹Шубинский П. П. Очерки Бухары. Ч. 2. № 8. С. 387-388.

² Прищепова В. А. От Лерха до Зарубина. Из истории коллекций Кунсткамеры по культуре народов Таджикистана. С. 283.

горных таджиков¹. Данный аспект эволюции региональной одежды был обусловлен, очевидно, влиянием этнического фактора.

Вопрос об этнической основе городских масс Средней Азии нашел свое отражение во многих публикациях того времени. Однако в отличие от А. Д. Гребенкина, ряд дореволюционных авторов народность, преобладавшую в городах и равнинных селениях региона, называли сартами. Общепринятым было мнение о том, что сарты представляют помесь тюрков с таджикским населением равнин – аборигенами Средней Азии². В первые годы советской власти так называемое «сартовское» население крупнейших городов (Ташкента, Бухары, Самарканда, Коканда, Андижана и др.) было массово включено в состав этнических узбеков.

В принципе, проблема происхождения сартов, их этническая сущность не является предметом нашего рассмотрения. Однако отдельные моменты этого вопроса все же нам придется затронуть, так как от этого зависит направление нашего дальнейшего исследования.

Российская историография придерживается мнения, что те, кого называли сартами, были антропологически очень похожи на таджиков. Более того, в отдельных исследованиях можно встретить и такую запись: «Регионально сарты подразделялись на бухарцев, самаркандцев, ходжентцев, дарвазцев и др.»³. Как видим, в число сартов умудрялись включать не только всех этнически чистых равнинных таджиков, но иногда даже горных. Правда, большинство авторов того периода отделяли таджикских горцев от основного равнинного населения региона, по их словам, сартов, используя для первых этническое название «гальча»⁴.

¹ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 143-144.

² Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. С. 87-97.

³ Прищепова В. А. От Лерха до Зарубина. Из истории коллекций Кунсткамеры по культуре народов Таджикистана. С. 283.

⁴ Подробнее см. раздел «Значение слов «таджик и гальча» в кн. Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. С. 84-87.

В этом аспекте заслуживают внимания следующая заметка этнографа Т. Г. Емельяненко, которую она приводит в связи с творческим наследием известного фотографа и собирателя этнографических коллекций по Средней Азии С. М. Дудина: «Сартами Дудин называет городское население центральной части Средней Азии, причем не только больших городов, но и мелких, и жителей окрестных селений, независимо от того, на каком, таджикском или узбекском, языке они говорят и каково их этническое происхождение. Термин «таджик» он употребляет преимущественно в отношении жителей Нагорной Бухары – Каратегина, Дарваза, Файзабада, Гарма, а узбеки у него – исключительно кочевые группы, их он описывает и в Самаркандской области, и на маршруте по Нагорной Бухаре»¹.

«В Бухаре и Коканде их называют таджиками», - пишет об уроженцах Хивинского ханства, которых нарекали сартами, А. Вамбери². На вопрос о том, кем же являются сарты, он дает свой оригинальный ответ, основанный на турецком (тюркском -?) факторе. Оказывается, термин «сарт» является турецким названием таджиков.

А теперь затронем другую грань этой проблемы. Найти границы этнического разделения сартов и таджиков пытались многие исследователи. К. Ельницкий в конце XIX века писал, что у таджиков стремление к городской жизни проявляется, не меньше, чем у сартов. Однако, по его словам, таджик менее склонен к занятию торговлей, чем сарт³. Но, согласитесь, распространенность среди народа занятости торговлей никак не может служить критерием для этнической дифференциации. Свидетельством тому являются, к примеру, слова известного русского писателя и путешественника Е. Маркова, назвавшего типичного бухарского лавочника «каким-нибудь разжиревшим таджиком в белой чалме и пестром халате»? По его наблюдениям, такой

¹ Емельяненко Т.Г. С. М. Дудин об «увеселениях» сартов. С. 101.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 173.

³ Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. С. 118.

горожанин без торговли на базаре, - это все равно, что рыба без воды¹. Как видим, один автор того времени считал, что таджики были заняты в сфере торговли в сравнительно меньшей степени (чем сарты), другой же не мыслил образ жизни таджиков без торговли. Кому верить? Налицо два, фактически исключаящие друг друга, мнения.

“Тип сарта и характер его с первого знакомства говорят за его арийское происхождение”, - писал прикомандированный в 1866 году в Ташкент П. И. Пашино. Хотя появление их (сартов) в Средней Азии указанный автор связывает с персидскими переселенцами времен Чингизхана. Причиной общения сартов из некоторых областей на тюркском языке П. И. Пашино считает то обстоятельство, что переселенцы и их потомки были вынуждены жить в среде, где на нем разговаривала основная масса населения. Примером такой среды может служить общество Кокандского ханства. Бухарские сарты, отмечает далее П. И. Пашино, общались на персидском языке. Здесь он имеет ввиду, конечно, таджикский язык. Далее читаем: “Некоторые смешивают сартов с таджиками и говорят, что сарт и таджик одно и то же. Действительно, между таджиками и сартами есть много общего, так как оба эти народа арийского происхождения”.

Немаловажно также замечание П. И. Пашино о значительной части коренных жителей Ташкента того времени. Оказывается, ташкентские сарты отказывались причислять себя к таджикам, признавая себя народом сравнительно более высокого достоинства².

О таком снисходительном, даже пренебрежительном, отношении к таджикам, которое господствовало в кругу некоторых этнических групп региона, писали многие авторы. “Мы называем таджика таджиком, когда едим его хлеб, или называем его сартом, когда бранимся с ним”, - приводит Е. Марков ответ бухарских узбеков на вопрос “Так кто же такие сарты?”³

¹Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 393.

²Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. С. 167-168.

³Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 400.

Трагическая судьба таджикского народа, не раз в своей истории подвергнутого варварству и опустошительным последствиям кровопролитных нашествий иноземцев, конечно, заставляла его быть осторожным и миролюбивым. Ценности домашнего очага, спокойствие семейного быта он поставил выше междоусобиц и захватнических походов. Эта черта характера таджиков, отражающая свойство самосохранения этноса, воспринималась отдельными «боевыми» народами за трусость, льстивость и угодничество.

Однако возвратимся к поставленным задачам нашего исследования. Изучая этнографические материалы конца XIX– начала XX века по, так называемой, сартовской народности, встречаем много нюансов в материальной культуре, сближающего их с таджиками, особенно равнинными, городскими. А. П. Шишов в своем фундаментальном сочинении, хотя и с некоторым содержанием кампильятивности, посвященном этнографии таджикского народа, пишет: “Одежда равнинных таджиков та же, что у сартов... Более подробно об одежде туземцев равнин нами уже было сказано ранее, при описании одежды сартов”¹. Тем самым он призывает читателя при желании полистать страницы другого своего крупного этнографического произведения, посвященного жизни и быту тех, кого в то время называли сартами².

Итак, сведения источников о костюмах «сартов» имеют непосредственное отношение к таджикскому костюму, историческому и традиционному. Точнее, к костюму городских таджиков. И это очень важно. Разве мыслимо, изучая таджикский костюм рассматриваемой эпохи, игнорировать материалы, скрупулёзно собранные, систематизированные и опубликованные В. и М. Наливкиными³, А. П. Шишовым⁴ и Э. С. Вульфсон⁵, Н. П. Остроумовым¹ и рядом

¹ Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 124.

² Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 132 и след.

³ Наливкин В. П., Наливкина М., Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. Казань: Типография Императ. Унив-та, 1886; Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

⁴ Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1904. Т. 11. С. 1-492.

⁵ Вульфсон Э. С. Как живут сарты. М., 1908.

других замечательных авторов, только на том основании, что они посвящены этнографии людей, считавшихся сартами.

Естественно, в музейных документах конца XIX – XX века оседлое население Средней Азии опять же обозначено словом «сарты». Музейные образцы предметов народного костюма, их фотографии и изображения, являются незаменимыми источниками для реконструкции костюма того периода. И такая методологическая возможность реконструкции таджикского костюма в настоящей работе активно используется. Тем более что «сартовские» костюмные принадлежности, представленные в музейных артефактах и иллюстративных источниках, типологически соответствуют соответствующим предметам традиционного костюма таджиков. Естественно, с учетом возможной трансформации, некоторого изменения формы, силуэта, размеров.

Таким образом, не будет никакой ошибки, если соответствующие материалы письменных и иллюстративных источников по, так называемым, сартам будут использованы для изучения костюма городских таджиков, в частности, и равнинных таджиков, в целом.

В коллекциях фотоиллюстраций конца XIX– начала XX века встречается также много образцов, этническая идентификация персонажей которых не требует определения. Они оснащены подписями, на которых указано «таджик», «таджичка», «узбек», «узбечка» и т.п. Сравнивая костюмы городских таджиков и узбеков, легко приходишь к выводу, что в своих основных чертах они практически не отличаются. И это не случайно. Многовековое сосуществование этих народов в одних и тех же районах, обусловили одинаковые природно-климатические и социальные условия жизни, близкое соседство определило немалое количество межнациональных браков, заключения родственных отношений. По этой причине нередко персонаж фотоснимка, обозначенный как «узбечка» по типу лица не отличается от типичной таджички (илл. 3.2.11) или наоборот. Как отметила в 1989 году этнограф Ф. Д. Люшкевич, в Бухарском

¹ Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Вып. 1. Ташкент, 1890.

оазисе, к примеру, “до недавнего времени среди коренного узбекско-таджикского населения ни самоназвание, ни язык не были этнодифференцирующими признаками”. На основе изучения плечевой одежды и головных уборов у разных этнических групп этого района она выделила три этнолокальных комплекса (узбекско-таджикский, казахско-каракалпакский и туркменский)¹. Другими словами, выявить этнодифференцирующие признаки в костюме бухарских таджиков и узбеков оказалось задачей практически невозможной. Следовательно, есть основания привлечь подобные фотоиллюстрации в качестве источника для изучения таджикского исторического костюма.

Перейдем теперь к другому методологическому аспекту настоящей работы. Изучая этнографию жителей Средней Азии, русские исследователи края обратили внимание, что здесь не наблюдалось характерного для Европы или Российской империи разделения людей на сословия. Как известно, в средневековой Европе было принято сословное деление на аристократию, священников и простолюдинов. В России же до революции 1917 года существовали такие сословия, как дворяне, духовенство, купечество, городские обыватели (мещане, ремесленники и рабочие люди), крестьянство.

В отличие от этого, в среднеазиатском обществе не существовало социальных групп с законодательным регулированием состава, привилегий и обязанностей их членов. В частности, здесь не было местной аристократии в корневом смысле этого понятия. Как писал Гюго Краффт, не носили дворянского титула даже самые богатые жители, имевшие собственные усадьбы. Хотя титулы все же здесь были, однако они носили исключительно религиозное содержание: *хаджи* (совершивший хадж в Мекку), *ходжа* (получивший высокое богословское образование), *ишан* (религиозный советник) и т.п. Но эти звания или степени предоставляли своим владельцам лишь духовные привилегии, например, особое почтение в обществе.

¹Люшкевич Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области. С. 72.

По этой причине использование формулировок типа «дворянский костюм», «купеческий костюм» и т.п. для характеристики материальной культуры народов средневековой Средней Азии, допустимо, если дистанцироваться от заключенного в них сословного содержания. Так, выражение «мужской костюм дворцовой аристократии» подразумевает наряды лиц, приближенных к главе государства (хану или эмиру). Объектом изучения в этом случае будут выступать костюмы людей, занимавших должности *кушбеги* (первый сановник, главный министр), *парваначи* (отправитель письменных указов эмира), *тупчи* (начальник артиллерии), *чин-додхо* (дивизионный генерал), *токсаба* (полковник, командир полка), *мирахур* (заведующий главной конюшней эмира), *инок* (советник эмира, провозглашавший его устные приказы), *удайчи* (церемониймейстер), *махрам* (камергер, личный слуга правителя). Очевидно, это неполный реестр таких должностей.

Обратим внимание, что в данном конкретном случае речь идет о культуре одежды светской знати, а не представителей духовной верхушки среднеазиатского общества – *шейх ул-ислама*, *ходжа-калона*, *реиса*, *кази-калона* и др.

О. А. Сухарева, глубоко изучившая этнографию Бухары конца XIX– начала XX веков, придерживается мнения, что в городе общественные сословия существовали, хотя деление на сословия нельзя отождествлять с делением на классы. Она, опираясь на заключение ряда первых исследователей средневековой Бухары, выделяет следующие три сословия: простонародье – *фукаро*, военно-служилое – *сипох*, духовенство – *уламо*. В число представителей *фукаро* она включает ремесленников (как хозяев мастерских, так и работавших под их началом), торговый люд всех категорий, духовенство, не состоявшее на службе, а также людей, выполнявших различные градообслуживающие работы (лекари, цирюльники, водоносы, банщики и др.). Сословие *сипо* считалось привилегированным, и состояло из военной знати, в частности придворных, лиц, за которыми были закреплены командные должности в армии, а также людей,

занятым обслуживанием этих лиц. Сословие *уламо* состояло из высшего государственного духовенства, а также потомственных родов сеидов и ходжей. К числу представителей высшего духовенства относили лиц, назначенных на соответствующие государственные посты богословов и законоведов. Сеидами именовали мнимых или действительных потомков пророка Мухаммада, а ходжами (букв. «господин») – потомков первых четырех «праведных» халифов¹.

Таким образом, часть представителей второго сословия, занимавших высокие посты в структуре государственной власти рассматриваемой эпохи (*казикалон, раис, миршаб, закотчи, кушбеги, тупчи* и др.), мы причисляем к придворной аристократии. Соответственно, их наряды, особенно служебные, будут представлены как аристократические.

В связи со сказанным возникает вопрос: Допустимо ли наряды аристократов, элиты общества рассматриваемого периода, связывать с таджикским костюмом? Ведь, как известно, все три среднеазиатских ханства (Бухарское, Кокандское, Хивинское) были государствами тюркско-монгольскими. Их первые лица принадлежали к трем разным тюркско-монгольским племенам: мангитам, мингам, кунгратам.

Сразу отметим, что на поставленный вопрос ответ утвердительный. Это заключение подтверждается опять же материалами письменных источников. Так, Вамбери писал, что бухарские таджики составляют значительную и влиятельную часть чиновничьего аппарата эмира². О. А. Сухарева отмечает, что в столичной Бухаре большинство гражданских чиновников и лиц, занимавших различные духовные чины, были представителями таджикского населения³. Об этом писал и ряд других авторов, которые будут процитированы в разделе 2.2 настоящей работы.

Итак, в лице отдельных придворных чиновников была представлена таджикская высшая аристократия того периода, чья жизнь и служба проходила

¹ Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 183-184.

² Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 567.

³ Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 183-184.

при узбекских династических дворах. Костюм дворцовой знати не имел этнической дифференциации, так как, очевидно, знать была обязана носить наряды установленных образцов (если исходить из состава костюмного комплекса). Это значит, что имевшее место веками стирание разницы между таджикским и узбекским национальными костюмами, обусловленное близкими условиями проживания этих двух народов, наблюдалось и в аристократических нарядах.

Помимо аристократической верхушки, помышлявшей в столице, в провинции бытовала так называемая местная аристократия, или по А. Д. Гребенкину, «аристократия округа». В его состав указанный этнограф вносит должностных лиц, таких как *бек* (губернатор области, провинции), *амлакдары*, *зякетчи*, *курбаши*, *амины*, купцы и высшее духовенство. Эта группа людей пользовалась большим почтением в обществе. Перед ее представителями преклонялись, им завидовали. Эта группа вела знакомство только со своим кругом, хотя была разбита на множество кружков. Дети аристократов составляли цвет молодежи, они были законодателями моды¹.

Задача восстановления женского традиционного костюма, характерного для Средней Азии конца XIX – начала XX веков, на основе сохранившихся иллюстративных материалов опять же требует определенного методологического подхода. Во-первых, в музейных и частных коллекциях фотоснимков женских персонажей гораздо меньше, чем мужских. По понятной причине, фотографам позировали в основном мужчины. В городах и равнинных селениях женщины были изолированы на своей половине, соответственно, не было возможности снимать их на камеру. Особенно это касается жизни общественной знати. Феодальная верхушка жестко придерживалась правила гаремного существования женщины. Общаться с обитателями гарема могли лишь самые близкие родственники хозяина дома. Чужим, в их числе исследователям, художникам и

¹Гребенкин А.Д. Таджики. С. 42-44.

фотографам, вход в женскую половину дома местного жителя не позволялось. Даже в присутствии хозяина дома.

При выходе из дома горожанки и женщины, проживавшие в равнинных селениях, носили *фаранджи*. Такая накидка полностью закрывала от чужих взоров всю женскую фигуру и весь ее наряд. Соответственно, и в этом случае не было возможности зафиксировать на фотоснимке лицо, внешнее телосложение женщины, тонкости ее наряда.

Горожанкам и равнинным женщинам выставлять напоказ свое лицо, прическу или другие детали костюма в присутствии посторонних мужчин общество решительно запрещало. И это требование строго и всеми соблюдалось. Но, при всем том, такие иллюстрации все же имеются, причем немало. Как такое оказалось возможным? Есть версия, что на многих фотографиях того времени запечатлены женщины определенного социального положения. И эта версия находит свое частичное подтверждение.

Первые фотографические работы и непосредственные антропологические исследования, связанные с женским населением региона, проводились с женщинами публичными или заключенными. Только они могли позировать перед фотокамерой с непокрытой головой или в тюбетейке без головного платка. Зачастую именно их привлекали для фиксации особенностей различных занятий, обрядов и традиций местного населения. Анализ, проведенный В.А. Пещеревой фоторабот Н. Орде, показал, что одни и те же женщины запечатлены на таких его фотоснимках, как «Самарканд. Публичные женщины» и «Сартянки. Стирка белья». Переодеваясь в разную одежду, преобразуя свои костюмы, они демонстрировали типаж и наряды местных женщин разной состоятельности или занятых разными домашними работами¹.

Гюго Краффт не скрывает, что его фотоколлекция по женским типажам была собрана с привлечением исключительно куртизанок. Только они позволяли

¹ Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН). С. 228-229.

фотографу приближаться и рассматривать себя. При всем том, ему позировали женщины легкого поведения исключительно в пределах областей, присоединенных к России. В Бухаре реализовать эту тактику ему не удалось, так как там куртизанки придерживались характерного им образа жизни в обстановке строжайшей секретности.

В крупных среднеазиатских городах Российской империи публичные дома под прикрытием чайханы располагались вплотную друг к другу, образуя специальные кварталы. Гюго Краффт посещал эти заведения с разрешением на руках и не имел преграды для съемки на фотокамеру женских типажей. Фотограф отмечает, что дамы, собравшиеся в публичных домах, были из разных районов Средней Азии, но свое географическое происхождение держали в тайне.

Заслуживает внимания следующая его заметка: «Костюмы их очень разнообразны: они носят шикарные рубашки из шелка, камзолы, туники и широкие платья, по форме напоминающие мужские халаты. Вся эта одежда шьётся из очень красивого шёлка и бархата, однотонного или в рисунок... Женщины обожают украшения и надевают на себя всё, чем владеют. Это серьги и кольцо из серебра очень тонкой работы и коралла; подвески на плечах, на которые крепятся множество крохотных туалетных принадлежностей; цилиндрические футлярчики и маленькие коробочки из серебра с талисманами или духами, которые цепляют на грудь цепочками и застёжками. На пальцах женщины носят много колец, в основном, украшенных бирюзой или вкраплениями необработанного рубина, которые вставляются либо по всей окружности, либо в оправу из золота или серебра».

Как видим, позировавшие фотографу куртизанки имели богатые наряды, их костюм был насыщен дорогими украшениями. По факту эти наряды ничем не отличаются от костюмов женщин из аристократических семей. Поэтому мы будем исходить из того положения, что последние наряжались в точно такие шикарные костюмы, какие представлены на фотоиллюстрациях, скрывая их под *фаранджи*. Однако в отличие от халатов-накидок горожанок из числа средних и низших

слоев, носивших *фаранджи* из серых тканей, без отделки, а зачастую грязную и лоскутную, жены и дочери среднеазиатских аристократов накидывали на голову халаты-накидки из дорогих тканей, богато украшенных тонкой вышивкой (илл.2.2.1). Впрочем, логично, что такую же *фаранджи* носили на улице и куртизанки, так как женщина, укутанная в красивую верхнюю одежду, выглядела более привлекательной для мужчин и возбуждала в них тягу приблизиться и завязать диалог. К примеру, в такой халат-накидку облачена, видимо, публичная дама, представленная в фотоработе Гюго Краффта «Женщина в парандже и чачване».

Итак, можно согласиться, что большая часть женских портретов выполнена в публичных домах. Однако считать, что все женщины, открывавшие свои лица перед фотокамерой, были публичными женщинами, тоже неверно. Есть заметка европейского путешественника о том, что даже в Благородной Бухаре было немало женщин, не видевших ничего предосудительного показать себя во всем блеске перед камерой за умеренную плату. Если верить ему, то и здесь действовал принцип «Money, money, ...». Усомниться в этом мы не видим повода.

Фотограф С.М. Дудин в своем отчете о творческой работе в Средней Азии также признает, что позировавшие ей в Ферганской долине девушки принадлежали к группе публичных женщин. По преимуществу это – танцовщицы, чье ремесло распространилось здесь после присоединения области к России. Они появлялись на увеселениях под наблюдением старух-антрепренерш. Помимо танцев они разыгрывали любовные сцены, сочетая пантомиму и короткие реплики. На отдельных фотографиях эти девушки запечатлены с музыкальными инструментами. Вместе с тем, Т.Г. Емельяненко, проанализировав их типажи на снимках и некоторые нюансы костюмов, пришла к заключению, что многие из них имели восточно-туркестанское происхождение. В частности, скуластые лица выдают в них выходцев из соседнего с Ферганой региона – Кашгара, который в рассматриваемый период был широко известен своими многочисленными публичными домами. Более того, там женщины имели возможность участвовать в

общественных увеселениях наравне с мужчинами. Нельзя исключать нахождение среди натурщиц С.М. Дудина уйгурок. По заключению Т.Г. Емельяненко, позировавшие перед фотокамерой ферганские танцовщицы, скорее всего, не местные, а прибывшие сюда на заработки девушки из Кашгара¹. Однако логично, что здесь они придерживались местной культуры одежды, даже если не прятали свои наряды под *фаранджи*.

Еще одна сложность заключается в том, что неясно, к какой категории, зажиточных или средней состоятельности, отнести тех женщин, которые в источниках названы франтихами. Несомненно, таковые были представительницами и той, и другой группы. В настоящей работе особенности их костюма, отражающие передовые тенденции моды, указываются в разделе о женских нарядах зажиточного населения.

В целом, на наш взгляд, следует придерживаться мнения, что иллюстративные фотоколлекции по занятиям и быту среднеазиатских женщин в большей степени имеют значение для изучения костюмов средних и низших слоев населения. Однако отдельные фотоснимки могут быть привлечены для изучения женского аристократического костюма, так как на них демонстрируются богатые наряды горожанок. В данном случае нам важен костюм, а не личность, демонстрирующий его. Тем более что, как будет показано в разделе 2.2 настоящей работы, женские наряды местных жителей независимо от состоятельности их хозяек, во многих чертах были схожи. Разница заключалась, в основном, лишь в используемых материалах одежды и числе украшений.

Как уже отмечалось, дореволюционные фотографии фиксировали на камеру среднеазиатских женщин исключительно в городах, ставших подвластными царской России. Фотоснимки выполнены в Ташкенте, Самарканде, Худжанде, Намангане и других городах с русской администрацией. Здесь публичные женщины уже ходили по улицам с открытым лицом, вызывающим нарядом, например, в высоких блестящих сапогах. В качестве танцовщиц они посещали

¹ Емельяненко Т.Г. С.М. Дудин об «увеселениях» сартов. С. 101-107.

свадьбы и другие увеселения, где публику составляли только мужчины. В пределах Бухарского эмирата фотографировать женщин у них не было никакой возможности. Однако, к примеру, иллюстративные материалы по костюму Самарканда, вполне могут быть привлечены для изучения соответствующего бухарского костюма. Хотя эти города функционировали теперь уже в составе разных государств, прошло слишком мало времени, чтобы в нарядах их жителей образовалась существенная разница.

По причинам, указанным выше, попытка реконструкции аристократического женского костюма сталкивается с большими трудностями. В этом контексте особую ценность приобретают редкие фотографии, на которых в действительности представлены гаремные женщины среднеазиатской аристократии в роскошных нарядах. Есть фотоснимки женщин семейных, с детьми. Их фотографии были выполнены, на наш взгляд, с разрешения мужей. Таковую версию нельзя исключить. Возможно, здесь решающее значение имели деньги.

Интерес представляют и, представленные на отдельных фотографиях, богатые костюмы, даже если позировавшие женщины сами к знати никакого отношения не имели, а лишь привлекались к демонстрации их нарядов.

Таким образом, в настоящем исследовании за основу будут взяты следующие методологические положения:

- существенные социально-культурные изменения, происшедшие в Средней Азии во второй половине XIX века и обусловившие попадание в вассальную зависимость Бухарского эмирата в урезанных границах, присоединением к царской России территории ликвидированного Кокандского ханства и тем самым вызвавшие существенную трансформацию образа жизни местного населения, оказали заметное воздействие и на традиционные костюмы народов региона. Возникли новые костюмные предметы, появились изменения в покроях одежды, под воздействием европейской культуры подверглись динамичной

трансформации состав и форма традиционной одежды, началась интенсивная замена в одежде кустарных тканей на фабричные и т.д.

- наличие в дореволюционной Средней Азии сословий (не тождественных классам) обусловило формирование здесь особых сословных костюмов. Одновременно существовала внутри сословная дифференциация в костюмах, зависящая от этнической принадлежности, района проживания (город и село, равнины, горы и предгорья), рода занятий;

- для периода конца XIX – начала XX века понятие «городской костюм Средней Азии» отражает реалии таджикского костюма, костюма городских таджиков;

- по существу таджикским является, и так называемый, «сартовский» костюм, под которым понимали наряды основной части городского населения Средней Азии.

- близкие условия жизни таджиков и городских узбеков, многочисленные межнациональные семейно-брачные связи обусловили формирование у них костюмов одинаковых, схожих в основных чертах. С учетом этого, для изучения таджикского костюма рассматриваемой эпохи в качестве источника возможно привлечение и нарядов персонажей, обозначенных в подписях к фотоиллюстрациям как представителей узбекского народа;

- под понятием «таджикский аристократический костюм» понимаются наряды (выходные, служебные, праздничные) таджикской дворцовой знати, а также костюмы местной верхушки из числа представителей этого народа.

- независимо от того, женщины какого социального положения, каких занятий позировали перед фотокамерами, их наряды в своих основных чертах соответствовали костюмам основной части женского населения региона.

- фотоиллюстрации женщин, выполненные в пределах Русского Туркестана, служат источником для изучения не только женского костюма этого региона, но и нарядов женщин из городов и равнинных селений Бухарского эмирата.

-не все женщины, запечатленные на фотографиях того периода, представляли местных дам с ограниченной социальной ответственностью. На отдельных фотоснимках представлены местные женщины семейные, придерживавшиеся принятых в обществе норм морали.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И МОДА В КОСТЮМЕ ТАДЖИКСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЗНАТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1. Мужской костюм дворцовой аристократии

Как отмечалось в первой главе настоящей работы, А. Вамбери писал о существенном влиянии, присущем высшим слоям таджикского общества в администрации эмира Бухары. В свою очередь, А. П. Хорошхин в очерке, посвященном Самарканду, отметил, что таджики составляют примерно 60 % его населения и являются в местном масштабе привилегированным классом. Этот класс, по его словам, представляли *амлакдары, мутевали, аксакалы, имамы, муллы, халифа* и т.п.¹

Высокопоставленные чиновники из числа таджиков играли значимую роль и при дворах Кокандского ханства. Над другими народами региона «благодаря своему духовному превосходству, поработанные таджики всегда имели нравственный и умственный перевес», - писал доктор А. П. Шишов. Он отмечал, что из их числа образовались, как высшее кокандское интеллигентное сословие (духовенство, ученые, учителя народных школ, судьи, законодатели), так и те, кто временами приближались к кормилу правления, захватывали в свои руки верховную власть и становились повелителями»².

Автор «Всеобщей географии», изданной в 1883 году, Э. Реклю видел в таджиках умственную аристократию Туркестана. По его словам, у других народов, населяющих прибрежные города Амударьи и Сырдарьи, считалось хорошим тоном подражать их языку³. Об этой особенности среднеазиатского этнографического колорита писал и ряд других публицистов, изучавших в дореволюционный период местное общество. Красноречивее других в этом аспекте выразился уже не единожды упомянутый нами А. П. Шишов:

¹ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С. 217.

² Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 254.

³ Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 345.

“Ограбленные и поработанные таджики, благодаря своему духовному превосходству, всегда опять становились у кормила, а из их рядов выходили заправители (как в селах, так и в городах), “седобородые” (аксакалы), сборщики податей, учителя, ученые знатоки священного писания, монахи и духовенство, и даже столь важные по своему значению казы, т.е. судья и законодатели. Следовательно, они представляли собою высшее сословие. По временам, они будучи в числе приближенных тирана, брали перевес и даже становились властителями страны”¹.

В книге барона Е. К. Мейендорфа - члена российского посольства 1820-1821 годов в Бухару, есть заметка о некоем таджике, имя которого не сообщается, игравшем заметную роль при дворе эмира Хайдара. Он служил в звании *дастарханчи* и сумел войти в полное доверие эмира – факт, которому другие придворные очень удивлялись. Благосклонность эмира к нему была ничуть не меньше, чем к *курбаши*. Такое положение дел вынуждало *курбаши* и *дастарханчи* соперничать между собой и одновременно остерегаться друг друга². В таком случае, указанный *дастарханчи* должен был обладать весьма значительными полномочиями, если его соперник - *курбаши*, как главный министр, был основным распорядителем пошлин и налогов в государстве. С этой точки зрения, *дастарханчи* отнюдь не представлял собой рядового придворного, наблюдающего за тем, как прислуга готовит и накрывает эмирский стол.

Таким образом, есть основания говорить о таджикском аристократическом костюме, или костюме таджиков, приближенных к власти. Однако в процессе сбора и анализа материалов для составления характеристики такого костюма, следует обеспечить достоверность приводимых сведений, так как они будут основаны зачастую на описании нарядов конкретных лиц. По этой причине мы будем подчеркивать каждый раз национальную идентичность этих персон, их отношение к таджикскому народу.

¹Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 260.

²Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 135.

Затрагивая настоящую тему, необходимо отметить родственную связь таджиков с персами (иранцами) - двух народов, имеющих общие корни. Эта связь выражается, как в общении на одном и том же языке (персидско - дарийском), так и в признаках наружности, а также близости культуры и быта. Потомки персов, насильственно, зачастую в качестве рабов, переселенных из Ирана и Хорасана в Среднюю Азию и здесь приобретших свободу, родились и выросли в регионе, позаимствовав черты хозяйственно-бытового и культурного уклада, свойственные местному населению. Как представители исконно оседлого народа, они нашли в Средней Азии своих сородичей в лице таджиков, придерживавшихся близких для них ритуалов, обычаев, традиций. Со временем совместное проживание представителей этих двух народов в одних и тех же районах привело к еще большему их сближению в аспекте и наружности и образа жизни, включая, естественно, физиономию, язык, культуру, и не в последнюю очередь, костюм. Не случайно, одних и тех же людей из числа среднеазиатской знати, некоторые русские авторы считали таджиками, другие – персами. Этот момент дает нам основание использовать в качестве материалов по разрабатываемой теме и сведения, имеющие отношение к нарядам потомков переселенных в регион персов. Переходя к исследованию тонкостей костюмов таджикской аристократии, следует прежде привести некоторые конкретные факты по службе таджиков, да и иранцев, при дворах узбекских ханов.

Как писал А. Вамбери в первой половине 1860-х годов, в Бухаре наиболее влиятельные сановники были персиянами, которые считались лучшими переговорщиками во взаимоотношениях с европейскими политиками. Их представители – Шахрух-хан, Мухаммад-Хасан-Хан, Занал-Бай, Махди-Бай, Лашкар-Бай в рассматриваемый период занимали высшие командные посты в бухарской армии¹.

На существование давней традиции назначения бухарскими ханами таджиков или их персидских соплеменников на ответственные посты указывал А.

¹Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 184.

А. Семенов: «По традиционным соображениям повелитель Бухары на должность, где более полезна покорность и преданность престолу, назначает ... узбека, на ответственные места, где нужен политический такт и осторожность, в большинстве случаев назначаются ... таджики или их сородичи из Ирана»¹. О давних корнях и разумности этой традиции писал В. В. Крестовский – в 1882-1884 годах чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Туркестана М. Г. Черняеве: «Древние законодатели и организаторы государственной власти Бухары, предоставляя высшую после самих себя власть людям достойным ее не в силу одних лишь преимуществ своей родовитости, но прежде всего в силу ума, способностей и личных достоинств, обладали совершенно правильным взглядом на государственное дело»².

В этой обстановке условия жизни в Бухарском эмирате, считавшемся подобно ханствам Хивы и Коканда, узбекским государством, диктовались не узбеками, а персидскими чиновниками. «Жизнь их(узбеков – З. С.) зависит от произвола беков-персиян, - писал А. Гребенкин, - их духовенство, их грамотные, *амлакдары*, *мирзы* и прочие – это все не узбеки, или с редкими исключениями узбеки... Эмир, говорят узбеки, родом мангит; все это хорошо, но в нем узбекского ничего нет, и он их терпеть не может...»³. Узбеки «составляют военную силу страны, хотя высшие офицеры выбираются не из их рядов», - писал в 1917 году М. Достоевский, который также обратил внимание на взаимоотношение разных народов – жителей Средней Азии⁴.

Известно немало фактов, когда бывшие персидские пленники, проданные туркменами в рабство бухарцам, здесь возвышались до высших административных должностей. Замечательным примером этого служит биография персидского раба родом из Мешхеда по имени Мухаммади, который в силу преданности своему хозяину и сметливости получил вначале чиновничью

¹Семенов А.А.По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года). Т. 87. С. 973.

²Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 285.

³Гребенкин А.Д. Узбеки. С. 55.

⁴Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. С. 9.

должность, а затем постепенно возвысился при эмире Музаффаре до поста *кушбеги*. Теперь его почтительно величали Мухаммади-бий-кушбеги, с легкой руки которого видные государственные посты получили затем его сын и внук. Причину столь крутого возвышения Мухаммади-бия (как и его сына) Н.П. Стремоухов видел в женитьбе того на отставной жене эмира¹. Однако очевидно, что причиной столь успешного карьерного роста было все-таки не это событие, а умение тонко разбираться в политических хитросплетениях двора, уживаться в самобытной чиновничьей среде, свойственной восточной феодальной деспотии. А женитьбу на бывших содержанках эмирского гарема можно воспринимать как факт проявления милости всеподданнейшего за преданность в службе, его желание вовлечь в свой круг наиболее отличившихся подчиненных.

Положительные качества этой важной особы с персидскими корнями подчеркнул В.В. Крестовский, говоря о нем, как об очень приятном и сердечно веселом старике со спокойным и незлобивым нравом. Мухаммади-бий умел держать себя просто, но с достоинством, говорить с тактом и чувством меры. Занимая высокий пост *кушбеги*, он пользовался почти неограниченным влиянием на эмира Музаффара. Так, Мухаммади-бий являлся хранителем личной печати главы государства, курировал отношения Бухары с зарубежными странами и народами, заведовал государственными финансами, назначал чиновников по сбору таможенных пошлин с внутренней и внешней торговли. Он жил со своим гаремом непосредственно во дворце эмира и отвечал за его безопасность. И в этом качестве ему подчинялись все солдаты и офицеры, служившие во дворце. Кроме того, он держал в своих руках по факту функции столичного бека, исполнять которые поручил своему сыну Мухаммад-Шариф-инаку. Сын *кушбеги* был главным помощником своего отца по финансовому и административному управлению столицы, а также исполнял роль главного казначея эмира. Его

¹ Стремоухов Н. Поездка в Бухару. С. 660-662.

двадцатилетний внук Астанакул-бий был беком в другой бухарской провинции - Карши¹.

О нем писал П. П. Шубинский в начале 1890-х годов, упоминая Астанакула-*парваначи*, исполнявшего обязанности главного *закатчи* (министра финансов) в ранге второго сановника во дворе эмира Абдул-Ахада. Такой вывод напрашивается по результатам анализа сведений о нем, приведенных названным русским краеведом. Он охарактеризован как молодой и способной сановник, назначенный на этот пост, прежде всего, благодаря заслугам престарелого деда и отца². Более обстоятельно причины карьерного роста Мухаммади-бия и его потомков П. П. Шубинский проанализировал в статье «Недавняя трагедия в Бухаре»³.

Сотрудник Кунсткамеры В.А. Прищепова на групповой фотографии «Сановники бухарского эмира Абдул-Ахада» идентифицирует как Мухаммади-бия-кушбеги почтенного старца с длиной седой бородой, сидящего на возвышении крайним (илл. 2.1.1). Его портрет украшает, кроме того, одну из страниц в книге В. В. Крестовского (илл. 2.1.2, слева). Указанный автор отмечает, что по политическим соображениям этот высокопоставленный чиновник Бухары выдавал себя за узбека, хотя лицо арийского типа свидетельствовало о персидском происхождении этого семидесяти однолетнего старца. Вот как, по наблюдению В. В. Крестовского, в 1882-1883 годах выглядел костюм *кушбеги*: «Одет он был в темно-зеленый бархатный халат с рельефно-вышитыми узорами, причем, в знак его высокого положения, халат оставался не подпоясанным, а на голове пышно красовалась чалма из белой индийской кисеи, затканной золотыми полумесяцами»⁴.

В целом, почти таким же выглядит костюм его сына - Мухаммад-Шарифа, занимавшего в 1892 году пост *диван-беги*(премьер-министра) в Бухарском

¹ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 224, 285-287, 297.

² Шубинский П.П. Очерки Бухары. – № 7. С. 139-140.

³ Шубинский П.П. Недавняя трагедия в Бухаре // Исторический вестник. М., 1892. № 5. С. 467-476.

⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 288-289.

эмирате (илл. 2.1.2, справа). Правда, тот носит поверх нарядного верхнего халата широкий пояс и держит в руках раритетную саблю в ножнах. Текстура и блеск лицевого материала в халате указывают на использование в этом качестве златотканой материи, оформленной узорами «индийского огурца» на цветастом поле. По краям деталей халата рельефно выступает толстая линия золотой вышивки.

Форменный костюм каршинского бека Астанакул-бия, в котором его видел В. В. Крестовский, выглядел следующим образом: верхний халат из индийской парчи с мелкими травками, пышная чалма из кашмирской шали. В его типе лица, пишет В. В. Крестовский, не было ничего тюркского, это был чисто иранский тип¹.

Астанакул-бий охотно позировал перед фотокамерами, благодаря чему есть возможность воочию увидеть его типаж и костюм. Характеристика его наряда, приведенная В. В. Крестовским получает совершенное подтверждение на групповой фотографии «Бухарский эмир Абдул-Ахад с сыном Мир-Алимом (наследником престола) и свитой», выполненной В. Ясвоином в 1893 году. Практически в таком же костюме он предстает и на своем фотопортрете работы Н. Орде. Разница заключается лишь в декоре верхнего халата. Ткань одежды украшен большими многолучевыми розетками золотистого цвета, которые почти примыкают друг к другу (илл. 2.1.3, слева). А на фотоиллюстрации к статье П.П. Шубинского «Недавняя трагедия в Бухаре» костюм Астанакул-бия практически полностью схож с форменным нарядом эмира Абдул-Ахада, включая даже вышитый декор на предметах одежды. Разница заключается лишь в отсутствии у Астанакул-бия ленты, которая украшает грудь эмира (илл. 2.1.3, справа). Однако такая лента не служила аксессуаром исключительно царского убора. Ею пользовались и ряд других сановников эмира (илл. 2.1.4, 2.1.5, справа).

В целом, как следует из старинных фотографий и материалов произведений русских авторов рассматриваемой эпохи, парадным головным убором лиц из

¹ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 233.

ближайшего окружения эмира Бухары, а также его самого, представлен была пышная чалма – белоснежная или рисунчатая с узором типично индийского образца. Чалмы индийской выделки пользовались наибольшей ценностью, ими покрывали головы практически все представители среднеазиатской знати. Как писал во время посещения Бухары в 1820-1821 годах барон Е. К. Мейендорф, при бухарском арке носили следующие виды чалм: *муджаваз*, *урф* и *хуросони*. Помимо чалмы, здесь в качестве головного убора использовали шапку цилиндрической формы с опушкой из соболиного меха¹.

Другим иранцем, входившим в ближайший круг эмира Абдул-Ахада, был Дурбин-инак, также возвысившийся до должности *кушбеги*. Его имя оказалось зафиксированным на обратной стороне фотоснимка Н. Орде «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» в числе позировавших особ. Известно, что в Шахрисабзе он оказывал услуги русскому посольству от имени генерал-губернатора М. Г. Черняева. В. В. Крестовский пишет, что теперь (в 1882 г.) Дурбин-инак служит *шигаулом* (обер-церемониймейстером), а в прошлом был главным казначеем эмира. Русский дипломат указал на его, явно выкрашенную в темно-каштановый цвет, окладистую бороду и типично иранский тип лица. В его описании костюм Дурбин-инака представлен в виде форменного парадного халата из мелкотравчатой индийской парчи².

Обычай красить бороду был достаточно распространенным явлением во дворе бухарского эмирата. Тот же В.В.Крестовский, имевший в последний день 1882 году аудиенцию в составе посольства от имени Туркестанского генерал-губернатора у бухарского эмира Музаффара, приводит свои наблюдения об использовании им косметики: «Борода у эмира по персидской моде несколько подкрашена, отливая на свете не то красноватым, не то, как будто даже лиловато-бурым цветом. Щеки, как показалось мне, были несколько набелены и

¹Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 134.

² Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 161-162.

подрумянены, а брови и глаза как будто слегка подведены»¹. Впрочем, далее он оговаривается, что возможно, косметика тут ни при чем.

Приемнику эмира Музаффару во власти, его сыну Абдул-ахаду, не было чуждым сурмление век, отчего его глаза казались более крупными, чем на самом деле².

А. Д. Гребенкин в 1872 году писал, что мужчины из числа таджиков долины Зеравшана в праздники подкрашивали брови и подводили сурьмой глаза³. Поэтому если даже рядовые мужи в праздники пользовались косметическими средствами, приукрашивание красками государя в дни церемоний выглядело вполне естественным. В.В.Крестовский подтверждает информацию А. Д. Гребенкина, заявляя, что у коренных жителей Бухары расчесанная и надушенная борода иногда была «подкрашена в темный буро-красноватый цвет с каким-то даже лиловатым отсветом»⁴.

Что касается применения представителями среднеазиатской знати конца XIX – XX века сурмления глаз, этим пользовались, например, упомянутый выше шигаул Дурбин-инак, а также сам эмир Музаффар⁵.

Н. А. Маев, будучи на приеме у эмира Абдул-ахада в 1877 году, в своих путевых заметках написал про насурмленные веки владыки Бухары⁶.

После смерти Муллы Мухаммад-бия в 1889 г. должность *кушбеги* перешла к еще одному персиянину – Шаху Мирзо (или Джону Мирзо). До того он служил у эмира Абдул-Ахада казначеем и беком Хатырчи, а после, - главой Шахрисабзского бекства. В качестве *кушбеги* Шах Мирзо жил вместе со своей семьей в арке и работал в этой должности до своей смерти в 1905 году.⁷

¹ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 135.

² Маев Н. А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 года. С. 298.

³ Гребенкин А.Д. Таджики. С. 47.

⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 274.

⁵ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 277.

⁶ Маев Н. А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 года. С.

⁷ Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. С. 298-300.

В. В. Крестовский упоминает также о *тупчи-баши* Али-Мададе, которого эмир Музаффар направил встречать русское посольство при въезде в Шахрисабз. *Тупчи-баши* был «худощавым мужчиной лет пятидесяти, с лицом персидского типа». В его костюме внимание привлекали высокая персидская шапка и темно-фиолетовый бархатный сюртук мундирного персидского покроя. Рукава, грудь и полы сюртука были оформлены серебряной вышивкой. Вдоль груди двумя рядами были расположены двенадцать гладких медных пуговиц. На плечах красовались серебряные витые эполеты со штабс-офицерскими кистями. К поясной серебряной портупее была подвешена дорогая сабля в золотых ножнах, украшенных бирюзой и сердоликами¹. Как видим, у этого аристократического типа наряд был сформирован на основе синтеза европейского (русского) и восточного (но не среднеазиатского) костюмов.

Список особо важных бухарских персон иранского происхождения можно продолжить. К их числу принадлежал, в частности, и *токсаба* Абдул-Кадыр – персиянин, командовавший конным конвоем эмира Абдул-Ахада².

Что касается собственно таджиков, служивших на ответственных постах при дворе, здесь заслуживает особого внимания персон Мирзо Насруллы – уроженца Бухары, выходца из небогатой таджикской семьи. Его отец владел небольшой лавкой по продаже чугунных котлов³. П. П. Шубинский пишет о нем, как об узбеке⁴. Вероятно, так провозглашал свою этническую принадлежность он сам, что может быть связано с заботой обезопасить свою успешную карьеру. При дворе Мирзо Насрулла оказался во времена эмира Музаффара и его успешный карьерный рост складно продолжился при эмирах Абдул-Ахаде и Саид Алим-Хане. Показателем его большого влияния в государственных делах может служить тот факт, что он был включен в свиту главы Бухарского эмирата во время поездки в Россию в 1898 году. Известно, что Мирзо Насрулла был воспитателем

¹ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 109-110.

² Шубинский П.П. Очерки Бухары. № 7. С. 141.

³ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX - начале XX в. С. 48, 84.

⁴ Шубинский П.П. Очерки Бухары. № 7. С. 141.

брата Абдул-Ахада, принца Саид Мир-Мансура. Мирзо Насрулла сопровождал эмира Абдул-Ахада и во время его следующего посещения России в 1906 году. В русских документах, имеющих отношение к этой дипломатической миссии, Мирзо Насрулла упоминается в качестве *парваначи* и в должности бека Шахрисабза. Более того, в нем видели наиболее приближенного лица правителя Бухарского ханства. В 1909 году Мирзо Насрулла получил пост *кушбеги* и сохранил свою должность после прихода к власти Саид Алим-Хана (до 1917 года). Известно, что этот влиятельнейший сановник умер через год после смещения с поста *кушбеги*¹. Хотя собственно характеристика наряда Мирзо Насруллы в источниках не встречается, представить его в общих чертах возможно. Есть иллюстрации и описания костюмов других лиц, исполнявших должность *кушбеги* до или после Мирзо Насруллы.

В одежде бухарской аристократии находили применение, как местные ткани, так и привозной текстиль. Знатные бухарцы пользовались импортными тканями, как приобретаемые на свои средства, так и полученными в качестве дара от местных чиновников разного уровня, а также зарубежных посольств. Обмен подарками был одним из обязательных атрибутов приема иностранных гостей в домах среднеазиатской знати. Хозяева традиционно дарили гостям халаты, а среди даров иноземных посольств непременно встречались ткани. Так, «несколько кусков дорогих материй на халаты» значились среди даров, преподнесенных бухарскому *кушбеги* Мулла Мухаммади-бию посольством Туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева. Астанакул-бию русское посольство подарило атласный халат зеленого цвета².

Своеобразие служебного костюма среднеазиатской придворной аристократии наиболее отчетливо проявляется при его рассмотрении на фоне нарядов представителей русской колониальной администрации (илл. 2.1.4). Верхней одеждой бухарских чиновников наиболее высокого ранга (сидят в

¹ Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. С. 339-340.

² Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 235, 296.

первом ряду) служил форменный двубортный халат из крупноузорчатой шелковой ткани длиной до колен или ниже. Халат шили на подкладе и зачастую украшали золотой вышивкой. Поверх надевали широкий наборный пояс. Грудь у некоторых местных сановников украшали широкая лента, идущая по диагонали, и ордена. Длину халата подбирали так, чтобы можно было видеть низ штанин, по материалу и отделке схожих с халатом.

Основные нюансы костюма бухарской аристократии прекрасно иллюстрирует фотопортрет Чарджуйского бека (илл. 2.1.5, слева). Лицевая сторона его кафтана сшита из камчатной ткани, которую украшает крупноузорчатая композиция, выполненная в оранжево-желтом цвете по бордовому фону. Края бортов и рукавов кафтана обшиты в два ряда – лентой блестящего белого цвета (изнутри) и вышитой тесемкой. Просматривается также участок горловины нижней рубахи – она из белой ткани, имеет горизонтальный разрез ворота и сшита широкой. Кафтан запахнут, сверху надет дорогой широкий пояс. На голове бека узорчатая чалма из полосатой (белой и бордо) ткани. На ноги надеты черные блестящие сапоги с высокими голенищами, очевидно, из американской лакированной кожи.

Если воссоздать в общих чертах наряд состоятельной городской особы, близкой к знати, в рассматриваемую эпоху он выглядел так, каким описал его А. Борнс. По его словам, обыкновенный наряд жителей столичной Бухары состоял из большой белой чалмы, халата или шубы, надетой поверх трех или четырех других халатов. В Регистан – площадь перед дворцом эмира, они являлись в пестрых шелковых костюмах, подходящих только под их вкус. Отдельные вельможи, отмечал А. Борнс, одевались в златотканые одежды (парчу)¹.

Носимые на службе, верхние халаты этой группы мужского населения Средней Азии были по большей части одноцветными, что объясняется, очевидно, распространением влияния русской культуры одежды. Это влияние было особенно заметно в городах Русского Туркестана. В частности, волостной

¹Борнс А. Бухара.

управитель Ташкентского уезда, на фотоснимке от 1913 года, использует в качестве верхней парадной одежды кафтан, сшитый из плотной ткани гладкой темной расцветки (илл. 2.1.5, справа). Кафтан длинный, до колен или ниже, края его бортов и концы рукавов отделаны полосками из блестящей ткани белого цвета. Борта застегнуты на пуговицы, талию охватывает широкий пояс с металлической пряжкой. Грудь ташкентского чиновника, который в подписи под фотографией причислен к сартам, украшает несколько медалей, в том числе восьмиугольная звезда. Головным убором для него служит чалма из белоснежной, очевидно кисейной, ткани.

В то же время, укоренившаяся веками традиция делать свой наряд по возможности более приметным, все еще давала о себе знать. Вот почему иногда в костюме таких особ встречались и халаты из тканей ярких цветов. В качестве примера Д. Долгорукий указывает на седого таможенного чиновника из Кокандского ханства, носившего халат из светло-зеленого ситца в мелкий рисунок. Эта ткань была русской выделки и в России ее применяли для обивки мебели¹.

А теперь остановимся на нарядах первого лица Бухарского ханства – эмира Абдул-Ахада, правившего в 1885-1910 гг. Это важно в том контексте, что П. П. Шубинским его обычный форменный наряд обозначен как «национальный таджикский костюм». Примем также во внимание описание П. П. Шубинским его внешности. «Правильные, пропорционально-тонкие черты лица, обрамленного черной, как смоль, бородкой, матово-прозрачный цвет кожи, правильный овал глубоких, с оттенком мечтательности, черных, как агат, глаз, не напоминают в нем ничего узбекского и являются античным образцом аристократического таджикского типа», - пишет он.

Причину приверженности эмира к такому этническому костюму можно видеть в том, что он родился от брака Музаффар-хана, правившего в 1860-1865

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 255.

годах, и персиянки по имени Шамшод - бывшей красавицы-рабыни с редким умом, пользовавшейся статусом любимой жены эмира.

В домашней одежде эмира, по описанию П. П. Шубинского, видимыми предметами были кафтан со стоячим воротом, шелковый халат, шелковые шаровары, заправленные в мягкие ичиги, а также головной убор в виде вышитой тюбетейки. Во время молитвы и при выходе из дворца поверх тюбетейки он навивал белую чалму. Итак, повседневный костюм эмира по составу ничем не отличался от наряда простого горожанина. Он включал как традиционные предметы одежды и обуви (туникообразный халат, шаровары, чалма, тюбетейка, ичиги), так и выкройную верхнюю одежду (кафтан *камзул*).

Парадной формой для эмира служил военный наряд, который включал шерстяной двубортный мундир с золотой вышивкой, длиной чуть ниже колен, таких же штанов с раструбами внизу, штанины которых опускались поверх голенищ сапог. В мундире вышивка украшала область груди и концы рукавов. Поверх парадного мундира надевались эполеты и широкий пояс, отделанный драгоценными камнями, с подвешенной к нему кривой шашкой в дорогих ножнах. От левого плеча по диагонали спускалась до пояса лента. Грудь эмира украшали несколько орденов. Парадную форму эмира дополняла пышная чалма из кашемира или индийской кисеи. В менее торжественных случаях он надевал узорчатый бархатный мундир с русскими генеральскими погонами и прикрепленными орденами, но без ленты¹. Таким образом, эмир пользовался парадным нарядом русского, европейского образца, национальное своеобразие которого выражалось лишь в головном уборе и отделке одежды – золотошвейном узоры местного, восточного колорита.

Интересно сравнить парадный убор эмира Бухары и Хивинского хана. У последнего лента также опускалась по диагонали, но уже с правого плеча. Другое отличие заключается в том, что головным убором правителя Хивы вместо чалмы служила высокая каракулевая шапка.

¹Шубинский П.П. Очерки Бухары. № 7. С. 133-134.

Описанный здесь костюм главы бухарского государства, очевидно, являлся стандартом для нарядов ближайшего его окружения. Дворцовая аристократия на службе носила те же костюмные элементы, за исключением аксессуаров, свойственных лишь костюму первого лица государства. Их наряды также шились из самых дорогих и броскости тканей того времени и богато оформлялись, однако по эффектности они не должны были затмить пышность костюма эмира.

Как видим, костюмам среднеазиатской знати рассматриваемого периода по большей части были характерны одни и те же черты, которые не зависели от этнической принадлежности. С этой точки зрения, для того, чтобы составить общую характеристику таджикского аристократического костюма, в качестве источников можно использовать многие старинные фотопортреты, даже если национальный состав представленных на них персонажей остается неизвестной. Это мнение в очередной раз получает подтверждение при рассмотрении фотографии из архива Российского этнографического музея под лаконичным названием «Костюм таджика-чиновника» (илл. 2.1.6, слева). Верхнюю одежду позирующего в профиль чиновника составляет широкий кафтан серебристого цвета с мелкотравчатым узором. Края бортов, подол и концы рукавов кафтана обшиты узкой вышитой тесьмой. Рукава несколько сужаются к концам, но все же достаточно широкие и длинные. По бокам на подоле исполнены разрезы. В костюме чиновника-таджика видим обычные для нарядов знати аксессуары – дорогой наборный пояс и эксклюзивную саблю. К поясу подвешены разные детали, по большей части из кожи. Хотя пояс плотно удерживает кафтан в запахнутом состоянии, в области груди борта сведены также с помощью завязок. Завязками служат шнуры с кисточками на концах. В качестве поясной одежды применяются вышитые брюки, штанины которых опускаются поверх голенищ обуви. Головной убор – чалма из белоснежной кисейной материи.

Говоря об аристократическом мужском костюме, нельзя ограничиться лишь отображением нарядов самых знатных особ. Таковыми являлись и костюмы их отпрысков. Н. А. Маев лично участвовавший на отдельных приемах в Кермине,

Карши и Гиссаре от имени трех сыновей эмира Музаффара, служивших в этих местах беками, в своих географических очерках от 1879 года пишет, что их парадные костюмы практически не различались. Все они (соответственно Саид Абдул-Ахад, Саид-Абдул-Акрам и Саид-Абдул-Мумин-хан) были наряжены в красный шелковый вышитый золотом атласный халат и белую кисейную чалму, опять же золотошвейную. Во время беседы на приеме каждый из них сидел, держа богато украшенную саблю обеими руками – за рукоятку и оконечность ножен¹. Итак, в Бухарском эмирате был выработан соответствующий деловой этикет, когда бекам было предписано являться на торжественные мероприятия в строго установленных нарядах. Были выработаны требования и применительно к тому, как они должны были держать свою фигуру и как пользоваться теми или иными костюмными аксессуарами.

К слову, дети состоятельных особ в Бухарском эмирате составляли основу местных франтов. Среди них, по словам Е. К. Мейендорфа, был распространен обычай выщипывать волосы из верхней части щек, причем зачастую для осуществления этой работы они пользовались услугами профессиональных брадобреев.²

Типичный костюм сыновей среднеазиатской знати конца XIX века, «молодых аристократов таджиков», в своих общих чертах описан А. Д. Гребенкиным: «На их головах наверхены цветные, яркие, большие чалмы, на плечах их по нескольку шелковых или полупшелковых халатов. Кушаки или в серебряных с бирюзой бляхах, или из кашемировых шалей». Сапоги с зелеными каблуками»³.

Детей бухарской знати приучали наряжаться в солидную одежду и на равных держаться в кругу взрослых аристократов уже с малолетства. Писатель и журналист-путешественник Н. А. Маев пишет о старшем сыне китабского правителя Абдул-Джалил-бия, который во время приема русского посольства в

¹ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. С. 129, 139; Маев Н.А. Очерки Гиссарского края. С. 182.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 148.

³ Гребенкин А.Д. Таджики. С. 45.

резиденции бека чинно сидел в ряду других лиц свиты своего отца в большой белой чалме¹.

Сохранилась фотография молодого таджика, очевидно, на момент съемки еще состоявшего на попечении богатых родителей (илл. 2.1.8, справа). Его комплект одежды состоит из трех предметов. Нижняя рубаха их белой хлопчатобумажной ткани с воротником–стойкой, глухо застегнутым у шеи на пуговицы. Поверх нее надета другая одежда, с отложным воротом, из гладкой ткани темной расцветки. Верхней одеждой халат из пестрой полосатой ткани, вероятно, *алочи* или *бекасаба*. Халат опоясан широким шелковым поясом, украшенным серебряными бляхами. Голову молодца покрывает затейливо наверхенная чалма из узорчатой материи. Безусловно, в таком наряде юноша выглядит весьма элегантно.

Обратим также внимание на костюм персонажа фотографии «Бай-бача – юноша из зажиточной семьи» (илл. 2.1.9, слева). Дословно термин «Бай-бача» переводится с таджикского языка, как «Богатый юноша», однако не следует торопиться причислять таких горожан к молодым аристократам, выходцам из знатных семей. До революции слово «бача» зачастую имело двусмысленное значение, в том числе применительно к мальчикам и юношам - танцорам, которые проходили специальные курсы обучения, и их занятие пользовалось особым спросом в условиях затворничества женщин. По случаю массовых увеселений - *тамаша* они наряжались в женскую одежду или в наряд с элементами подражания ней, отпускали длинные волосы, подводили брови *усмой*, а ресницы *сурьмой* и в таком виде развлекали публику. Зафиксировано, выполненное очевидцем, описание костюма танцора, согласно которому тот «перед танцем одевает род кафтана, стянутого в талии и широкого в подоле, с узкими рукавами. На спине пришит треугольный матерчатый амулет. Штаны очень узкие у щиколотки с прикрепленными по сторонам бубенчиками»².

¹ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. С. 86.

² Прищепова В. Взгляд со стороны: урда, джалап, бача. С. 114.

Прическа рассматриваемого персонажа и отсутствие на его голове чалмы позволяет причислить его к кругу лиц, занимавших в обществе положение, о котором здесь говорится. Нельзя исключить наличия на видимом правом его ухе серьги, а также ленты-повязки, которой охвачены волосы. При всем том, одежда (а не костюм) юноши вполне соответствует выходному наряду пасынков отцов-аристократов (илл. 2.1.8). Дело в том, что на улице и рынках *бача* появлялся в обществе своих богатых обожателей, которые готовы были удовлетворить любые его прихоти. Он указывал на самые дорогие и изысканные предметы одежды, которые его воздыхателями немедленно оплачивались. Известно, что содержание *бачи* нередко приводило к разорению его поклонников (илл. 2.1.9, справа). Нередко между ними завязывались потасовки, иногда оканчивавшиеся поножовщиной. В таких условиях наряд *бачи*, естественно, не уступал нарядам выходцев из самых богатых семей. Как можно видеть, герой произведения облачен, по крайней мере, в четыре предмета плечевой одежды. Его верхний халат с меховой опушкой сшит из блестящей полуселковой ткани *бекасаб* с широкими, одинаковыми по толщине полосками.

Упомянем здесь о моде на каблуки, господствовавшей в мужской обуви жителей Бухарского эмирата первой половины XIX века. А. Борнс пишет, что жители столицы этого государства независимо от того, пешие или на лошадях, всегда носили сапоги с очень высокими и узкими каблуками, около 4 см высоты и не более 0,75 см ширины у основания. Получается, что внизу толщина каблука составляла около 0,5 см. Его собственный опыт ходить в таких сапогах не дал положительного результата, более того, он не мог в них твердо стоять на ногах. Он также добавляет, что поверх этих сапог знатные особы носили башмаки, которые при входе в дом снимались. Итак, среди мужчин, как и у женщин, существовала традиция ходить внутри дома в сапогах¹. А. Вамбери также

¹Борнс А. Бухара // Звезда Востока. № 2.

отмечал, что в первой половине 1860-х годов в Бухаре мужчины носили довольно сносные «сапоги на высоких каблуках и с заостренными носками»¹.

О бытовании сапог со «страшно высокими» каблуками в дореволюционном городе Гиссаре писал Д. Н. Логофет в 1910 году. Так он описал обувь «толстого таджика» из числа служащих гиссарского бека, который переваливаясь и спотыкаясь в таких сапогах, в знак почтения пешком сопровождал внутри города конную процессию русской миссии в местный посольский дом².

Фотопортреты, представленные на илл. 2.1.7, изображают таджиков, служивших чиновниками «второго порядка». Их наряды выдают в них состоятельных, но не дворцовых, особ. Общими для представленных костюмов является наличие дорогого широкого пояса, головного убора в качестве чалмы из белой кисеи, что весьма ярко подчеркивает высокий сан представленных персонажей, а также использование какого-либо предмета одежды из ткани с абровым узором. Очевидно, это – полупелюшковая ткань *адрас*, если учесть, что каноны ислама запрещали ношение мужчинами одежды из чисто шелковой материи. Именно чрезмерно пестрый наряд – характерная черта костюма состоятельного таджика – аристократа «второго порядка». Можно полагать, что персонаж, представленный на илл. 2.1.7 слева – чиновник, служивший на периферии Бухарского эмирата – в одном из бекств. Орнамент на его верхнем халате представляет большие спиралеобразные фигуры. Под этим халатом он носит еще три предмета одежды – два халата и нательную рубаху с горизонтальным разрезом ворота – *куртаи муллоги*. Края разреза ворота, очевидно, как и концы рукавов, рубахи обшиты узкой вышитой тесьмой *шероз*.

В свою очередь, в одежде самостоятельного уроженца Самарканда сразу два предмета (халат и штаны) сшиты из абровой материи, причем одной и той же. В теплое время года этот халат выполняет функцию верхней одежды. Снимок,

¹Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 90.

² Логофет Д. Н. Через Бухару (Путевые очерки по Средней Азии). С. 208.

вероятно, выполнен зимой, когда его персонаж надел поверх пестрой одежды одноцветной тулуп на меховой опушке.

Таким образом, в рассматриваемый период мужской выходной костюм таджикской знати по сути представлял военный костюм. Постоянным местом жительства лиц, принадлежавших к этому кругу, был город, причем столичный. Наиболее влиятельные из них служили по большей части при дворе правителя, а отдельные наиболее важные сановники и вовсе проживали там со своими семьями. По этим причинам наряды знати представляли собой один из видов городского костюма. Одежный комплекс аристократии по составу не отличался от одежды рядовых горожан. Изготовленный из наиболее дорогих тканей, ярких и броских, оформленная вышивкой, зачастую золотым шитьем, а также дополненная соответствующими аксессуарами (наборный пояс, оружие, нагрудная лента, медали и т.д.), он превращался в костюм военный, или аристократический.

2.2. Женский костюм состоятельных семей

Состав женского костюмного комплекса у жителей среднеазиатских городов в рассматриваемый период был одним и тем же вне зависимости от их состоятельности. Он состоял из одного или нескольких надетых вместе платьев, штанов, верхней одежды (легкого халата или камзола), головного убора, обуви. Иногда состав одежды дополнялся безрукавкой. В холодный период года к этому добавлялся стеганный халат. Большое значение в женском костюме играли украшения, содержание и число которых зависело от возможностей семьи.

Однако увидеть на улице одежду и другие детали женского костюма было невозможно, так как вся фигура встречаемой здесь горожанки скрывалась под *фаранджи*. Будучи головной накидкой – халатом, она покрывала женщину от головы до пят. Накидка дополнялась сеткой – покрывалом для лица. Из-под него видна была разве что обувь, и то частично. На улице почти все женщины – молодые, средних лет и пожилые, смотрелись одинаково. Сложно было разобрать

и состоятельность скрывавшейся под накидкой женщины. “Вся разница в большей или меньшей свежести халата (*фаранджи* – З. С.) и в обуви”, - словно продолжая эту мысль, говорит о несуществовании дифференциации в выходном женском костюме разных слоев населения Кокандского ханства купец Д. Долгорукий¹.

Филлип Назаров в начале XIX века писал, что в Ташкенте и Коканде видел женщин лишь на улице, где они ходили в головных накидках и лицевой волосяной сетке. Он писал, что местные женщины стройны и одеваются весьма богато. В качестве женского головного убора, по его словам, в Ташкенте пользовались чалмой. Естественно, наряды, скрытые под *фаранджи*, видеть Ф. Назаров не мог. Однако в Коканде ему было предложено принять ислам и жениться на «богато одетой 15-ти лет прекрасной девушке», которую ей тут же представили с открытым лицом и богатым убранстве². Очевидно, по ней и сложилось у русского посла приведенное мнение. В любом случае, его оценка отражает качество одежды горожанок из семей с высоким достатком.

Платья. Число надеваемых одно на другое платьев у городских таджичек с достатком составляло, как правило, три. Замужние женщины надевали и большее число платьев, порой до семи штук. Обычно так поступали в праздники. В этом принято усматривать стремление показать родственницам и подругам свою зажиточность³. Вместе с тем, на наш взгляд, не стоит сбрасывать со счетов влияние эстетического фактора. Каждое из надетых платьев по-своему дополняло и вносило новый, особый штрих, в общее композиционное решение женского костюма.

В наибольшей степени такая традиция была характерна для столичной Бухары. Население города находилось географически ближе к власти и, потому, более состоятельно. Однако замечено, что надевание здесь большого числа платьев и стремление к демонстрации их всех, включая нижнее, было

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 256.

² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии.

³ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. С. 7.

свойственно только таджичкам. Местные еврейки, для сравнения, а бедностью они, как известно, не страдали, ограничивались ношением лишь двух платьев, причем их нижнее платье было полностью сокрыто от чужого взора. Излишняя пестрота, достигаемая за счет увеличения числа предметов одежды, противоречила культуре костюма бухарских евреев. У них такой подход считался признаком безвкусицы¹. И это при том, что на формирование облика одежды евреев Бухарцы влияние таджикского костюма было огромно. Как отмечал П. П. Шубинский, «поселившись в Бухарских пределах с незапамятных времен, они (евреи – З. С.), под влиянием правительственного и религиозного мусульманского гнета, восприняли от бухарского народа образ жизни, одежду, нравы и даже многоженство, удержав от ветхозаветных времен лишь одну религию»².

Не одобряли и не стремились заимствовать обыкновение городских таджиков к натягиванию на себя многих предметов одежды и узбеки, в том числе заимствовавшие оседлый уклад существования. «В образе жизни, пище и одежде, они соблюдают умеренность, переходящую в суровость», - писал о бухарских узбеках П. П. Шубинский³. Однако здесь мы становимся свидетелями справедливости известной присказки - «о вкусах не спорят».

В конце XIX – начале XX века в городах таджикской оседлости, безусловно, с подачи зажиточных горожанок, сложилась традиция ношения широких длинных платьев туникообразного покроя. Особенно широкими были женские платья опять-таки из Бухары – стольного града, диктовавшего моду на всем пространстве эмирата. Ширина стана на платье здесь составляла в среднем 55-65 см. Такое значение, очевидно, гораздо превышало ширину плеч хозяйки платья. Для сравнения, в Горном Таджикистане женщины в этот период носили платья с

¹ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 296.

² Шубинский П. П. Очерки Бухары. Ч. 2. № 8. С. 388.

³ Шубинский П. П. Очерки Бухары. Ч. 2. № 8. С. 387.

обычной шириной стана 35-40 см. А в Дарвазе встречались образцы, в которых этот показатель составлял 30 см и даже чуть меньше¹.

Есть несколько факторов, обусловивших распространение в быту обеспеченных горожанок платьев большой ширины. Во-первых, и об этом уже говорилось, такая ширина обуславливалась с их естественным желанием убедить в своей обеспеченности окружающих. Мол, наша семья в состоянии позволить себе тратить на одно платье столько ткани, сколько вы, возможно, расходуете на два. Иногда и на три, если учесть, что в парадных платьях иных состоятельных горожанок ширина стана достигала 80-90 см. Широкие бухарские платья *куртаи остин коло* имели такие же широкие (до 45 см) рукава прямой формы. Зауженность рукавов от основания до конца рукавов, если она была, не превышала 10 сантиметров².

Второй мотив для появления платьев с большой шириной стана и рукавов заключается в функциональном значении такого конструктивного решения. Оно обеспечивало возможность надеть сразу несколько платьев, к чему стремились состоятельные горожанки.

Третья причина связана со свойствами тканей, из которых в городах преимущественно шили платья. В конце XVIII - начале XIX века любимыми тканями придворных модников и модниц становятся бархат, его гладкие и узорчатые сорта, а также канаусы - *шойи*. Их фактура, особо себя проявляющая в условиях свободных линий и драпировок, сказалась на фасонах одежды городских женщин. В платьях и халатах горожанок стали доминировать формы с прямым широким станом и такими же рукавами, богатой отделкой шелковой и золотой вышивкой.

¹ Широкова З.А., Шовалиева М.М. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. С. 144.

² Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 131.

Изучение иллюстративного материала разного вида показывает, что шить широкие платья в городах Средней Азии начали во второй половине XIX века¹. В это время происходило завоевание региона русскими, однако в данном конкретном случае между русской (и татарской) культурой одежды и шириной платьев коренного населения связи не прослеживаются.

Облик костюмов, представленных в книжной миниатюре средневековья, служит свидетельством того, что до середины XIX века в Средней Азии на равнинах и в горных областях носили женские платья, в том числе шелковые, с узким станом, широкими у основания и сильно суженными к концу, длинными рукавами. Такой фасон платьев бытовал и в крупных городах. С распространением во второй половине XIX века широких платьев, мода на приталенные фасоны, прежде господствовавшая в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве повсеместно, постепенно вытеснялась. Она сохранилась лишь в отдаленных равнинных селениях и горных районах.

Другой особенностью нарядных платьев горожанок была богатая отделка золотой шитьем и вышивкой шелковыми нитями. В одежде таджичек отделка, как правило, имела более привилегированное значение, чем качество материала². За счет вышивки или золотого шитья им удавалось преобразить, сделать более нарядной любую одежду. «Золотошвейное искусство носило преимущественно дворцовый характер и обслуживало нужды обеспеченных людей. Золотое платье в качестве приданого было распространено, однако, не только в дворцовой среде, но и среди крупных, средних слоев горожан и кишлачных баев», - пишет Г. Майтдинова³.

Как отмечалось, в среде состоятельных городских таджичек было принято носить под верхним халатом три платья. Их кроили с таким расчетом, чтобы через горловину и рукава обнаруживалось наличие каждого из надеваемых платьев.

¹ Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы. С. 117.

² Эта закономерность имела место и в женской одежде горных районов, за исключением верховьев Зеравшана.

³ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. 2. С. 89.

Другими словами, нижние платья вносили свою лепту в общем декоре костюма. Для этого, во-первых, разрез ворота платья, надеваемого последним, делали V-образным. Промежуточное платье, как правило, имело вертикальный разрез ворота, а нательное платье – горизонтальный ворот или воротник-стойку. Во вторых, надеваемые вместе платья имели разную длину рукавов: самые длинные рукава были на нательном платье, наиболее короткие – на самом верхнем.

Стремление придать декоративность каждому элементу – одно из особенностей, которые были присущи именно таджикскому женскому костюму. Другие народы, проживающие в городах бок о бок с таджикским населением, этой традиции не придерживались. В частности, бухарские еврейки, в отличие от местных таджичек, детали своего нижнего платья никогда не выставляли напоказ. Для них в этом предмете одежды первостепенное значение имело его практичность¹. Таджички же стремились придать каждому элементу своего костюма и практичность и декоративность.

Мы уже отмечали, что во второй половине XIX века, сначала в Бухаре, затем в других крупных городах Средней Азии, распространился обычай носить очень широкие шелковые платья, с прямым станом и такими же рукавами. Такой покрой женской одежды внедрился именно в городской быт. Постепенно он распространился по всей долине Зеравшана, в городах Ферганской области, Ташкентском оазисе, Хорезме, долинах Гиссара и Сурхандарьи, а также отчасти в административных центрах бекств, расположенных в Горном Таджикистане. Речь идет о Кулябе, Бальджуване, Кабодиане, Раште (Дарвазе), городах, размещенных на среднем течении Зеравшана. В Раште, к примеру, широкие, как на равнинах, платья в рассмариваемое время шили для себя многие женщины. Стан платья у них имел около 60 см ширины, т.е. в 1,5-2 раза больше, чем в соседнем Дарвазе. Безусловно, мода на ношение широких платьев сюда была привнесена семьями бухарских чиновников. Соответственно, позволить себе носить широкие шелковые платья могли себе позволить женщины из богатых семей. Так,

¹ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 296-297.

распространение таких платьев у таджичек города Гиссара можно связать с той реальностью, что таджики – уроженцы этого города, как писал в 1820-1821 годах Е. К. Мейендорф, в большинстве своем были очень богатые¹.

Из числа трех надеваемых вместе платьев рядовой горожанки одно (нижнее) было хлопчатобумажное, два других – шелковые. Ворот нижнего платья декорировали вышивкой, к рукавам со стороны изнанки пришивали концы *саростин*, также оформленные вышивкой. Второе платье в большинстве случаев шили из узорчатого канаса (*шойи*), концы рукавов содержали золотошвейный узор. Третье платье, верхнее, как правило, была из тяжелой крупноузорчатой шелковой ткани. Вдобавок к яркому орнаменту, его богато украшали золотым шитьем, по переду пропускали бархатную золотошвейную тесьму *пешкурта*. Ее нашивали длинной полосой, доходившей до колен и ниже, иногда до самого подола. У низа горловины платья *пешкурта* расходилась на две полосы, которые проходили вдоль границ выреза ворота. *Пешкурта* нашивалась на рубахи *куртаи пешкушо* / *куртаи пешыла* - с широким вертикальным разрезом ворота. Примерно посередине разреза рубаха застегивалась на пуговицу или завязывалось тесемками. Аристократки пользовались нашивными передами, украшенными золотой вышивкой.

Верхняя одежда. Для теплого периода года верхней одеждой служил распашной халат *мунисак* без воротника. Его длина доходила до щиколоток. Укороченный *мунисак* называли *калтача* (илл. 3.2.19, на персонаже слева, 3.2.22, справа)². Его характерными чертами были отсутствие воротника и собранные под рукавами в складки, боковины. К полам халата пришивались передние клинья треугольной формы, острием вверх, основанием вниз. Из-за этого внизу (от колен, иногда – от талии) полы халата перекрещивались (илл. 3.2.22, на персонажах посередине). Основание рукава *мунисака* было широким, к низу рукав сужался почти в 2 раза. Линия низа оснований рукавов проходил в области груди. На этой

¹Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 77.

²Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 135.

линии располагалась вершины передних клиньев, поэтому отсюда вниз происходило расширение одежды, ее расклёшивание. Подмышками пришивались шнурки, привязыванием которых здесь боковины собирались в складки. Из-за наличия складок *мунисак* в области груди становился узким и плотно прилегал к телу, что придавало женской фигуре стройность. По этой причине наиболее узким местом халата вдоль стана был участок груди, следовательно, прилегание мунисака к телу происходило выше линии талии. Наибольшее число складок под рукавами делали в Самарканде. В *мунисаке* местного изготовления складки заполняли и часть спинки халата.

Мунисак впервые надевался в 12-летнем возрасте. Считалось, что теперь она переходила в следующую возрастную группу и могла выходить замуж. По этому поводу устраивался специальный обряд – *калтачапушон*¹.

Мунисак являлся, как повседневной, так и нарядной, праздничной одеждой, однако прежде чем исчезнуть из гардероба среднеазиатских горожанок, он стал похоронной одеждой. Прежде он был распространен во всех равнинных районах - в Хорезме, Ташкенте, Ферганской долине, Худжанде, Самарканде, Бухарском оазисе. Отличительными чертами бухарских и ферганских *мунисаков* были очень широкие и короткие, до локтя, рукава. Из-под них выставлялись вышитые концы рукавов рубахи. Самаркандские и ташкентские образцы отличались суживающимися рукавами, доходившими до кистей².

Начиная с 1880-х годов, в городах сфера применения *мунисака* необратимо суживалась. Их теперь носили по большей части старухи³. Однако, даже в начале XX века в долине Ферганы некоторые молодые женщины все еще носили халат с перекрещивающимися внизу полами. Причем халат был значительно короче платья, которое доходило до земли. Здесь носили *мунисак* с узкими и очень длинными рукавами, образовавшими по всей длине многочисленные складки.

¹ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 136; Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). С. 39.

² Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. С. 297.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 97.

Края бортов халата обшивали широкой полосой неузорчатой ткани красного цвета (илл. 3.2.22).

Ее шили из дорогих шелковых тканей (*кимхо, адрас, шойи и бухори, бахмал*). Предпочитались материи яркие и нарядных тонов, среди однотонных лучшими считались материи глубокого лилового или зеленого цвета. Среди узоров м тканей предпочтение отдавалось абровым рисункам. *Калтачу* шили на подкладке из красного ситца, иногда простегивали тонким слоем ваты. Полы, концы рукавов и подол обшивали плетеной тесьмой.

В Самарканде халат *калтача* находит применение и в наши дни. Она применяется в качестве траурной одежды, а также, что любопытно, присутствует в свадебном гардеробе невесты. В составе приданого невесты числятся, как правило, штук 30 платьев национального покроя, 1-2 *калтачи* сине-голубых расцветок, а также современные виды женской одежды. Все это родные невесты должны продемонстрировать в комнате, где затем состоится обряд *никох* (бракосочетание)¹.

Распространение в среднеазиатских городах выкройных камзолов (кафтанов, бешметов), облегающих грудь и талию, с вшивным коротким (до локтя) рукавом, невысоким стоячим воротником, происходило еще до революции, под влиянием русской культуры. Одновременно с распространением камзолов, писал в 1916 г Н.С. Лыкошин, местное население взамен непрочных ичигов из козлиной кожи начало обуваться в сапоги из американской лакированной кожи². Некоторые экземпляры камзолов делали отрезными по талии. На участке подмышек делали сборки. Камзол оснащали прорезными карманами на бедрах и правой стороне груди. Полы застегивались на пуговицы. Камзол считался одеждой праздничной, его шили из узорчатого бархата или абровой шелковой ткани с ярким орнаментом³.

¹ Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда. С. 261.

² Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. С. 14.

³ Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.). С. 377.

Зимою богатые горожанки надевали поверх рубах шубу, которая в покрое не отличалась от стеганого халата. Ее шили на овечьем меху, лапках лисьих или дикой кошки. Оторочку выполняли из меха бобра, куницы или выдры¹.

Фаранджи было обязательным атрибутом уличной одежды, прежде всего в городских условиях. В сельских местностях равнинных районов его задачу выполнял обычный халат, который накидывали на голову проймой одного из рукавов. Однако наиболее состоятельные сельчанки также имели *фаранджи*, в него укутывались, когда собирались в дальнюю поездку².

Следовательно, распространение этого одеяния можно связать с принуждением, которому подвергались в богатых семьях дочери и жены не появляться без него на улице. Вслед за ними женщины среднего достатка и из бедных семей также были вынуждены подчиниться этой установившейся нормы поведения.

Во второй половине XIX века в среднеазиатских городах, включенных в состав Российской империи, таджички еще не решались выходить на улицу без головной накидки, зато дома позволяли себе через стены показать свое лицо, в платке или без него, мужчинам немусульманского происхождения. Это отмечено П. И. Пашино, проезжавшем в 1866 году через Ташкент, за год до того завоеванный русской армией³. Однако в пределах Бухарского эмирата такое поведение горожанок в тот период было непозволительным. По словам В. В. Крестовского, в Бухаре и Шахрисабзе из дверей и окон частных домов “виднелись иногда и лица взрослых женщин. Но чуть кинешь на них случайный взгляд, они моментально отпрянуть вглубь комнаты как ужаленные”. Впрочем, иные красавицы делали вид, что не замечают чужого страстного взгляда, смотрели в другую сторону и продолжали оставаться с открытым лицом⁴. Однако так они поступали только в отношении чужеземцев – русских и европейцев. “Взор габра

¹ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 50.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 96.

³ Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. С. 90-91.

⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 275.

(последователя зороастризма – З. С.) или кафира (неверного) не считается столь вредным для них, как взор мусульманина», - писал по этому поводу Е. Скайлер¹.

Головной убор. Наиболее ярко раскрывает этнические черты костюма каждого народа такая неотъемлемая часть женского традиционного костюма, как головной убор. Таджички из аристократических семей в рассматриваемый период носили на голове платки, шапочку или тюбетейку, а замужние женщины – еще и богато декорированную налобную повязку.

Шапочку *кулута* / *кулутанушак* с накосником или без него, как и тюбетейку, носили под платком. Она имела круглое плоское дно и высокий борт, сзади шапочка переходила в накосник *дум* – два слоя ткани, связанные по краям и с полый внутренностью. Через образованную таким образом трубку пропускались косы. Если *кулутанушак* делали из разных тканей, более нарядная материя использовалась в видимой налобной части. В музейных коллекциях встречаются *кулутанушаки*, сшитые из бархата или других дорогих шелков и оформленные золотым шитьем. Сохранились образцы таких шапочек без накосника и донца, с одним лишь околышем. Их считают переходным головным убором от налобной повязки *пешонабанд* к *кулуте* в подлинном смысле предмета одежды такого названия, т.е. с накосником².

Кулутанушак носило все городское женское население вне зависимости от возраста. Такой шапочкой пользовались и девочки, но носили ее без платков. Они впервые надевали *кулутанушак* на голову, когда исполнялось 9-12 лет. Побывавший в Бухаре в 1886 г., В.В. Крестовский писал: «С любопытством выглядывали на нас 10-летние девочки в расшитых шелками низеньких плоских шапочках с длинными узорчатыми назатыльниками, из-под которых наружу выбивались черные волосы»³.

Высокая налобная повязка *пешонабанд* занимала важное место в костюме городских женщин среднего и старшего возраста из состоятельных семей. Ее по

¹Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 7. С. 123.

² Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.). С. 379.

³ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 275.

всей длине оформляли золотой вышивкой (илл. 2.2.4, слева; 2.2.5). *Пешонабанд* повязывали поверх тюбетейки, естественно, также золотошвейной, или большого узорчатого шелкового платка. Уже после выхода из употребления *фаранджи*, поверх нее при выходе на улицу набрасывали большой платок *сарбанд*. Налобную повязку впервые надевали в день свадьбы и затем носили в составе праздничного костюма.

Пешонабанды в Бухаре носили исключительно зажиточные женщины. В других городах Бухарского эмирата (Гиссаре, Бойсуне и др.) они встречались только в семьях привилегированных слоев населения. За пределами Бухарского государства, в том числе в городах, вошедших в состав царской России, такая деталь головного убора не встречалась.

Сохранились многочисленные образцы таких налобных повязок. Так, старинная головная повязка имеет вид косой полосы шелковой ткани лилового цвета длиной 102 см. Ткань свернута в средней части в полосу шириной 7,5 см. Внутри полосы вложена бумага, благодаря которой и выполненной золотой вышивке срединная часть повязки не сминается, а ее концы мягкие. Поле вышивки прямоугольное, сплошь зашито золотыми нитями. По нему выполнен стилизованный растительный орнамент серебряной ниткой¹.

В Бухаре, Самарканде и других городах Средней Азии вслед за рождением женщиной из состоятельной семьи первого ребенка (еще раньше – сразу после замужества) она проходила через обряд *саллабандон*, во время которого на нее надевали новое шелковое платье *куртаи фаранг*, халат *калтача* и сложный по составу головной убор. Он состоял из шапочки с накосником *кулутанушак*, марлевого платка *лачак*, закрывающего грудь, повязки *пешонабанд* и большого платка *сарбанд*. После *кулутанушака* надевали *лачак* – кисею длиной около 3 м, сложенную пополам. Ею покрывали грудь до подбородка, а концы поднимали вверх и закрепляли узлом на темени поверх шапочки. Переднюю, свисающую на грудь, часть *лачака* сворачивали с двух сторон внутрь конусом и закрепляли на

¹ Пещерева Е.М. Бухарские золотошвей. С. 265-266.

голове под налобную повязку. Затем на голову надивали чалму *салла*. О ношении чалмы ташкентками под *фаранджой* писали в 1813-1814 годах Филипп Назаров¹, в 1829-1830 годах хорунжий Н. И. Потанин. По его словам, женская чалма была гораздо меньшей, чем мужская².

Постепенно чалма превратилась в выходной головной убор и затем, со второй половины XIX века она уступила свое место платкам и тюбетейке. Женщины носили один или два головных платка. Во втором случае один, сложенный углом, платок накидывали на голову, второй повязывали сверху в виде налобной повязки. В случае ношения одного платка, его складывали по диагонали косынкой, накидывали на голову, несколько спустив на лоб, и завязывали на затылке. В результате три конца платка оказывались позади³.

В первые годы XX века, до появления тюбетеек, девичьим головным убором считалась шапочка *туппи*, имевшая высокую круглую (илл. 3.2.8) или четырехгранную (илл. 3.2.22) макушку и высокий околыш из косой полосы ткани. Когда макушку шили из четырех сегментов, она получалась четырехгранной. Околыш имел круглую форму. Отдельные тюбетейки были полностью покрыты вышивкой, другие изготавливали из узорчатой ткани. На некоторых образцах тулья сшита из орнаментированной материи, околыш – из гладкой ткани красного цвета. Иногда по низу околыша нашита узкая или широкая вышитая тесьма.

Еще одной разновидностью шапочек и тюбетеек были образцы, выполненные в технике *пилтадузи* (илл. 3.2.8). Чтобы поверхность на тюбетейке получилась ребристой, между верхом и подкладкой, по линиям стежки, вставлялись скрученные полоски бумаги или фитильки из ваты (отсюда и название – «пилтадузи»). Такие головные уборы чаще делали на основе бархата.

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии.

² Потанин Н. И., Потанина. С., Киргизская степь и Коканское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего. С. 215

³ Маев Н. А. Азиатский Ташкент. С. 298.

Носить тюбетейки в Бухаре и других районах Средней Азии молодые женщины стали в советское время. До революции 1920 года их носили только мужчины и дети обоих полов. Е. М. Пещерева пишет, что в Ташкенте, Фергане, северных районах Таджикистана ношение женщинами тюбетейки вошел в обычай одновременно с отказом от *фаранджи*¹. В средневековье тюбетейку считали элементом мужского костюма. После установления в Средней Азии российского господства позволить себе носить ее могли лишь женщины свободного поведения. На коллекционных фотоснимках того периода запечатлены многие девушки в тюбетейках, а иногда и вовсе без головного убора. Трудно представить, что добропорядочные мусульманки могли позволить мужчинам снимать себя на камеру с открытым лицом².

Согласно полевым материалам М. А. Бикжановой, женщина лишь раз в жизни надевала на голову тюбетейку, и то не в составе выходного костюма. Это происходило в день свадьбы, когда жених за занавеской снимал свою тюбетейку и надевал на голову невесты. Взамен невеста дарила жениху новую тюбетейку. С середины 1920-х годов распространилась традиция ношения тюбетеек девушками и молодыми женщинами, сначала под платком, а вскоре и без него. Первые женские тюбетейки по форме, расцветке и вышитому узору не отличались от мужских³.

Прическа. В городах проживания таджиков пробор волос традиционно выполнялся прямой. Каждую косу плели из трех прядей. В старину незамужние девушки носили от 4 до 8 косичек. После выхода замуж было принято доводить число косичек до 10-20 и прикрепить к их концам подвески. После рождения первого ребенка и положения его в колыбель – *гахворабандон* женщина переходила на прическу в две толстые косы. В советский период такая традиция была несколько изменена. Теперь мелкие косички можно было носить до

¹ Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. С. 150.

² Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РН). С. 200.

³ Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. С. 148.

рождения 3-4 детей. В дальнейшем считали неззорным плести несколько косичек до того времени, пока не выйдет замуж первая дочь. Известно, что прежде заплетенные две косы спускались от области висков на грудь. Позже их стали откидывать на спину.

Нередко при много косной прическе часть кос (или косичек) носили спереди, часть – сзади. Существование такой манеры ношения кос таджичками зафиксировано на фотографиях из альбома «Типы народностей Средней Азии», выполненной фотографом В. Козловским в Ташкенте. Так, на фотографии «Сартянка 15 лет» персонаж две из трех-пяти своих кос носит на груди, другие располагаются на спине. В прическе героини фотографии «Сартянка 19 лет» из того же альбома видно наличие более 20 сплетенных косичек, примерно половина которых расположены спереди, спускаясь по обе стороны лица. В обоих случаях пробор волос прямой, посередине головы. У «Сартянки 15 лет» распущенные волосы заплетены в косы на уровне ниже плеч. Короткие пряди от висков подрезаны (илл. 3.2.1)¹.

Супруги Наливкины пишут, что наманганские молодые женщины отпускали надо лбом два больших фестона (*печа / пича*) из тщательно приложенных волос. В Коканде же многие франтихи оставляли за каждым ухом по локону (*зулф / торак*)².

Наибольшее число косичек носили невесты в день свадьбы. Их число доходило до 200. Невесте впервые в жизни подрезали локоны – по две с каждой стороны. Одна пара была короче, ее подрезали у ушей. Более длинные локоны делали за ушами. Все локоны завивались. В выходном костюме локоны было принято пропускать в серебряные трубочки, украшенные камнями и подвесками.

Невесте в день бракосочетания в концы каждой косы вплетали два фитилька *джамолак* (“красота”) из ваты. Их скручивали между ладонями. Белая вата в косе

¹ Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РН). С. 202.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 92.

ассоциировалась с седыми волосами. По поверью, это должно было способствовать достижению новобрачной преклонного возраста в новой семье¹.

Косметика. Таджички, как и прекрасная половина у других народов, никогда не были лишены кокетства и традиционно широко пользовались косметическими средствами. Для подведения бровей горожанки, как и женщины из равнинных и горных селений, широко пользовались соком, выжатым из листьев окультуренного растения *усма*. Нередко красили не только собственно брови, но и линию промежутка между ними. Косметическая окраска бровей выполнялась всеми женщинами, независимо от возраста². Существовало поверье, что сок *усмы* содействует повышению длины и густоты бровей³.

Ресницы красили посредством черного порошка *сурьма*. Ее привозили из России, хотя существовала и сурьма местная, добываемая в горах. Чернение ресниц было распространено у взрослых женщин⁴.

До революции XX века голову мыли без мыла и в этих условиях волосам придавали гладкость и блеск путем их промывки с использованием квашенным кипяченым молоком (летом) или разведенным в теплой воде творогом (зимой)⁵. Для этой цели также служили сырые яйца, а также бычья или коровья желчь⁶.

Также применялась косметика зубов. Существовало обыкновение их чернения краской *тышкалы*⁷. Известно, что до русской колонизации в Средней Азии для местных женщин черные зубы считались обязательной принадлежностью, поэтому чернение зубов было распространено у них поголовно. В дальнейшем под влиянием русских дам, предпочитавших иметь белоснежные зубы, эта необычная традиция постепенно стала выходить из моды⁸.

¹ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). С. 94-96.

² Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 447.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 105.

⁴ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 448.

⁵ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 449.

⁶ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 92-93.

⁷ Борнс А. Путешествие в Бухару (электр. ресурс <http://www.bukhara.uz/stati-bukhara/916-a--q--q>); Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 91.

⁸ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 448.

Заметим здесь, что А. Шишов, противопоставляя таджиков сартам, писал, что таджички «зубов не красят»¹. Очевидно, в данном контексте он ведет речь о горных таджиках. Это означает, что крашение зубов было в традиции городских таджичек, которых, как уже отмечалось, также причисляли к сартовской народности. Городские таджички красили зубы и в красно-желтый цвет².

Лица румянили, пользуясь белилой из риса или яичной скорлупы, а также румяной (фуксин)³. Также применялась свинцовая пудра *упа* русского производства⁴. Пудра местной выделки называлась *сафедан калъаги*⁵. Для придания щекам приятного румянца употреблялась красная вата *эйлик*, центрами изготовления которой были Коканд и Ташкент. Этим косметическим средством в Средней Азии женщины, в том числе девочки, пользовались все и повсеместно⁶.

В рассматриваемый период и позже, вплоть до 1970-х годов, для косметики кистей рук и стопы ног пользовались *хинной*. Это окультуренное растение встречалась в садах в изобилии. В результате продолжительного (в несколько часов) контакта с массой, приготовленной на основе *хинны*, указанные части тела приобретали желто-красный цвет⁷.

Обувь. Женская традиционная обувь – туфли или галоши, в холодное время галоши надевали поверх ичигов *махси*. Мягкие ичиги с высокими голенищами и мягкой вшивной подошвой распространились в середине XIX века. До того местные девушки и женщины на ноги надевали хлопчатобумажные чулки⁸. В конце этого столетия вошли в моду ичиги бухарской работы из зеленого бархата с золотошвейной отделкой. Задник у них был из шагреновой кожи, подошва – из мягкой кожи. Такие ичиги оснащали тканой подкладкой. В этот же период женщины из зажиточных семей стали носить татарские, завозимые из Казани,

¹Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. С. 125.

²Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 398.

³Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 398.

⁴Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 448.

⁵Широкова З.А. Одежда. С. 188.

⁶Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 448.

⁷Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. С. 448-449.

⁸Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 96.

ичиги. Следующим шагом в развитии ичигов стало появление *махши амрикои* («американские ичиги») из черной лакированной кожи¹.

Распространение русских ботинок в среднеазиатских городах началось в конце XIX века. Однако происходило это очень медленно. Даже в семьях с достатком они были большой редкостью и «заветной мечтой большинства местных франтих»².

Согласно наблюдениям британского офицера Александр Борнса, в 1830-е годы бухарские женщины даже в своих покоях не снимали с ног, сшитых из бархата и богато украшенных, высоких сапог. Эти сапоги были, подобно мужским, на высоких узких каблуках³. А. Вамбери отмечает, что женские сапоги были по качеству довольно сносными, сравнительно толстыми, зачастую вышиты разноцветным шелком⁴.

Супруги Наливкины отметили, что в городах Ферганской долине «сапоги на необыкновенно высоких и тонких каблуках» распространились во второй половине 1870-х годов под влиянием русских и моды, господствовавшей в Ташкенте. А к середине 1880-х годов ходить по улице в сапогах уже считалось для женщины неприличным. Теперь в них ходили исключительно женщины одной известной всем профессии. Основное женское население даже побаивалось носить на улице такие заветные (русские - З. С.) ботинки, так как из-под штанов они напоминали сапоги⁵.

Очевидно, именно по этой причине в среднеазиатских городах России даже во втором десятилетии XX века русские ботинки встречались очень редко. В. И. Масальский пишет, что в 1913 году они только-только входили в моду⁶. Выходит, что в городах Бухарского эмирата до революции 1920 года женщины русских ботинок вообще не носили.

¹ Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. С. 87-88.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 96.

³ Борнс А. Бухара // Звезда Востока. № 2.

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 90.

⁵ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 96, 103-104.

⁶ Масальский В. И. Туркестанский край. С. 397.

А теперь остановимся на рассмотрении некоторых редких иллюстраций, на которых зафиксированы костюмы женщин из зажиточных семей. Одним из таких источников является фотоснимок Н. Орде «Бухарцы» от 1894 года. У ног молодой женщины в богатом наряде, сидящей на тахте, покрытой одеялами и покрывалом, сидят два мальчика. Дама сидит, опершись правой рукой на круглые подушки. Ее костюм состоит из платья, верхнего халата, набедренной одежды, которая, очевидно, скрыта под платьем, головного убора и обуви. Платье широкое и длинное до щиколотки, сшито из шелковой материи светлого тона с крупным тканым узором. Длинные широкие рукава прямого покроя, показывающие, что под верхним платьем по бухарской традиции надето еще несколько платьев. Вертикальный разрез ворота верхнего платья доходит почти до талии. По его краям нашита широкая тесьма *пешкурта* – две параллельной идущие полосы, которые внизу горловины платья сходятся и идут далее вниз посередине переда вместе. *Пешкурта* в данном платье представляет собой бархатную тесьму с золотым шитьем. В узоре мы видим длинные и короткие перемежающиеся шестиугольные фигуры, отделенные между собой украшениями наподобие пуговиц темной расцветки. Внизу отделка тесьмы оканчивается вышитым медальоном.

Верхний халат - *мунисак* или *камзул* с запахом, полы которого открыты. Края полов обшиты узкой тесьмой вышитой *шероза*. Широкие рукава верхней одежды, опять же прямого покроя, как видно, значительно превышают длину рук.

Головной убор состоит из мягкой шапочки с накосником *кулутанушак*, поверх которой наброшен большой платок, который сверху охватывается шелковой (возможно, бархатной) золотошвейной налобной повязкой *пешонабанд*. Концы платка закинута за спину. Из-под налобной повязки выступает лента с подвесками из камней, пластин и цепочек, которые спускаются на лоб до бровей. Такой комплект головного убора был свойственен замужним женщинам.

К шее подвешены несколько, не менее пяти, рядов ожерелий, очевидно, дорогих. Под бархатную обувь (туфельки или тапки) подложен матрасик.

Типичное лицо иранской расы, таджички. Брови подкрашены и сведены *усмой*, глаза подведены *сурьмой*¹.

Обратимся теперь к фотографии «Кокандская ханша» работы Н. Орде (илл. 2.2.4., справа). Эта картина обращает внимание с той точки зрения, что подлинность представленного на ней персонажа не вызывает сомнения. Она ценна в том контексте, что позволяет воочию увидеть во всем его блеске женский костюм аристократической верхушки. Лицом молодая женщина похожа на таджичку. Известно, что в средневековье нахождение таджичек в числе законных жен среднеазиатских ханов было явлением привычным. Особа, названная фотографом «кокандской ханшей», была одной из жен Худаяр-хана. Возможно, она – дочь дарвазского бека Исмаил-хана. Ее именовали при дворе Шох-оим, она была наиболее любимой женой главы Кокандского ханства. Однако мы считаем, что это не подлинное имя ханши, а ее прозвище, полученное после заключения брака с ханом («Шох-оим» может означать «жена царя», «царская госпожа, царская сударыня»). Тот же смысл обнаруживается в «Огоча-оим», как обращались во дворе к другой жене Худаяра – дочери кашгарского маклера².

Персонажем, представленным на этой фотографии, могла быть и таджичка Фатима, о трагической судьбе которой поведал Тагеев Б.Л. в своем историческом очерке «Худояр-Хан, последний хан Коканда». Она была любимой женой хана, но когда перестала отвечать любезностью на ласки своего ревнивого супруга, по его приказу была умерщвлена. Основанием для столь сурового приговора послужило донесение первого советника хана о том, что сердце Фатимы с некоторого времени принадлежит злейшему врагу Худояр-Хана – Абдурахману Автобачи³.

В.А. Прищепова полагает, что фотографу позировала, скорее всего, Огоча-оим, а не Шох-оим. Даже если это так, исключить ее таджикское происхождение также нельзя: Кашгар населяют много семей таджиков.

¹ Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. С. 268-270; Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН). Рис. 3.

² Алибеков М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана. С. 94.

³ Тагеев Б.Л. На Востоке. Очерки и рассказы из жизни на далеких окраинах Азии. 200-202.

И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов и факт женитьбы Худаяр-хана на дочери шаха Шугнана Юсуф-Али¹. Отсюда следует, что ханшей, о которой идет речь, вполне может быть шугнанская таджичка.

Молодая женщина сидит на кресле как на троне, взгляд надменный. Ее брови аккуратно подведены краской. Волосы расчесаны в прямой пробор посередине лба и заплетены в мелкие косички. Косички недлинные, спускаются по груди, поровну с двух сторон. По щекам проходят завитые вверх кудри. На голове ханши вышитая мягкая круглая тюбетейка. Головного платка нет.

Верхней одеждой ханши служит распашной халат из камчатной, возможно, фабричной ткани с крупным растительным узором. Халат с отложным воротником, полы и низ подола, а также концы рукавов обшиты вышитой тесьмой. Длина рукавов верхней одежды – до запястья. Рукава узкие у конца – традиция, свойственная женской одежде горных таджиков Припамирья (в частности, Дарваза) и Западного Памира, верховьев Зеравшана², она была свойственна и для Самарканда³. Поверх рукавов халата надеты очень широкие (около 50 см) нарукавники. Они прикреплены к рукавам халата чуть выше локтя. Наружники имеют значительную длину, так как при изогнутых руках образуют густые складки. Очевидно, они полностью покроют кисти опущенных рук.

Верхнее платье ханши изготовлено из шелковой ткани с абровым рисунком. Из такой материи сшиты и нарукавники, благодаря чему обеспечена цельность композиции костюма. В узоре ткани отчетливо видны белые круги с бутоном внутри наподобие одуванчика. Под этим платьем, несомненно, у нее есть еще надетые платья. Взору подается лишь стоячий воротник одного из нижних платьев.

Несколько ожерелий украшают шею и грудь ханши.

¹ Путешествие на Памир Гордона. Несколько глав из книги TheRoofoftheWorld. С. 24-25.

² Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. С. 71-80; Бахтоваршоева Л. Платье традиционного покроя таджичек Памира. С. 145-152.

³ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). С. 34.

В данном случае мы имеем дело с оригинальным случаем в средневековом костюме, когда нарукавник надевается на руку поверх верхней одежды. Как правило, его носили поверх верхнего халата (см., например, описываемое ниже фото «Богатый наряд сартянки»).

Мы полагаем, что фотография с ханшей, которая позировала с открытым лицом и без головного платка, выполнена с разрешения Худаяра или, скорее всего, по его личной инициативе. Представить, что жена хана совершила не согласованные с мужем действия, противоречащие установленным религиозным канонам и обычаям, невозможно.

Рассмотрим наряд персонажа, представленного на фотоснимке Н. Орде «Богатый наряд сартянки» (илл. 2.2.5, справа). Молодая женщина наряжена в полосатое платье, длинное и широкое. Узкие полосы темного цвета (цвет точно не выявляется, так как снимок черно-белый) идут горизонтально вперемежку с широкими светлыми полосами. Форма горловины этого платья, очевидно, треугольная, так как через него выступает воротник-стойка другого, надетого снизу, платья. Стоячий ворот отделан белыми оборками, контрастирующими по цвету с тканью рубахи.

Верхней одеждой этой женщины служит халат длиной до колен или чуть короче из однотонной материи. Воротник с отворотами. Края ворота, правая (верхняя) пола и подол халата обшиты белой полосой. На некотором расстоянии от этой полосы идет другая белая полоса, узкая, возможно, за счет нашитого шнура. С двух сторон в области груди пришиты по небольшому карману. Ткань верхней части карманов продублирована в виде горизонтальной полосы. Рукава халата неширокие, до локтей. Халаст застегивается на две пуговицы с петлями, одна из которых расположена на линии талии, другая – несколько выше. За счет этого одежда напоминает форму *мунисака* – халата, на котором за счет сборок у подмышек наиболее узкая часть получалась выше талии.

Из под рукавов халата выступают широкие шелковые нарукавники, длина которых позволяет полностью прикрыть кисти рук. Головной убор – круглая

тюбетейка с пришитыми кисточками, поверх которой надет тканый обруч из вышитой полосы ткани.

Из украшений костюма взору поддаются четыре ожерелья с бусынами разных размеров, треугольный амулет, серьги с длинными подвесками, два браслета на правом запястье, а также кольца на пальцах левой руки.

Роскошный наряд, который демонстрирует девушка на фотографии Н. Орде «Таджичка. Маргелан», дает основание полагать, что он, даже если не принадлежит ей самой, все же является имуществом богатой аристократической семьи (илл. 2.2.5, слева). Длинное широкое платье из атласной ткани с вертикальным разрезом ворота и стоячим воротником. Из-под него выступают белые оборки воротника-стойки нижнего платья. Воротник застегнут круглой брошью.

Верхняя одежда – халат из гладкой шелковой ткани, возможно, красного цвета с подкладом из цветастого ситца или сатина фабричной работы. Полы халата по краям отделаны широкой полосой машинной стежки в цвет основной ткани.

На шее – пять ожерелий разной длины, четыре из которых многорядные, а одно – с подвешенными монетами. Серьги с круглыми подвесками. На запястьях – несколько браслетов.

Женщины из богатых семей пользовались весьма дорогими украшениями. Сохранилась, к примеру, диадема *тилло-баргак* бухарской выделки начала XX века, состоящая из 21 позолоченных пластинок квадратной формы, от которых идут 43 подвески из жемчуга и камней (илл. 2.2.9). Каждая пластинка с обеих сторон украшена штампованным рельефным орнаментом, а также с наружной стороны инкрустирована светло-сиреневыми и зелеными камнями. Кроме того, вдоль верхней и нижней линий диадемы идут полосы из нанизанных на нитку 239 штук мелкого жемчуга. Диадему закрепляли поверх шелкового платка *пешонабанд*, а жемчужные подвески спускались на лоб до самых глаз. Как

отметила Ф. Д. Люшкевич, «столь богатое украшение входило в свадебный наряд невесты только из зажиточных семей»¹.

Таким образом, отличительные черты комплекса женского костюма в семьях таджикской городской знати выражались не через его состав, а посредством большего числа вместе надетых предметов одежды и украшений, использования более дорогих материалов, наличия более утонченной и более богатой отделки, в том числе золотой вышивки и некоторых других признаков. В рассматриваемый период интенсивное проникновение русской культуры не привел к исчезновению выходной верхней одежды горожанки – головной накидки с волосяной сеткой. Однако результатом этого процесса стало изменение кроя предметов одежды – появление выкройных платьев и халатов, отложных и стоячих воротников и др.

¹Люшкевич Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области. С. 74.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ КОСТЮМА ГОРОДСКИХ НАРОДНЫХ МАСС КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

3.1. Мужской костюм городского простонародья

В рассматриваемый период мужской костюм разных слоев населения Средней Азии имел один и тот же состав. То же наблюдалось и у женщин. Для оседлой части бухарского народа, имея в виду жителей всего Бухарского эмирата, одежда, как и пища или устройство жилищ, отвечает потребностям крайней необходимости и указаниям шариата, отмечал П. П. Шубинский. По его словам, «более состоятельные люди имеют лишь больших размеров дома, большой запас одежды и более обильную пищу»¹.

Другими словами, комплекс одежды, ее состав не зависел от уровня материального состояния конкретного горожанина. Такая картина наблюдалась и в других ханствах Средней Азии. «Это одежда не только среднего, но и высшего класса кокандских жителей», - заключает купец Д. Долгорукий, вкратце описавший мужской костюм, распространенный в этом ханстве в 1871 году².

Вместе с тем, по облику костюма можно было легко выявить степень материального благоденствия его владельца. Разница заключалась, главным образом, в дороговизне одежного комплекса, стоимости отдельных его элементов. Вот что писала в этом контексте дореволюционный российский этнограф Э. С. Вульфсон: «Ценность наряда зависит от достатка каждого. Богатый сошьет себе и шелковый халат, а бедный и за тиковый халат хвалит господу»³. Впрочем, так было всегда.

Бедные слои городского населения, естественно, испытывали определенные трудности, связанные с обеспечением семьи одеждой, как и пищей. Но и они

¹ Шубинский П. П. Очерки Бухары. Ч. 2. № 8. С. 389.

² Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 255.

³ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 46.

существовали в более сносных условиях, чем сельская беднота. В селах было немало хозяйств, «где на десяток мужчин и женщин имелось всего по два комплекта и мужского и женского платья»¹. Городская жизнь обеспечивала больше возможностей для домашнего жизнеобеспечения и по сравнению с бытием горцев, особенно жителей высокогорий. Достаточно привести мнение ботаника В. И. Липского об одежде ягнобцев. По его словам, о местном костюме, декорирующем тип, не могло быть и речи. «Жалкое подобие костюма, которым прикрыты ягнобцы, собственно уничтожает следы типа», - писал он в 1896 году. И действительно, его глазам открылась ужасающая картина, когда для многих жителей этого района в верховьях Зеравшана весь комплекс одежды составлял один лишь халат, и тот зачастую в лохмотьях. Редко кто из местных жителей имел штаны².

В высокогорьях в условиях преимущественно меновой торговли достать наличные деньги для покупки желанных тканей или одежды представлялось невозможным. В городе же можно было, по крайней мере, заработать небольшую сумму, работая по найму.

В качестве наиболее примечательной черты, присущей нарядам местных, особенно городских, жителей Средней Азии, европейские гости региона отмечали пестрое смешение в них разных красок и затейливость узоров. «Яркость красок и причудливость рисунков в одежде встречаемых по дороге меня поражала», - так русский купец Д. Долгорукий отозвался о пестрых костюмах мужского населения Кокандского ханства. Представив в кругу сородичей себя и своих спутников в подаренных от имени хана ярких полосатых халатах, он пишет: «Радуюсь, что никто из русских не видал нас в этом одеянии, а должно быть было эффектно... В ярких желто-лиловых халатах, верхом, мы должны были представлять весьма оригинальное зрелище»³. Пестрые костюмы жителей Средней Азии,

¹Черкасов А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. С. 112.

² Липский В. И. Горная Бухара. Ч. 1. С. 155-156, 159, 188, фото на стр. 113, 157.

³ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 256, 262-263

сформировавшиеся главным образом под влиянием местной природы, для выходцев из России выглядели воистину странными, неестественными.

«Яркие ситцы, кумачи, платки и тики так и пестрят глаза. Сарты – мужчины и женщины – страстные охотники до материй самых ярких цветов, с крупными узорами», - писала Э. С. Вульфсон¹. Впрочем, тиками она называет, очевидно, и пестро-полосатые материи местной кустарной выделки – *алочу* и *бекасаб*.

В городах Бухарского эмирата покупателей соблазняли одежды «блестящих, ярких красок» - писал А. Вамбери. По его словам, местные жители «ужасно любят шумящие, шелестящие одежды»².

«Яркая пестрота этих красных, желтых, синих и белых тюрбанов, этих полосатых халатов из бумажной *алочи* и шелкового *адраса*, сияющих всеми цветами радуги, обращают бухарскую толпу, бухарский базар в какой-то веселый цветник. В сплошное поле макового цвета всевозможных колеров. Ничего подобного не представляет никакой другой мусульманский город», - писал Е. Марков³. Понятно, что известный писатель несколько преувеличил колорит среднеазиатской улицы. На просторах Азии или Африки городов, жители которых исповедуют ислам и наряжавшихся в то время в, мягко говоря, не менее пестрые костюмы было немало (в пределах Индии, Вьетнама и др.).

Участник русского посольства от 1882 года в Бухарский эмират В. В. Крестовский также был поражен тем, насколько пестрыми были костюмы столичных жителей. В их верхних халатах, преимущественно сшитых из *адраса* и *шойи*, преобладали цвета желтый, алый, голубой, зеленый, фиолетовый. Нередко указанные самые яркие цвета сочетались на одном и том же халате. «Вообще, для палитры художника здесь найдется множество разнообразнейших тонов и оттенков, которые, однако, в общем, нисколько не

¹ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 7-8 и др.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 90.

³ Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. I. С. 395.

режут ваши глаза, а только веселят его и развлекают», - заключает свое повествование о декоре мужских нарядов бухарцев В. В. Крестовский¹.

«Гаджики преданы украшению своей личной наружности и очень любят наряжаться», - отмечал в 1876 году американец Е. Скайлер, изучавший на месте культуру и быт разных среднеазиатских народов².

Одежный комплекс основной части таджикского населения среднеазиатских городов в конце XIX – начале XX века составляли рубаха *курта*, глухая или распашная, штаны, легкий халат без подкладки *яктах / джелак*. Зимой надевали, кроме того, стеганный халат *джома / чапон* или халат на основе домотканины из верблюжьей шерсти - *чакман*. Головной убор – тюбетейка *токи / туппи / каллануш* или шапка сферической формы *аракчин*, вязаная из хлопчатобумажной пряжи или сшитая из шелковой ткани, отделанная пестрой вышивкой, поверх которых наворачивали чалму, обычно из белой кисеи. Обувь, преимущественно, - ичиги из мягкой кожи, поверх которых носили резиновые галоши³.

Для пошива одежды этой части населения большое значение имела хлопчатобумажная ткань *карбос / баъз / суф*, из которой шили мужские рубахи и штаны. Их делали, как правило, из одной ткани (илл. 3.1.1). Для верха халатов использовались разные сорта полосатой *алочи*, полуселковые *адрас / под шойи* и *бекасаб* (илл. 3.1.2). С распространением в этот период привозных фабричных тканей, халаты, легкие и стеганные, стали шить и из узорчатых ситцев, преимущественно ярких.

Впрочем, в рассматриваемый период местные кустарные материи год за годом уступали свое место импортной мануфактуре, русской и англо-индийской. К примеру, прежде весьма популярные сорта *алочи*, находившие применение в мужских халатах, успешно вытеснялись с рынка русским *тиком*.

В городах наибольшее распространение имели мужские глухие рубахи с горизонтальным разрезом ворота - *куртаи муллои / муллоча* («рубаха для мулл»).

¹Крестовский В.В. В гостях у Эмира Бухарского. С. 271.

²Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 6. С. 600.

³Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 123.

Их носили в той или иной мере повсеместно - в Бухаре, Самарканде, Гиссаре, Кулябе, горном Таджикистане и др. (илл. 3.1.1, в одежде детей, 3.1.4, 3.1.5, 3.1.6, справа). Для надевания через голову, рубаху оснащали дополнительным горизонтальным или вертикальным разрезом (выемом). Если этот разрез проходил вдоль одного из плеч, рубаху называли *куртаи китфак* (от «китф» - «плечо»). В Бухаре бытовали только такие мужские рубахи¹.

На глухих рубахах второго типа делали вертикальный разрез, который, как правило, располагался с правой стороны горловины. Зона распространения такой рубахи охватывает территорию наиболее чистого заселения таджиков – Горный Таджикистан, Северный Афганистан, Восточный Иран².

На линии соприкосновения выема с горловиной имелись завязки, которые использовали после надевания рубашки. Края ворота и дополнительного разреза, горизонтального или вертикального, обшивали плетеной тесьмой *зех* или черным кантом *магзи*.

Мужская рубаха имела тот же покрой, что и женская *курта*, только делали ее с несколько более короткими и более узкими рукавами, иногда немного скошенными. По длине она была короче женской и обычно доходила до колен и даже чуть ниже³. Со временем ее начали укорачивать до середины бедра.

К стану с двух сторон, от нижней линии присоединения рукавов, подшивали боковины трапецевидной формы *тирез* для расширения рубахи книзу. Соотношение верхнего и нижнего оснований трапеции принималось примерно 1:2.⁴ Шили также рубахи с прямым станом. В Самарканде они бытовали наряду с расклешенными⁵.

В городах долины Ферганы, Ташкентском оазисе, а также в горах и предгорьях (Припамирье, верховья Зеравшана) большее распространение имела

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 123.

² Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 126.

³ Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901. С. 13.

⁴ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 126.

⁵ Колл. № 1476, ба Музея антропологии и этнографии РАН.

распашная рубаха или, так называемый, нательный халат¹ (илл. 3.1.1, справа, 3.1.6, справа). В этих местах глухую рубаху *куртаи муллоча* носили только муллы и привилегированные лица. Отсюда и ее название. Почти же весь простой народ здесь надевал на тело легкий хлопчатобумажный халат *яктах* («однослойный»)². Как пишут супруги Наливкины, в Фергане глухую рубаху называли *куртаи муллоча* из-за того, что «ношение рубах этого покроя присвоено, прежде всего, грамотным мужчинам – муллам», а «неграмотные мужчины носят *яктах* - рубаху на манер халата»³.

В Ташкенте и Фергане глухие рубахи по примеру ишанов и мулл носили также студенты медресе⁴ (илл. 3.1.8, справа).

Нужно отметить, что муллами и ишанами в городах и селениях Средней Азии были в основном таджики. В этом качестве они пользовались авторитетом и признанием не только в кругу своих сородичей, но и в среде узбеков, киргизов, других народов региона. Стремление таджиков обучить своих детей грамоте и таким образом обеспечить их светлое будущее отмечали многие русские и европейские путешественники. В частности, П. П. Шубинский, отрицательно отзывавшийся об этом народе и не считавший его проводником новой (русской) культуры в регионе, пишет: «Грамотность и, следовательно, фанатизм между узбеками развиты гораздо менее чем между таджиками... Мы видим, что ни в одной из народностей Средней Азии ислам не пустил таких глубоких корней, как таджикской. С течением времени он (ислам – З. С.) сделал его (таджика) ближайшим проводником религиозного фанатизма в остальные массы кочевого и оседлого населения Средней Азии»⁵.

Автор крупного исследования по этнографии таджиков А. П. Шишов согласен с мнением о том, что «как в первые века по принятии ислама на поприще

¹ Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. С. 170.

² Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. С. 28.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 94.

⁴ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 134.

⁵ Шубинский П. П. Очерки Бухары. Ч. 2. № 8. С. 387, 389.

религиозных знаний и философии отличились более всего таджики, так и теперь еще в Бухаре, Коканде и Кашгарии известнейшие муллы и знатнейшие ишаны принадлежат к таджикам». «Несмотря на различные перевороты, робкие таджики, все-таки удержали за собой духовное господство», - цитирует А. П. Шишов врача и ученого-ориенталиста В. И. Кушелевского. Французский географ и историк Э. Реклю признавал в таджиках умственную аристократию Туркестана, которая была представлена, прежде всего, высшим интеллигентным сословием. В их числе - духовенство, ученые, преподаватели медресе, судьи, законодатели и др. По его словам, «все, кто имеет претензию на хорошие манеры в прибрежных городах Сыра и Аму, стараются подражать их языку»¹.

А. П. Хорошхин писал, что в Самарканде такие должности, как *амлакдары*, *мутевали*, *аксакалы*, *имамы*, *муллы*, *халифа*, занимали таджики и в таком качестве представляли собой привилегированный класс города. Продолжая свою мысль, он пишет: «Большинство ходжей и сеидов, т.е. потомков пророка или первых халифов, - таджики... Огромное число святых, что лежат в Самарканде и его окрестностях - таджики».²

Таким образом, традиция пошива и носки в Средней Азии рубахи такого типа (с горизонтальной горловиной), которая в равной мере была распространена и у мужчин, и у женщин, имеет отношение, прежде всего, к материальной культуре таджикского народа. И этот аспект получил логичное воплощение в ее народном названии – *куртаи муллоча*.

Мусульманская грамотность была развита в наибольшей степени в низовьях Зеравшана. Не исключено, что именно эта особенность этнической культуры стала причиной того, что здесь распашная рубаха вовсе не встречалась³. В Бухаре и Самарканде под термином «яктах» понимали исключительно верхний легкий халат, надеваемый поверх рубахи. Ее не было и в женском гардеробе, во всяком

¹Реклю Э. Земля и люди. Т. 6. С. 316-349.

²Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С. 217.

³Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. С. 158.

случае, в рассматриваемую эпоху. Однако она широко представлена в костюме женских персонажей, изображенных на миниатюрах Средней Азии XV-XVII веков.

В отличие от этого, в долине Ферганы, «до прихода русских мужчины рубах не носили, а одевались в длинные нательные халаты с прямыми спереди полами»¹. Другими словами, эти халаты, в отличие от верхних, не содержали пришитых передних клиньев. Частичный переход на не распашную нательную рубаху здесь происходит только в конце XIX в. Однако новая рубаха местного образца была не с горизонтальным, а с вертикальным разрезом ворота. Этим она типологически приближалось опять же к распашной одежде². В дальнейшем устойчивость обычая ношения в Ферганской долине ношения мужчинами нательных халатов проявилось и в том, что даже в 1950-х годах у местных таджиков глухую рубаху носили только старики³. Такая одежда бытовала даже в конце 1970-х годов. В целом, если ношение *куртаи китфаки* служило одним из отличительных признаков жителей низовьев Зеравшана, то таковым для мужского населения Ферганской долины был обычай надевания нательного халата. Р. Я. Рассудова отмечает, что «белая распашная рубаха и черный (а также зелено- и сине-сероватый) узкий халат могут считаться своеобразным эталоном одежды ферганца, теперь (в 1970-е годы – З. С.) распространяющимся и в других районах (Средней Азии – З. С.)».

Здесь их надевали почти все мужчины вне зависимости от возраста, включая детей, за исключением духовенства. Такая же картина была характерна и для Ташкентского оазиса, исключая местных стариков, которые носили *куртаи китфаки*⁴. Нательные халаты на уровне груди (под ложечкой) оснащали

¹ Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. С. 136.

² Сухарева О.А. Опыт анализа побоев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. С. 87.

³ Ершов Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. С. 22, 136.

⁴ Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. С. 156, 158, 174.

тесемками для завязывания. От этого места вверх оставалось открытым в форме треугольника острием вниз¹.

Правда, вызывает вопросы заметка купца Д. Долгорукого от 1871 года о мужских рубахах малосостоятельных жителей Кокандского ханства. По его словам, «рубашка формой похожа на наши женские, оставляющие плечи не покрытыми». Скорее всего, здесь он ведет речь о рубахе типа *куртаи китфаки*, разрез горизонтального ворота которого имел продолжение над одним плечом. Далее он дает описание мужских рубах, присущих зажиточному населению. Они были «ситцевые, цветные (узорчатые - ?), с большим воротником и с непомерно длинными рукавами»². Очевидно, в этом случае купец дает описание распашной рубахи с отложным воротником. Как видим, это противоречит заключению этнографов, согласно которому, в Средней Азии в районах его частичного распространения мужской нательный халат служил одеянием для бедноты.

Любопытны и не лишены основания рассуждения Р. Я. Рассудовой по терминологии, связанной с нательными короткими рубахами со сплошным разрезом впереди. В долине Ферганы и верховьях Зеравшана таджикский термин «яктах» («в один слой») обозначает именно такую одежду и, следовательно, это и есть его изначального значение. Кочевники почти по всей Средней Азии, заимствовав данный термин, использовали его для обозначения верхнего халата, длинного, без подкладки. Для этого они употребляли, как исконный термин «яктах» таджикского происхождения, так и его джекающий вариант – «джелак». Вслед за ними таджикское население также стало использовать теперь уже два термина (яктах и джелак) как название длинного верхнего халата. «Этот же термин, заимствованный тюркоязычным населением для обозначения другого вида одежды (верхнего халата), возвращается в свою первоначальную

¹Маев Н. А. Азиатский Ташкент. С. 272; Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 134.

²Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 255.

таджикскую среду и в измененном виде сосуществует с первым как новый и, по-видимому, вытеснивший какой-то прежний термин», - пишет она¹.

Длина распашной рубахи, как и глухой, доходила до икр. И ту и другую носили навывпуск и в обязательном порядке опоясывали платком *миёнбанд* / *камарбанд*, сложенным по диагонали. Естественно, распашную одежду опоясывали с целью сведения вместе бортов. Что касается пояса, завязываемого поверх нераспашной рубахи, то его наличие обуславливалось условиями труда земледельца. Пояс служил, прежде всего, в качестве набрюшника – защищал от сырости, развивающейся от частой поливки земли². Когда поверх рубахи надевали халат, опоясывали верхнюю одежду³.

Купец Д. Долгорукий указал и на другие побочные функции кушака, которым каждый житель Коканда несколько раз обвивал свой стан. Он писал, что «конец пояса служит носовым платком, полотенцем при ежедневных частых омовениях, предписанных законом; наконец салфеткой — при еде *палава* (плова)». По его словам, местные мужчины при выходе на улицу сверх этого халата носили другой, нараспашку⁴.

Заметка Г. Бурнашева, видевшего, что в конце XVIII века мужчины в Бухаре надевали халат поверх рубахи и нижнего платья, в целом, отражает не самый типичный случай⁵. Как правило, здесь пользовались лишь одной рубахой, которая располагалась сразу под халатом.

Обязательным предметом одежды городского, как и сельского, населения были штаны. Носили их все, независимо от состояния, вида деятельности, положения в обществе. По крою мужские штаны *эзор* из разных районов были одинаковыми. Их делали, как и женские, на вздержке. Они были широкими

¹ Рассудова Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. С. 159.

² Крубер А., Григорьев С., Барков А., Чафранов С. М., Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. 1903. С. 175.

³ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 46.

⁴ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 255-256.

⁵ Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. С. 89.

сверху и суживающимися книзу, но более короткими, чем женские. Их шили со вставкой-мотней ромбической формы *хиштак* («кирпичик») в шаге. При необходимости между штанинами вшивали дополнительные клинья, чем обеспечивалась нужная ширина у пояса. Верхний край штанов отгибали наружу широким рубцом и через образовавшуюся полость пропускали шнур для вздержки - *эзорбанд*. В качестве него использовали тесьму, сплетенную из хлопчатобумажной нити, с кистями на концах¹.

Под широкими штанами практически все городские таджики носили короткие и узкие кальсоны в качестве нижней поясной одежды. Как отмечал барон Е. К. Мейендорф, этот предмет одежды всегда был при них².

Если в горах и отдаленных селениях мужчины носили хлопчатобумажные и шерстяные штаны, то в городах мужские штаны повседневной носки шили только из хлопчатобумажной ткани. Их носили под рубахой, штанины заправляли в голенища сапог или ичигов.

Большое внимание в городах уделяли верхней одежде. Поверх рубахи здесь в теплое время надевали легкий халат *яктах* из ткани темной расцветки в мелкий рисунок или полосатой материи *алоча*. Рукава кроили из поперечно сложенной ткани, они становились уже к концу примерно в два раза. Расширение халата книзу достигалось за счет нескольких боковин, пришиваемых с двух сторон, общая разница в ширине верхней и нижней части боковин составляла 2,5. Ворот халата делали широким, почти прямоугольным сзади, спереди он продолжался прямыми линиями до передних пол. Для образования запаха к передним полам пришивали клинья в виде прямоугольных треугольников, основания которых внизу вместе с полами образовывали подол.

В городах было принято носить два и даже более халатов, надетых одно на другое. По описанию А. Борнса, обыкновенный наряд жителей столичной Бухары

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 127.

²Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 148.

включал халат или шубу, надетой поверх трех или четырех других халатов¹. «Желая похвастаться своим богатством, сарт надевает несколько халатов, причем нижний халат надевает в рукава, а верхние – нараспашку», - писал в 1895 году русский этнограф К. Ельницкий.² Надевание халата нараспашку означает без использования пояса. Возможно, здесь идет речь о его ношении по типу плечевой накидки, т.е. без использования рукавов.

Опоясывали, как правило, предпоследний халат. Г. Бурнашев, описывая обыкновенные наряды жителей столичного города в конце XVIII века, сообщает, что в Бухаре халаты по большей части не подпоясывали³. Очевидно, он имел в виду верхний халат, который, как правило, завязывался на груди шнурками⁴.

В зимний период обычно носили стеганый на вате халат *джома*. Для пожилых мужчин его шили из однотонной или с мелким рисунком ткани темной расцветки, например черного или синего сатина. Молодые носили *алочаджому* – стеганый халат из полосатой полуселковой ткани. Подкладкой служил ситец. Халат по всей своей площади простегивали крупными вертикальными стежками, рукава простегивали поперек. Крой *джомы* и *яктаха* практически не отличался. У мальчиков *джома* была праздничной одеждой. Ее впервые надевали во время *суннат-туя* – мусульманского обряда обрезания. Нарядный стеганый халат был обязательным атрибутом костюма жениха⁵.

По мере распространения в Средней Азии русской и англо-индийской мануфактуры ткани местного кустарного производства - *алоча*, *адрас*, *бекасаб* применялись преимущественно для верхних халатов. Мужские халаты, легкие или стеганые, которые надевали под верхним, стали шить из узорчатых ситцев. Впрочем, ситцы с яркими цветами находили применение и для верха выходных халатов. Об этом нюансе костюма кокандцев есть заметка купца Д. Долгорукого⁶.

¹ Борнс А. Бухара

² Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. С. 112.

³ Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары и обратно в 1794 и обратно в 1795 году. С. 89.

⁴ Бонвалот. Из жизни сартов. С. 174.

⁵ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 128.

⁶ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 255.

Такого же кроя был *чакман* – распространенный в прошлом в горных районах запахивающийся халат с очень длинными рукавами из домотканого сукна. Его шили без подклада, несколько шире и длиннее *яктаха* и *джомы*. *Чакман* и *эзори шорагза* надевали обычно в стужу или в дальнюю дорогу, при этом в *шорагза* заправляли и надетый под *чакманом* легкий халат.

В конце XIX – начале XX вв. в среде административных чиновников получил распространение прилегающий *камзул*. По крою он отличается от традиционных халатов, рассмотренных выше. Камзол шьется из сатина или другой более плотной хлопчатобумажной ткани. Расцветка – темная, как и у традиционных халатов. Его спинка и перед соединяются плечевым швом, рукава вшиты в вырезную пройму, к вырезу ворота вшивается воротник-стойка. Полы застегиваются на пуговицы и петли (прежде воздушные, затем вырезные). Камзол шили на подкладе, иногда стеганым на вате. Интересно, что поверх камзола носили *яктах*, тем самым отдавая дань традиции¹.

Распространение в среднеазиатских городах узких кафтанов со стоячим воротником (бешметов), плотно облегающих грудь и талию, происходило еще до революции, под влиянием русской культуры².

Наиболее распространенным видом мужского головного убора в конце XIX – начале XX века в городах Средней Азии служил комплект из тюбетейки *токи* / *туппи* / *каллапуш* и навитой поверх нее чалмы. Чалмой *салла* / *дастор* / *фута* для простонародья служил кусок тонкой одноцветной, иногда полосатой, ткани³. Ее производили специальные мастера – *футабофы*. Таджики носили чалму разных расцветок, отделки, материала, достоинства. Она служила «своего рода аттестатом благочестия для правоверного»⁴. В городах были распространены хлопчатобумажные и полупуховые чалмы. В Ташкенте предпочитали белые чалмы, в Истаравшане – серые, а также одноцветные разных тонов – красные,

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 127-128.

² Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. С. 14.

³ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 46.

⁴ Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 395.

синие, желтые и другие. Синие и голубые, а также полосатые¹, чалмы предпочитали купцы и ремесленники², белые- представители духовенства и хаджи, удостоившиеся поклонения гробу пророка, а также военные. Административное и духовное начальство ходило в невысоких, зато очень широко навитых чалмах³. Потомки пророка – сеиды – носили зеленую чалму⁴.

Простонародье, подобно купцам – своим сородичам по первому общественному сословию (*фукаро*), носили чалму умеренных размеров. Но это не мешало им, проявляя фантазию, придать головному убору красивый вид, варьируя расположение узлов, концов чалмы и складок⁵.

Если брать в целом, наиболее распространенным цветом чалмы повседневного назначения был серый, который меньше пачкался. Использовались также полосатые *алоча-салла*. Нередко простонародье в качестве повседневной чалмы использовало поясной платок, который складывали по диагонали так, чтобы углы забирались внутрь⁶.

Молодые предпочитали носить на голове чалмы яркой расцветки, в том числе красные, желтые, синие. В Бухаре молодые таджики и в будничные дни наряжались словно в праздники. Их щегольство особенно проявлялось в манере ношения чалмы, о чем писатель Е. Марков сообщает следующее: «Чалмы их воздымаются на голове целыми грандиозными сооружениями, спуская сбоку с каким-то особенным неуловимым шиком бахромой украшенный конец пестрой шали»⁷. Однако в общей массе красные или синие чалмы ярких тонов были редкостью. Коренные жители Бухары были во мнении, что такие чалмы дозволено носить заезжим афганцам и деревенские простолюдинам. «Бухарцы отдавали предпочтение снежно-белому цвету, как самому модному и

¹Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 7. С. 121.

²Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 89.

³Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

⁴Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 395.

⁵Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 272.

⁶Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 129-130.

⁷Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 395.

элегантному», - писал В. В. Крестовский. Господствовала мода на ношение белой чалмы *чилпеч* – в сорок оборотов. А для этого в ней должно было быть не меньше 25 метров ткани. «И как умеют они их носить, какие изящные придают им формы, с каким искусством свивают из *чилпеча* толстый жгут и располагают на нем красивые складки. Хорошо повязать *чилпеч* – это ведь целая наука», - изумлялся русский дипломат¹.

Чалму, подобно стеганому халату, впервые надевали во время *суннат-туя*, в торжественной обстановке. Мальчику полагалось носить в этот день белую чалму².

Летом под чалмой носили легкую тюбетейку *аракчин* («собиратель пота»). Она была небольшой, легкой и облегающей затылок. По словам Г. Бурнашева в Бухарском эмирате *аракчин* зачастую вышивали золотом или шелками³. Д. Долгорукий пишет про «маленькую, расшитую шелками, тюбетейку», распространенную и в Кокандском ханстве. Дома снимали с головы чалму и ходили только в этой тюбетейке⁴.

Зимой чалму навивали вокруг шапочки сферической формы *шабпушак* («надеваемая на ночь»). Эту шапочку стегали на вате или подбивали мехом⁵. «Многие вместо чалмы носят, как летом, так и зимой, меховую шапку с отогнутыми наружу краями», - писал о коренных жителях среднеазиатских городов К. Ельницкий⁶.

Тюбетейки шили из канауса (*шойи*), бархата или сатина и в большинстве случаев вышивали разноцветным шелком, нередко серебряными и золотыми нитями. Летом были распространены белые тюбетейки, простроченные белыми же нитками⁷. Е. Скайлер в 1876 году писал о распространение в Ташкенте только

¹ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 271-272.

² Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 129.

³ Бурнашев Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. С. 89.

⁴ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 256.

⁵ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 129.

⁶ Ельницкий К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. С. 112.

⁷ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

шелковых мужских тюбетеек, в Бухаре – вышитых крестообразным швом, шелковыми нитями или английской шерстью. Он называет эти головные уборы небольшими шапочками, но понятно, что речь идет именно о тюбетейках¹.

Бонвалот пишет, что в среднеазиатских городах России тюрбаны носили только духовные лица (*имамы, хаджи, муллы, казии*), а все прочие покрывали голову тюбетейкой². Можно согласиться с тем, что обычай ношения тюбетейки или ермолки, как ее нередко называли русские, в конце XIX века был широко распространен среди горожан. Однако с безоговорочным утверждением, что чалму носила только духовная интеллигенция, нельзя согласиться. В городах тюбетейки, причем вышитые, стали основным видом мужского головного убора еще до революции³.

В рассматриваемый период в городах наибольшее распространение получили тюбетейки с рельефными рубчиками. В Бухаре их называли *каллапуши пилтанок/каллапуши бухори*. Верх и подкладку тюбетейки прострачивали и в пространство, образовавшееся между строчками, с помощью спицы проталкивали фитильки - *пилта* из ваты или скрученную бумагу. Так достигалась ребристость поверхности головного убора. Наибольшей популярностью пользовались тюбетейки из бархата или плюша темного, как правило, темно-зеленого или черного цвета. Околыш прострачивается продольными рядами, его нижний край обшивается бархатной полосой другого цвета. Верх тюбетейки делают конусообразной формы. Распространение в Бухаре имели также золотошвейная тюбетейка - *каллапуши зардузи*.

Самаркандские тюбетейки с рельефными рубчиками по форме напоминают ребристый купол. Интересны таджикские тюбетейки шахрисабзского образца, отличающиеся живописной многокрасочной гаммой.

В конце XIX века в наманганском городе Чуст с таджикским населением стали делать четырехгранные тюбетейки из черного сатина с белой вышивкой

¹Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 7. С. 121.

² Бонвалот. Из жизни сартов. С. 174.

³Масальский В. И. Туркестанский край. С. 397.

шелковой нитью. Ее узор составляли стилизованные изображения миндалины или красного перца – по одной детали на каждой из граней. По всей длине околыша идут фигуры арочной формы, всего 16 штук. Этот тип тюбетеек впоследствии распространился во всех районах с таджикским населением, включая горные. Он завоевал популярность на этой территории и среди узбекского населения¹.

Другим видом мужских головных уборов в рассматриваемый период была шапочка *кулох*. В отличие от позднее появившейся тюбетейки, она не содержала околыша. *Кулох* шили из четырех одинаковых кусков ткани треугольной формы. Изменяя форму и размеры треугольников, получали шапочки разных типов. Если треугольники были высокими и вытянутыми, получался конусообразный *кулох* – головной убор, укоренившийся у дервишей. В Бухаре пожилые мужчины носили шапочку яйцевидной формы. Для ее получения нужно было придать боковым сторонам треугольников закругленный вид. При низкой форме треугольников получалась шапочка, очень напоминающая современную тюбетейку. *Кулох* носили преимущественно представители духовенства и набожные старики². Шапочки со сферической тульей высотой 16-18 см широко применялись в Бухаре и Самарканде. Они были покрыты простой тканью темной расцветки или цветным узорчатым бархатом. Тулью шапки расшивали шелком³.

А. П. Шишов пишет, что бараньи шапки надевали только представители бедноты и дети. Зажиточные мужчины также пользовались шапками, но лишь когда отправлялись в дальний путь⁴. Носить шапки на меху в городе противоречило правилам местной моды и элегантности. Бухарцы держались мнения, что «баранья шапка – это принадлежность захолустья и степи», несовместимая с городской модой и хорошим тоном⁵.

Мужчины во всех районах Средней Азии традиционно брили голову наголо и аккуратно подстригали бороду и усы. Мальчикам иногда оставляли на затылке

¹ Писарчик А. К. Народное прикладное искусство таджиков. С. 34.

² Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. С. 301.

³ Емельяненко Т. Г. Мужские традиционные головные уборы (шапки) бухарских евреев. С. 218.

⁴ Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 134.

⁵ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 271.

косицу. Ее наличие означало, что родителями дано обещание принести в жертву мазару животное. Косицу срезал шейх мазара, когда обещание было выполнено¹.

Среди горожан в старину была распространена традиция, выходя из дому, одевать на ноги сапоги, обертывая ноги портянками. Равнинные таджики носками не пользовались². Летом носили кожаные *кафши* с высоким передом, высокими и острыми каблуками. Во второй половине XIX века в городах и равнинных селениях основным видом мужской обуви стали ичиги – мягкие сапоги *махси*, которые стали носить с резиновыми калошами - *калуш*. Во второй половине 1860 – 1870-х годов в городах по большей части носили калоши светло-зеленого цвета. Они были на каблуках и с остроконечными передними концами³. Ичиги шили из тонкой козлиной или лошадиной кожи, без подошв и каблуков. Как правило, их декорировали разноцветной вышивкой. Ичиги надевали прямо на босу ногу, без носков и чулок⁴. Наиболее нарядные сорта ичигов входили в свадебные костюмы жениха и невесты⁵.

В первые годы XX века местное население взамен непрочных козлиных ичигов начало обуваться в сапоги из американской лакированной кожи⁶.

Как пишет А. Д. Гребенкин, изучавший быт оседлого населения Зеравшанской долины, и бедные, и богатые, и знатные таджики к праздникам обязательно покупали обнову для своего костюма. Если позволяли средства, они обновляли весь свой туалет, если нет – покупали хотя бы застежку⁷.

А этот текст из сочинения А. Д. Гребенкина мы приведем дословно (с небольшим сокращением), так как он замечательно показывает, какое важное место в рассматриваемый период занимал костюм в быту таджика-горожанина, особенно при его появлении в обществе: «Наряд, одежда в таджикской среде

¹Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). С. 94.

²Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 124.

³Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 569; Маев Н. А. Азиатский Ташкент. С. 272.

⁴Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 46.

⁵Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 130.

⁶Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. С. 14.

⁷Гребенкин А.Д. Таджики. С. 47.

играет весьма важную роль, служит оценкой деятельности, положения в обществе. Таджик по платью встречает, по платью же и провожает. Кто всегда одевался хорошо, щеголял своим платьем и вдруг появлялся на гулянье в старом, тот вызовет на счет себя со стороны его знающих или только видевших хотя бы один раз, самые щекотливые замечания и пересуды... Таджик будет отказывать себе в пище, в поправке своего жилища, но постарается появляться в людном месте в праздничные дни в обнове, одетым не хуже того, как его привыкли обыкновенно в такие дни видеть»¹.

Таким образом, в конце XIX– начале XX состав и облик мужского костюма рядового таджика-горожанина определяли, с одной стороны, потребности крайней необходимости и указания шариата, с другой, - желание показать в обществе свой достаток. Первый фактор выражался в требовании скрыть соответствующие части тела, а также защитить их от вредного климатического воздействия (влаги, холода, жары). По этой причине состав городской одежды всех слоев населения был одинаковым. Он складывался из рубахи (глухой или распашной) и штанов, верхнего халата. В качестве головного убора применялись тюбетейка или чалма, зимой – теплая шапка. Влияние второго фактора зависело от наличия возможностей. Им обуславливалось ношение поверх рубахи нескольких халатов, а также стремление носить пеструю верхнюю одежду яркой расцветки. Причина формирования традиции ношения самого верхнего халата нараспашку, без пояса, кроется опять же в желании продемонстрировать из-под него наличие других предметов одежды.

3.2. Женский костюм средних и низших городских слоев

Как уже отмечалось, в Средней Азии состав традиционного женского костюма всех горожанок независимо от материального положения их семей в целом был одним и тем же. Разница заключалась лишь в качестве используемых

¹Гребенкин А.Д. Таджики. С. 48-49.

для пошива одежды материалов, числе украшений и наличии или отсутствии отдельных аксессуаров.

Наружность уличного костюма женщины из престолярства, как и представительницы зажиточного слоя, определяла исключительно головная накидка *фаранджи* и черная лицевая занавесь *чаимбанд* (илл. 2.2.1; 3.2.10, справа; 3.2.17; 3.2.22). Типичной расцветкой *фаранджи* рядовой горожанки был серый или темно-синий, обычным материалом для ее пошива - хлопчатобумажная или полуселковая (*банорас*) ткани. Простая горожанка и, тем более, из бедной семьи, носила свою свадебную головную накидку бессленно до конца жизни. Со временем она обветшала, приобретала истрепанный вид. Зачастую на ней делали заплатки (илл. 3.2.17). В таком «безобразном наряде», пишет В. И. Масальский, женщина «имеет вид неуклюжей мумии, безмолвно скользящей мелкими шажками по улице»¹.

Путешественник-публицист Е. Марков в 1901 году отмечал, что в Бухаре у сартовских, таджикских и узбекских дам, даже у маленьких девочек, лица была покрыты густым черным покрывалом, по причине чего оценить их красоту было решительно невозможно. «Здесь прекрасный пол обращен в каких-то неуклюжих чучель, завернутых в темно-зеленые и темно-синие простины с головы до пяток», - такими словами передал писатель свои впечатления от увиденного². Он не нашел возможности оценить не только красоту местных женщин, но и их наряды.

«Этот халат – паранджа, или иная *фаранджи* – окутывая с макушки до пяток всю фигуру женщины, придает ей такой некрасивый, неуклюжий вид, что так и кажется, будто несчастная попала в длинный мешок, да в нем и бродит чуть не ощупью», - так свое мнение об обязательной верхней выходной одежде среднеазиатской горожанки озвучил в 1882 году В. В. Крестовский³.

¹Масальский В. И. Туркестанский край. С. 398.

²Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 405.

³Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С. 275.

Средневековое общество требовало от девушки закрываться от чужого взора, начиная с 12-летнего возраста. В дальнейшем до глубокой старости она должна была выходить на улицу, лишь укутавшись в *фаранджи* и закрыв лицо лицевой занавеской *чаимбанд*. Бродить по городу и его окрестностям без этих деталей одежды было дозволено лишь прокаженным и морщинистым женщинам преклонных лет¹.

Говоря об однообразии городской жизни в Средней Азии, В. В. Радлов в 1868 году пишет, что между важно шествующими «пестрыми группами мужчин», изредка встречались медленно скользящие «маленькие тщедушные фигурки», полностью укрытые халатами. «Это – женщины, - приходится пояснять ему европейскому читателю. - Они крадутся, словно преступники, боящиеся дневного света, мимо групп мужчин, почтительно уступая дорогу каждому встречному»².

Очевидно, в этих условиях дореволюционные этнографы были не в состоянии давать какую-нибудь характеристику распространенным традициям и модным тенденциям, господствующим в женском городском костюме. Тем более, не дозволялось пристально, оценивающе, всматриваться в направление женщины. Практически невозможно было изучить женские наряды жителей равнинных селений и городов Бухарского эмирата – его столицы, Шахрисабза, Гиссара, Байсуна и других. Несмотря на вассальную зависимость от России, в этом формально самостоятельном государстве осуществлялся наиболее строгий надзор за правилами, регламентирующими поведение женщины в обществе.

Традиция диктовала такие же требования к женщине и на территории, оказавшейся под властью «белого царя». Однако действия русской администрации и влияние русской культуры позволили со временем несколько смягчить условия жизни женщин из Ташкента, Ферганы, Самарканда, Худжанда и других городов, управляемых Туркестанским генерал-губернатором. В этих городах уже можно было встретить отдельных женщин, которые ходили по улице

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 142.

² Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 569.

с открытыми лицами и в нарядной одежде. У русских и европейских исследователей материальной культуры появилась возможность исполнить множество фотографий местных девушек и женщин. Они запечатлены, как в *фаранджи*, так и без нее, нередко с открытым лицом, иногда без головного платка или какого-либо другого головного убора¹. Именно материалы по костюму горожанок Туркестанского края позволили представить получение и о женских нарядах, которые скрывали головные накладки в городах Бухарского эмирата.

Между тем, даже эта, по своей сути, скрывающая деталь костюма, все же обладала определенной информативностью. Манера ее ношения выдавала уроженку того или иного города. Стиль укутывания в такую головную накладку позволяла распознать жителей разных городов даже в пределах одного оазиса, например выходцев из Намангана и Коканда². А ташкентки носили *фаранджи* более короткую, чем в других районах, длиной едва покрывавшей колени³. Очевидно, укороченные образцы здесь появились после присоединения оазиса к России. Отделка *фаранджи* и качество его материала “сообщали” окружающим, к какой семье, зажиточной или небогатой, принадлежит ее владелица. Натура женщины и ее материальные возможности брали верх над необходимостью точно следовать установившимся в обществе моральным устоям, согласно которым верхнее одеяное “не должно быть ярким, дабы не привлекать собою взглядов мужчин”⁴. Свидетельством тому являются многочисленные музейные образцы нарядных *фаранджи*.

Новые модные тенденции зарождались в городах, следовательно, интенсивное распространение в обществе костюмных инноваций было особенно характерно для городской среды. Общую характеристику женского костюмного комплекса мы уже приводили, рассматривая наряды женщин из зажиточных

¹ Некоторые нюансы данного вопроса освещены в разделе 1.1 настоящей работы.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 96.

³ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. С. 297.

⁴ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 93.

семей. Здесь же, основываясь на материалах источников, отметим конкретные особенности, присущие лишь костюму рядовых горожанок.

Известная восприимчивость прекрасного пола к новым веяниям моды заставляло женщин из семей со средним и низким достатком приблизить по мере возможности свои наряды к тем, которые носили в семьях зажиточных. А. П. Шишов отмечает, что в городах Средней Азии бедные и богатые носили одежду одного покроя. Разницу можно было обнаружить лишь через количество одежных принадлежностей, надетых вместе, и качество тканей, использованных при их пошиве. По его словам, «только некоторые принадлежности костюма указывают на принадлежность сарта к известному классу»¹. Это его замечание относилось и к женскому, и к мужскому костюму.

Среднеазиатская горожанка, независимо от состоятельности семьи, вынуждала мужа тратить немалые денежные средства на приобретение новых женских нарядов, притом таких, которые отвечали бы самому последнему слову моды. В этом контексте характерной является заметка под названием «Ферганские модницы», опубликованная 16 мая 1916 года в журнале «Новое время» под рубрикой «Внутренние известия»: «Сартянки сходят с ума от нарядов. По сообщению «Туркестанского курьера», в одной только Фергане насчитывается более тысячу дел о разводах, причинами которых служит денежная несостоятельность мужей и женская жадность к нарядам. Недавно в одном из уездов Ферганы возмущившиеся мужья принуждены были прибегнуть к решительным мерам борьбы против мотовства своих жен и на общем сходе сообща постановили следующий приговор: «Ввиду дороговизны предметов, идущих на наряды нашим женам, с настоящего числа обязуемся совершенно не покупать им ситца, плюша, лакированных ичиг и прочее. Всякая женщина, будь она жена богатого или бедного, должна носить то, что раньше имела. Если запасы нарядов иссякли, она обязана просить мужа купить на рубашки сартовской *маты*,

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 132.

на камзолы дешевого шелка (*алачу*), а ичиги и калоши покупать только простые из козлиной кожи»¹.

Платья. В отличие от состоятельных горожанок, горожанки из простонародья ограничивались ношением одного платья, по возможности двух. В первом случае одно и то же платье играло роль и нижней рубахи, и платья, надеваемого поверх нее. Форму горловины такого платья определял возраст его владелицы. В определенный период жизни происходил переход от ношения рубахи с горизонтальной горловиной к надеванию рубахи с вертикальным разрезом ворота.

Однако недостаток семейных средств не мог ощутимо повлиять на расход ткани, используемой для пошива женских платьев. Так, в городах долины Ферганы девушки и женщины из масс носили широкую и длинную, до щиколоток, рубаху. Концы их очень широких прямых рукавов спускались ниже колен. Во время пляски они размахивали концами рукавов подобно тому, как русские женщины для этого пользуются платками². Хотя широкие и длинные платья с рукавами опять же больших размеров обуславливали большой расход ткани, мода, распространившаяся в городах с подачи зажиточного населения, заставляла менее состоятельных горожанок также носить такую одежду. Другое дело, что им приходилось ходить в лишь в одном платье, служившем и нижней рубахой и собственно платьем.

По мере распространения в Средней Азии русской и англо-индийской мануфактуры городское население по возможности переходило на использование в одежде фабричных тканей. К середине 1880-х годов лишь только самые бедные городские жители ходили, подобно сельчанам, в рубахах из местных тканей ручной выделки. К этому времени горожанки со средним достатком, не говоря о

¹ <http://starosti.ru/article.php?id=50169>. Дата обр.: 30.01.2017.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 94.

зажиточных жителей, полностью перешли на ношение тканей машинного производства более высокого качества¹.

Теперь в женской одежде применяется, главным образом, гладкий или узорчатый кумач, ситцы ярких расцветок, преимущественно крупноузорчатые, бриллиантин. В праздники и когда собирались в гости, надевали платья шелковые. Из числа местных хлопчатобумажных материй более «живучей» себя проявила *хоса* – кисейная ткань, из которой шили летние рубахи².

Естественно, низшие городские слои населения были не в состоянии украшать свою одежду золотым шитьем. Однако золотошвейная женская одежда бытовала не только в кругу дворцовой аристократии. Она входила в приданое и у средних слоев горожан. Причину массового распространения в городах (Бухара, Самарканд и др.) золотого шитья Г. Майтдинова видит в том, что помимо дворцовых мастерских с работниками-мужчинами, существовало и женское золотошвейное ремесло, функционировавшее в условиях надомного производства и в качестве народного искусства³.

За счет вышивки или золотого шитья средним слоям горожан удавалось преобразить, сделать более нарядной любую свою одежду, даже сшитую из относительнодешевых тканей. Вследствие этого недостатки материала становились практически незаметными.

Здесь опять же напрашивается сравнение одежды бухарских таджичек и евреек. Последние первостепенное значение придавали тканям, материалу. На платьях из дорогих материй они иногда выполняли вертикальные разрезы ворота и на груди и на спине, чтобы периодически надевать их задом наперед и за счет этого продлить срок носки дорогой одежды. Но бухарские таджички к этому способу никогда не прибегали, считая надевание нарядных платьев задом наперед недопустимым⁴. Справедливости ради, отметим, что такой обычай существовал и

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95.

³ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. 2. С. 89.

⁴ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 305.

в таджикской культуре одежды, однако негородской. Он встречался в отдельных горных районах, например, в верховьях Зеравшана.

Нарядные шелковые платья были в гардеробе каждой более или менее состоятельной горожанки. Их надевали только при выходе в гости, по возвращении домой тут же снимали и прятали. Число шелковых платьев зависело от степени семейного благосостояния женщин.

Нательные платья шили только из светлых, как правило, белых хлопчатобумажных тканей. Для этого употреблялись разные сорта кисеи (*дока*, *хоса* и др.), а также ситец с мельким цветочным орнаментом на белом фоне. Белый цвет ткани символизировал духовную чистоту, светлую и счастливую жизнь. Хлопок пользовался славой сакрально чистого материала, прикосновение которого к телу не наносит вреда. Не случайно, из таких тканей традиционно шили и шьют одежду для новорожденных¹.

Выступающие наружу концы длинных рукавов нижнего платья отворачивали наверх. Их оформляли вышитым узором или к ним с изнанки подшивали надставки *саростин*, *нуги остин*. Длина рукава составляла до 80 см, из которой примерно половина украшалась вышивкой. Общая длина рукава вместе с надставкой достигала 105-110 см. Иногда пришивали одну к другой до трех надставок. Тогда при опущенных руках надставки почти касались земли. Вышитые *саростины* использовались, чтобы, во-первых, добавить костюму декоративности, усилить ее, с другой - достичь иллюзии большего числа надетых платьев².

В конце XIX века в среднеазиатских городах, присоединенных к царской России, на нижних платьях появились стоячие воротники, которые называли *нугой-ёка* («татарский воротник») / *ит-ёка* («собачий воротник, ошейник»)³. Согласно М. Бикжановой, в Ташкенте они распространились в 1880-х годах. Одновременно среди ташкенток распространилась мода делать платья с отрезной

¹ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). С. 22.

² Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 132, рис. 8.

³ Бикжанова М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX - начала XX в. С. 134.

талией, со сборками, с вырезной проймой и вшивными рукавами. Делать платья с кокеткой и сборками на груди здесь начали в 1900-х годах¹.

Говоря о времени появления пришивных стоячих воротников на женских платьях Ташкента, М. Бикжанова, вероятно, имеет в виду лишь рубахи с вертикальным разрезом, расположенным спереди. Как видно на фотографиях В. Козловского «Сартянка 15 лет» и «Сартянка 19 лет» (илл. 3.2.1), выполненных, кстати, в этом городе, уже в середине 1870-х годов воротники-стойки на женских нижних платьях уроженок Ташкента не были редкостью. Вертикальный разрез ворота этих платьев, которые были белого цвета, располагался на спине, а в качестве пришивного воротника-стойки использовалась узорчатая тесьма. Орнамент на тесемчатых воротниках – геометрический².

Название «куртаи ит-ёка» наиболее соответствует рубахе именно этого типа – используемого в качестве нательной одежды, с воротником-стойкой и вертикальным разрезом ворота на спине. Как видно на указанных иллюстрациях из альбома «Типы народов Средней Азии», такая форма воротника напоминает замкнутый собачий ошейник в большей мере. При наличии на воротнике и горловине переднего разреза, сходство с этим предметом собачьей упряжи выражено не так явно. Правда, ситуация несколько меняется при застегивании разреза, особенно когда края стоячего воротника сомкнуты. Примером служит рубаха персонажа фотографии Н. Орде «Богатый наряд сартянки» (илл. 2.2.5, справа)³. Еще более выражено это сходство в платьях молодой девушки из Маргелана – героини фотографии «Гаджичка» (илл. 2.2.5, слева). Оба ее платья

¹ Бикжанова М.А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 134.

² Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РН). С. 201-202.

³ В культуре женской одежды таджичек стоячие воротники, иногда с оборками, делались на нижнем платье, которое шили, как правило, из белой ткани или материи светлой расцветки в мелкий узор. Однако на рассматриваемой фотографии воротником-стойкой оснащена рубаха, сшитая из окрашенной ткани. Эта ткань использована и для воротника. Белыми являются лишь оборки, идущие по верхнему краю воротника. С учетом этого, говорить однозначно о назначении этого платья – в качестве нижней одежды – не приходится.

изготовлены со стоячим воротником, причем края воротника на нижнем платье обшиты воланами.

Указанные инновации в женской одежде жителей Ташкента (выполнение пришивного воротника, кокетки, проймы) синхронно проникли в Самарканд, Ходжент, города Ферганской долины. На женских платьях бухарцев и жителей других населенных пунктов эмирата стоячие воротники появились значительно позже, в 1920-х годах, т. е. уже после революции.

Т. Г. Емельяненко пишет, что делать отложные воротники в среднеазиатских городах стали еще позже - в 1930-х годах. Одновременно с отложными воротниками в национальных платьях стали делать кокетку. Покрой таких платьев со сборками на груди называли *бурма*¹. Однако это мнение не согласуется с утверждением супругов Наливкиных, по словам которых уже в середине 1880-х годов в Ферганской области России «между сартовскими франтихами стали входить в моду татарские ворота с широкими отложными воротниками». В мужских халатах такие воротники стали делать еще раньше - во второй половине 1870-х годов². Наличие отложного воротника отчетливо наблюдается, например, на роскошном халате персонажа фотоснимка Н. Орде «Кокандская ханша» от 1894 года³.

Платья с кокеткой и стоячим воротником после их появления в горном Таджикистане получили название *куртаи узбаки* («узбекское платье»), в Северном Таджикистане – *куртаи нугай* («татарское платье»), а собственно воротник–стойка – *гиребони казоки*. В противоположность этому, бухарские евреи называли такие рубахи *куртаи сорти* («сартовское платье»)⁴. Уже отмечалось, что сартами в конце XIX – начале XX века русские и узбеки называли

¹ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 292.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95, 103-104.

³ По другим данным, этот снимок выполнен Н. Орде в 1880-х годах и носит название «Жена Худояр-хана». Однако в обоих случаях есть несоответствие во времени выполнения снимка и его названием. Третий, последний, срок правления Худояр-ханом завершился в 1875 году, а еще через год Кокандское ханство было завоевано, а затем и ликвидировано Российской империей. На этой территории была образована Ферганская область, административно входящая в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

⁴ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 301-302.

коренное, в том числе таджикское, население крупных городов Средней Азии. Бухарские таджики, в свою очередь, называли этот вид платья *куртаи фаргонача* («ферганское платье») /*куртаи урусси* («русское платье»)¹. Название *куртаи фаргонача* бытовало для него и в Ташкентском оазисе, а *куртаи урусси* - в Самарканде². Как видим, в названии типа платья указывали народ, который не изобрел, а раньше заимствовал этот, по сути европейский, фасон одежды. В частности, последние названия указывают на то, что данный фасон проник в Бухару из долины Ферганы, которая на тот момент уже находилась в составе Российской империи.

Платья с вертикальным разрезом ворота надевали замужние таджички. Переход на платья такого типа осуществлялся через год или два после свадьбы. До этой поры они, как и незамужние девушки, носили рубахи с горизонтальным разрезом ворота. На одной стороне горловины рубахи делали дополнительный вертикальный надрез для продевания головы и пришивали завязки. Следовательно, разрез ворота был не очень широкий и в случае отсутствия дополнительного надреза голова через него не пролезала. Этим платья таджичек отличались от рубах бухарских евреек, которые делали очень длинную горловину, глубоко открывающую шею и плечи³.

Наличие дополнительного вертикального надреза на горловине платья с горизонтальным разрезом ворота было характерно только для одежды таджичек, узбечек и прочего мусульманского населения. В этом заключается одна из причин того, почему такие рубахи стали называться *куртаи муллои* /*куртаи муллоча* («рубаха для мулл»)⁴. Они были повсеместно, особенно в низовьях Зеравшана, распространены и в мужской одежде.

¹ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 135.

² Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов. С. 164.

³ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 294.

⁴ Более обоснованная версия происхождения этого названия состоит в том, например, в долине Ферганы и Ташкенте рубаху такого типа носили только грамотные мужчины, в частности муллы и ишаны, а безграмотное население ходило в нательных халатах.

Смена в платье горизонтальной горловины на вертикальный означало, как уже отмечалось, переход от девичества в возраст деторождения.

Рядовая горожанка ходила в платье из массовых тканей, как узорчатых, так и однотонных, сообразно достатку. В конце XIX века среди простых горожанок Самарканда вошли в моду платья из ситца в горошинку (илл. 3.2.20).

В целом, покрой традиционных платьев городских таджичек из разных районов был одинаков и отмечались лишь отдельные локальные различия. Так, платья самаркандских и бухарских женщин во многих чертах были схожи и отличались лишь по ширине рукава. В Самарканде предпочтение отдавали платью, рукав которого к концу суживался примерно в два раза. Этим типологически оно было близко к платьям горных таджичек.

Инновации в одежде, внедряемые в конце XIX века в Средней Азии, имели отношение не только к ее крою, но и к отделке, используемым материалам. Так, в этот период местные одежные ткани ручного производства активно вытеснялись русской мануфактурой и изделиями англо-индийского машинного текстильного производства. По сообщению Наливкиных, в 1886 году даже более или менее состоятельные горожанки уже не носили одежду из местных тканей ручной выделки¹.

Поясная одежда. Женские штаны – *пойджома / эзор / лозими* традиционно носили под платьем, из-под которого видна лишь нижняя часть штанин. Поясную одежду шили из шелковых и хлопчатобумажных (сатин, ситец и др.) тканей. Зажиточные женщины-горожанки носили штаны из красной ткани *алвон (кумач)*, ситца яркой расцветки, *адраса, шойи*². Купцу Д. Долгорукому в Кокандском ханстве удалось разглядеть под слегка приподнятыми головными накидками

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95.

² Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 94.

фаранджи местных женщин шаровары розового или ярко-красного цвета¹, видимо, из материи *алвон*.

Ткани яркой, преимущественно красной, расцветки², с крупным набивным узором, предпочитали девушки и молодухи, женщины старшего возраста употребляли в шароварах материи темных расцветок с мелким рисунком. В зависимости от возраста отличались также ширина и длина штанов.

Верхнюю часть штанов – *нифа* шили из более дешевой хлопчатобумажной материи – *карбоса* или фабричной бязи. Концы штанин обшивали плетеной тесьмой *шероз / джияк* с кисточками на концах³. Наличие декоративных тесемок специально демонстрировали из-под платья, что было характерно для культуры национальной одежды. Этим отличалась, в частности, манера ношения поясной одежды бухарскими таджичками и еврейками, у которых штанины всегда были заправлены в чулки, ичиги или сапоги, т.е. были скрыты от постороннего взгляда⁴.

Женщинам из бедных семей приходилось шить для себя домашние штаны из одной ткани, доступной для их семейного бюджета – из грубой хлопчатобумажной ткани *карбос*, в большинстве случаев, белого цвета. В их нарядных, праздничных шароварах штанины были из цветных тканей – дешевых сортов кумача, ситца, *адраса*⁵.

Верхняя одежда. Представители рассматриваемой группы горожанок в холодный период года надевали по два платья, если они имелись. В городах было принято носить верхний халат. Поверх платьев большинство женщин надевало халат на подкладке или стеганый халат на вате. Верх халата шили из ситца, цветастого кумача, *адраса*. При хлопчатобумажном верхе подкладкой служила грубая материя *карбос* или кисея. По возможности, для верха халата применяли

¹ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 256.

² Маев Н. А. Азиатский Ташкент. С. 298.

³ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. С. 135.

⁴ Емельяненко Т.Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья. С. 296-297.

⁵ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 94.

шойи и *атлас*. Подкладкой для шелковых и полушелковых халатов служил ситец¹.

В конце XIX века распространились предметы выкройной одежды – камзолы и короткие жилетки – безрукавки *камзулча* (илл. 3.2.16, 3.2.18, на девушке с домброй; 3.2.19). Женские камзолы наиболее интенсивно развивались в городах Ферганской долины, входящей в состав Российской империи. Около 1900 годов здесь стало модным ношение камзолов из ярких тканей, гладких и узорчатых, которые плотно облегли тело (илл. 3.2.12). Настолько плотно, что в области талии на ткани камзола образовывались поперечные складки. Камзол оснащался отложным или стоячим воротником и застегивался на пуговицы. Верхний полуборт камзола выкраивался фигурно, так, чтобы линия застегивания пуговиц располагалась спереди не по центру, а на правой стороне по диагонали. В области талии застегнутые пуговицы располагались на правом боку. Узкие рукава были значительно длиннее рук и образовывали значительное число складок.

Длину рукавов на камзолах выбирали разной: до локтя, в три четверти, до запястья. При этом разной была и их ширина. Встречались рукава узкие, когда из-под них выступали очень широкие рукава платья (илл. 3.2.6, слева; 3.2.7, слева; 3.2.10, слева; 3.2.11, по краям; 3.2.14, второй и шестой персонажи слева; 3.2.17; 3.2.20). Особый эффект достигался, когда очень широкий (около 50 см) рукав платья выглядывал из-под довольно широкого (порядка 40 см) верхней одежды (илл. 3.2.9, слева; 3.2.21). В Фергане в начале XX века распространилась тенденция носить камзол с длинными узкими рукавами, из-под которых рукавов платья не было видно (илл. 3.2.22).

Варьировала и длина камзолов. Низ подола на укороченном камзоле располагался на уровне чуть ниже бедер (илл. 3.2.19, левый персонаж; 3.2.22, правый персонаж).

Видимо, к началу XX века в городах, вошедших в состав России, женские камзолы бытовали параллельно с халатами туникообразного кроя *мунисак*. Об

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 97.

этом свидетельствуют костюмы персонажей фотоснимка Лютче, выполненного в г. Ош (илл. 3.2.22). На этой фотографии также обращает внимания один и тот же прием оформления в тот период *мунисаков* и камзолов. Края деталей *мунисака* (полубортов, подола, концов рукавов), сшитого из светлой камчатной ткани, обшивались широкой, примерно в 3 см, полосой красного цвета.

Каждая женщина среднего достатка имела одно или два шелковых платья, которые надевала, когда собиралась в гости. По возвращении домой, быстро переодевалась и прятала нарядную одежду в сундук. Дома она ходила в дешевеньком повседневном платье. Причем, так поступали даже в зажиточных семьях. Следовательно, повседневный женский костюм среднеазиатской горожанки рассматриваемого периода не мог служить показателем истинной состоятельности жителей. Тем более что из-за дороговизны мыла, рубаху и штаны в то время стирали очень редко, в лучшем случае раз в две недели¹. Но и здесь можно видеть разницу в состоятельности городских и сельских, особенно горных, жителей. По словам Г. А. Арандаренко, в бекствах Каратегина и Дарваза стирку одежды в каждом хозяйстве выполняли лишь три раза в год. А так как никаких запасов мужской и женской одежды у них не было, в такие дни взрослые и дети прятались по углам голыми, прикрывшись одними лишь тряпками².

Обувь. Женщины из городского престолярства (как и в кишлаках) дома ходили босиком, при выходе во двор надевали на босу ногу калоши. За неимением средств они круглый год ходили либо в калошах, либо в ичигах. Пользоваться обоими видами обуви вместе было привилегией зажиточных женщин³. Такая картина наблюдалась и летом, и зимой⁴.

Купец Д. Долгорукий пишет о женских «красивых зеленых башмачках, с вздернутым кверху мыском» у жителей Кокандского ханства⁵.

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 97-99.

² Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане (1874-1889). С. 463.

³ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. С. 49.

⁴ Масальский В. И. Туркестанский край. С. 397.

⁵ Долгорукий Д. Пять недель в Кокане. С. 256.

Обряды и ритуалы. Обновление одежды осуществлялось к народным праздникам – *Иди-Курбон* и *Иди-Рамазон*. При наличии возможностей, для себя и детей заготавливали полные комплекты одежды. Если обстоятельства не позволяли, ограничивались пошивом хотя бы одного нового предмета одежды. А бедная женщина нередко меняла лишь часть своего платья. Например, она меняла *саростины* - вышитые надставки на рукавах нижней рубахи. Благодаря тому, что из-под нарядного верхнего платья показывалась лишь эта часть уже поношенной рубахи (иногда и ворот), создавалось впечатление, что она новая. Учитывая бережное отношение к выходному шелковому платью, которое дома никогда не носили, а штаны почти не выглядывали из-под платья, практически новым представлялся весь одежный комплекс представительницы бедноты¹.

Горожанки среднего достатка меняли и стирали свою одежду очень редко. «Беднота носит рубаху до тех пор, пока она не истлеет на теле», - писал в 1913 году В. И. Масальский².

Супруги Наливкины пишут, что в небогатых городских семьях долины Ферганы женщины ежегодно изнашивали два комплекта одежды и обуви, включая рубахи, штаны, халаты, платки и калоши. Однако ичиги служили примерно год. *Фаранджи* и *чаимбанд* служили по нескольку лет, так как их надевали не так часто³.

Если в состоятельных семьях одежду, в том числе женскую, обновляли на средства мужа, бедные горожанки нужные для этого средства добывали собственным трудом. Они дома занимались очисткой хлопка и прядением, шелководством, печением лепешек и пошивом разных предметов быта на продажу⁴.

Обряд бракосочетания в культуре таджиков связывается с древнейшим ритуалом жертвоприношения, когда в роли жертвующего выступает отец

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 99.

² Масальский В. И. Туркестанский край. С. 397.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 101.

⁴ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 102.

невесты, жертвой воспринимается сама невеста, а ее будущий муж играет роль божества, принимающего жертву. Совсем не случайно жениха – *домод* в день свадьбы величали *шахом* (царем). С этим связывается одевание невесты - красное, цвета крови, и белое, в средневековье - цвет траура¹. О траурном значении белого цвета писал, например, таджикский историк XI века А. Байхаки².

В традиционной культуре одежды таджичек было принято не подшивать подол рубахи молодой замужней женщины. По местным представлениям, это могло вызвать бесплодие. В детских рубашечках не подшивали подол, ворот и концы рукавов. Считалось, что обрезание лишних кусков ткани и подшивание краев одежды укорачивает жизнь ребенку, станет помехой его росту, полноте и здоровью³.

Головной убор. Женским головным убором в конце XIX– начале XX века служили тюбетейка и платок. Применение тюбетейки без платка, как и платка без тюбетейки, не было редкостью. В них можно было видеть женщин, когда они находились у себя дома или в кругу родственниц, подружек. Использовались тюбетейки с круглым или четырехгранным околышем и высокой, иногда слишком высокой (илл. 3.2.22), конусообразной тульей. Плоская тулья, ставшая особенностью тюбетеек, как городских, так и равнинных таджичек в советское время, на фотографиях рассматриваемого времени не зафиксирована. Очевидно, модными плоские тюбетейки стали позже – с 1920-1930-х годов. Похоже, в этот период тюбетейки не вышивали. Их шили из узорчатой (илл. 3.2.2, 3.2.3, справа) или одноцветной (или 3.2.8, справа, 3.2.10, слева) ткани. По низу околыша тюбетейку обшивали узкой или широкой тесьмой, зачастую вышитой.

Женские тюбетейки с четырехгранным околышем были распространены в Ферганской долине (илл. 3.2.12). По форме они напоминают знаменитую мужскую тюбетейку *токии чусты*. Отличие заключается в том, что женские

¹ Крюкова В. Ю. Таджикский свадебный обряд как воспроизведение древнейшего индоиранского мифа и ритуала. С. 185.

² Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. С. 84.

³ Наливкин В. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95, 174.

головные уборы такого вида по большей части сшиты из светлых гладких или узорчатых тканей, а на их околыш нашита широкая (около 5 см) гладкая или узорчатая тесьма. Заслуживает внимания один из образцов, почти полностью воспроизводящая *токии чусты* (илл. 3.2.12, справа): такой же черный цвет тюбетейки и такое же изображение «индийского огурца» на каждой грани тульи.

Если состоятельные женщины пользовались специально приготовленной налобной повязкой *пешонабанд* с золотошвейной отделкой, то женщины из бедных семей в этом качестве применяли небольшие платки *дуррача*. Платочек несколько раз складывали полоской и повязывали поверх наброшенного на голову большого платка *руймол*. Этот предмет головного убора носили, когда шли в гости¹.

Украшения. Городские девушки и женщины в своем нарядном костюме пользовались множеством ювелирных украшений. Применялись несколько видов налобных серебряных украшений. Так, поверх головных платков носили украшение *баргак* («лепесток»), состоящее из ряда соединенных шарнирами позолоченных квадратных пластинок с подвесками, инкрустированных глазками цветного стекла, бирюзой и кораллами (илл. 3.2.8, 3.2.9). На отдельных налобных украшениях линия низа подвесок располагалась над бровями, по форме точно воспроизводя их. Самыми длинными были центральные подвески (три-пять штук), которые спускаясь вдоль переносицы, доходили до середины носа (илл. 3.2.5, справа). Распространено было также ношение налобных украшений *коши тилло* («золотые брови»), *силсила* («цепь») и *мохи-тилло* («золотая луна»)/ *мохи-нав* («молодая луна»). В *мохи-тилло* центральный элемент изображал светило. К налобной повязке прикрепляли сразу три таких украшения в ряд². В изображении светила отразилась вера в оплодотворяющую силу Луны и Солнца. Это же имеет отношение к серьгам в форме полумесяца – *махак* («маленькая луна»). Такие украшения были предназначены для женщин фертильного возраста.

¹ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 95.

² Люшкевич Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области. С. 75.

Лица украшали серьги *халка* или *гушвор*, над височные подвески *каджак* («завиток»), шею - ожерелье из кораллов *марджон*, поверх него – ожерелье из серебряных штампованных пластинок с подвесками, называемое *пайконча* («дротик») или *тавки-гардан* (букв. «ошейник»). Большой популярностью пользовались серебряные серьги *гушвори чапарак* с пятью подвесками из скрученных спиралью проволочек, коралловых бус и пронизок из зерни (илл. 3.2.7, справа, 3.2.11, справа, 3.2.12, слева). Длина подвесок иногда доходила до 7-10 см (илл. 3.2.5, справа, 3.2.21, пляшущая девушка).

Широко применялась длинная нанизка из коралловых бус, которая многократно (в 10 рядов, 20 и более) обвивала шею. Ряды нанизки могли плотно охватывать шею (3.2.5, 3.2.7, 3.2.11, справа), или свисать от шеи вниз, доходя до груди (илл. 3.2.16) или даже до талии (илл. 3.2.1, 3.2.17, 3.2.21, персонаж с бубнем). Иногда между бусинками нанизывали серебряные монеты (илл. 3.2.5, слева, 3.2.10). Особенно эффектно такое украшение смотрелось, когда плотно обвивало шею поверх воротника-стойки (илл. 3.2.10, справа, 3.2.11, посередине, 3.2.13, справа).

Детали в ожерельях *нози-гардан* («блаженство шеи»), *тавк*, *мургак* («птичка») и в височном украшении *каджак* были в форме стилизованных фигурок птиц, похожие на распространенный орнамент «красный перец», «миндалины». Изображение птиц в украшениях и других предметах костюма, например, в тубетейках, символизировало очистительную силу солнца. По этой же причине *каджак*, как и налобную диадему *коши тилло*, часто украшали раскрашенными перьями утки, петуха, селезня, сокола, павлина или фазана.

Для украшения груди использовались две пары подвесок в форме прямоугольников с коралловыми бусами, повешенные по бокам. Верхняя подвеска называлась *сари-китфи* («наплечная»), нижняя – *куш-тумор* («спаренный амулет»). Посередине груди, ниже кораллового ожерелья, вешали футляр *бозубанд* («повязка для предплечья»), внутрь которого вкладывалась бумажка с написанной охранной молитвой, а ниже его – *тумор* треугольной

формы. *Тумор* представлял собой специальный серебряный, реже золотой футлярчик, в котором хранили талисман (амулет), оберегающий от сглаза и болезней, бесплодия и нечистой силы. Талисманом служил небольшой лист бумаги с отрывком из Корана, написанным стилизованным арабским письмом. Женские *туморы* подвешивались на крученный двухцветный шнур из верблюжьей шерсти, перекинутый через плечо. Черно-белый шнур *алоча* также служил талисманом от сглаза. Он символизировал двух змей как олицетворение добра и зла. *Туморы* было принято носить до рождения одного-двух детей. В случае бесплодия или частой смерти детей было принято носить *тумор* треугольной формы постоянно, скрывая его под разными частями одежды. Традиция ношения оберегов, в том числе детьми, сформировалась еще в доарабскую эпоху. Тогда внутрь оберега вкладывали фигурки божков. С принятием ислама сакральными стали считать любую надпись, выполненную на арабском языке.

Под всеми этими украшениями носили большое ожерелье *хайкал* или *зеби-сина* («украшение груди»), состоящее из соединенных многорядными (обычно 7) цепочками пластинок, инкрустированных цветными стеклянными глазками, бирюзой и украшенных накладной сканью, зернью и подвесками. Самая нижняя пластинка делается крупнее остальных. На указательный и безымянный пальцы правой руки надевали кольца *ангуштарин*, на руки - браслеты *дастпона*. В косы вплетали тяжелые кисти из черных шелковых ниток с серебряными украшениями, называемые *чочпупак*.

Традиция предписывает женщине в определенные периоды не носить никаких украшений, в том числе оберегательных. Таким периодом является, например, траур, продолжающийся в течение года после смерти мужа или родных. Другой такой период – сорок дней после рождения первого ребенка – *чилла*. В это время охранительным мероприятием служит окуривание священными травами помещения, где находятся мать с ребенком, а также развешивание здесь других разных оберегов, например, лоскутных материалов и вещей. У таджиков сформировалось мнение, что такие принадлежности дома

притягивают внимание посетителей с дурными намерениями и оберегают хозяев дома от сглаза¹.

Американец Е. Скайлер писал, что горожанки в Средней Азии любили дополнять свой костюм множеством украшений. Среди них он перечисляет шейные ожерелья и мелкие амулеты, подвески в волосах, серьги и даже кольцо в носу. Ношение последнего украшения Е. Скайлер призывает не считать признаком дурного вкуса. По его словам, «красивая девица с бирюзовым кольцом в ноздре хотя и кажется чем-то необыкновенным, однако, тем не менее, явление это очень интересное и представляет в себе много пикантного»².

Прическа. Мода опускать надо лбом два больших фестона из тщательно приложенных волос, которая господствовала в Намангане в середине 1880-х годов, и о котором есть заметка в книге Наливкиных³, находит свое отражение на фотоснимках того периода. Название этих завитков – *печа / тича*.

В Коканде и Маргилане, похоже, в такой манере опускали лишь один завиток. Его мы видим надо лбом юной узбечки, позировавшей Гюго Краффту (илл. 3.2.12, слева). Сужающийся конец завитка выглядывает из-под головного убора – тубетейки с высокой трех- или четырехгранной тульей и широким вышитым околышем. Точно такую же прическу – прямой пробор и одиночный фестон надо лбом – зафиксировала у одной из запечатленных маргеланских женщин камера Н. Орде в 1894 году. Этим персонажем является молодая женщина, играющая на национальном струнном инструменте *дугар* (илл. 3.2.5).

Наличие как одиночного, так и двойного фестонов, можно увидеть в прическе нескольких девушек, позировавших для другой фотографии Н. Орде – «Сартянки» (илл. 3.2.19). Как видно, когда опускали два завитка, их концы направлялись в противоположные стороны. Однако в каком именно городе долине Ферганы был выполнен этот снимок, в подписи к нему не указан. Двойные

¹ Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков; Ишбулдина К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. С. 237-242.

² Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 7. С. 123.

³ Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы. С. 92.

завитки можно видеть в прическе сразу четырех персонажей на снимке «Сартянки и бача» (илл. 3.2.21).

Нужно заметить, что в это же самое время подобная прическа бытовала и в Самарканде. Здесь некоторые девушки также отпускали надо лбом, направленные в разные стороны, два тонких пучка подстриженных волос, однако их не завивали (илл. 3.2.20).

Заключая настоящей раздел работы, отметим, что в рассматриваемую эпоху таджички, причисляемые в средние и низшие слои городских масс, постепенно и по возможности переходили на ношение одежды из русской и англо-индийской мануфактуры более высокого качества. В гардеробе каждой более или менее состоятельной горожанки присутствовали нарядные шелковые платья, число которых зависело от степени семейного благосостояния женщин. Проникновение русской культуры повлияло лишь на крой отдельных предметов одежды, однако облик таджикского городского женского костюма в целом сохранил свои традиционные черты.

3.3. Городской костюм и социальная среда: формирование особых нарядов

В данном разделе рассмотрим особенности костюмов трех категорий жителей Средней Азии со специфическими занятиями: купцов, принадлежавших, согласно классификации О. А. Сухаревой, к первому сословию (*фукаро*), а также ту часть военных (второе сословие - *сипох*) и священослужителей (третье сословие - *уламо*), которые внутри этих самых сословий составляли низшие и средние прослойки¹. Род занятий, естественно, накладывал опечаток и на костюм человека. Так, жители, промышлявшие торговлей, имели дело с финансами, в том числе наличными, поэтому были в более выгодном положении, чем, к примеру, земледельцы или ремесленники. Как отмечалось выше, говорить об них как о представителях классового сословия, не приходится, однако все же, образ

¹ Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 183.

жизнедеятельности, а также внешние приметы служили объединяющим признаком для включения всех лиц, занятых торговыми операциями в самостоятельную социальную группу.

Костюм торгового люда. Торговцы, исходя из их социального положения, подразделялись на крупных купцов – *савдогар*, лавочников – *дукондор / тимчи*, хозяев мелких лавок – *баккол* и торговцев вразнос, которые составляли в этой группе жителей самую низшую прослойку. Существовало подразделение и по торговой специальности. Можно, к примеру, обозначить такие специализации в этой отрасли, как маклер – *даллол* и *косид* (посредники при купле-продаже), казначеи и клерки – *мирзо*, работавшие при крупных купцах, комиссионеры, лица, служившие при караван-сараях и торговых рядах, в том числе собственно продавцы, и т.д.¹ Заработок лиц, занимавшихся различными торговыми работами, естественно, был далеко неодинаков. Соответственно, отличались их условия жизни, уровень достатка, что отражалось и на их костюме.

Сохранилось множество фотоснимков рассматриваемого периода, на которых запечатлены особы, занимавшиеся торговой деятельностью или купечеством. Многие из этих фотографий снабжены подписью, в которой указывается род деятельности запечатленных персонажей. Это позволяет составить в общих чертах описание их нарядов. Изучение показывает, что состоятельное купечество и землевладельцы, в целом, в обществе держали себя важно. Их костюм по богатству занимал промежуточное место между нарядами высшей знати и простых горожан. На фотографиях их можно распознать, в том числе и по надменному взгляду (илл. 3.3.1-3.3.2).

В свете разрабатываемой здесь темы изучение костюма торговцев важно в том аспекте, что, согласно письменным источникам, в Средней Азии до революции торговлей занималось преимущественно городское таджикское население. Автор «Всеобщей географии» от 1883 года Э. Реклю пишет, что хотя таджики утратили прежде принадлежавшую им власть, «она и теперь еще

¹ Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 233-240.

принадлежит им с экономической точки зрения, ибо таджики составляют класс имущих, — это спекулянты, купцы, землевладельцы».

«Таджики или сарты - народ по преимуществу торговый; почти все лавки в базарах больших городов, например в Самарканде и Бухаре, содержатся ими», - писал С. Е. Биддульф¹.

По словам А.Д. Гребенкина, «светская часть таджикского общества имеет своими представителями богатых купцов и землевладельцев». Этот автор заключает, что как раз страсть к торговле принудило таджиков заселяться в городах, где в результате этого они стали основным населением².

Уже отмечалось, что в дореволюционной Средней Азии употреблялся однотипный одежный комплекс в аспекте его состава. Эта особенность проявлялась и в костюме жителей, занятых торговлей. Подборка тематических фотоснимков показывает, что эта часть среднеазиатского городского населения носила бороды, на голове преимущественно белые чалмы. Один конец чалмы опускается на грудь исключительно с левой стороны. Согласно письменным источникам, в Бухаре купцы, как и ремесленники, предпочитали синие и голубые, а также полосатые³, расцветки чалмы⁴. Купцы, как и простонародье, придерживались манеры ношения чалмы умеренных, пропорциональных, размеров. Но и они проявляли фантазию, по-разному располагая узлы, концы и складки⁵.

Их верхняя одежда – новый халат из пестрой ткани – *адраса*, *бекасаба*, *алочи*. Пестрым является и халат, надетый ниже. Он сшит из *адраса* или фабричного ситца в цветочек. В отличие от простых горожан, которые носили верхний халат нараспашку, купцы зачастую носили пояс поверх верхней одежды. Во всяком случае, те, которые могли утверждать о себе как об обеспеченных особах. В таком их подходе к наряду также можно усмотреть стремление

¹ Биддульф С. Е. Русская Средняя Азия. С. 210.

² Гребенкин А.Д. Таджики. С. 4, 40.

³ Скайлер Е. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. № 7. С. 121.

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 89.

⁵ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 272.

отличаться от народных масс. Эта особенность их костюма наглядно подтверждается, в частности, на групповой фотографии бухарских торговцев от 1913 года (илл. 3.3.3, слева). Исключение составляет случай ношения шубы. В этом случае пояс располагался опять же поверх верхнего легкого халата, т.е. под зимним халатом (илл. 3.3.4, слева).

Любопытно сравнение нарядов состоятельных негоциантов (оптовых торговцев) и лавочников - особ, занимавшихся мелкой торговлей. Последние подражали своим более богатым «коллегам», как в манере держать себя в обществе, так и в замашке наряжаться. Однако, при всем том, отдельные черты костюма выдают степень их реальной зажиточности. Так, персонаж, представленный на илл. 3.3.3, справа, на голове носит не белую, а пеструю чалму. У него лишь один халат – верхняя одежда, под которой длинная белая рубаха. Очевидно, истинное ее назначение – использование в качестве нательной одежды. В выходном костюме богатых мужчин нательная рубаха, как правило, не просматривалась. Даже несмотря на то, что она на рассматриваемом персонаже – новая. Дополняет картину обувь, мягко говоря, не первой свежести. Обратим также внимание, что его верхний халат не опоясан, что, как мы видели, нехарактерно для костюма богатых торговцев. Можно заключить, что занятие торговлей позволило нашему «герою» - Мирсалиху накопить определенные средства и «допустить», чтобы окружающие величали его *бай-бачой* («богатым молодцем»).

Сказанное в определенной мере относится и к таджику-караванщику из Самарканда, чей фотопортрет приводится в изданной в 1916 году прекрасной историко-географической книге М. В. Лаврова о среднеазиатских владениях «Туркестан. края» (илл. 3.3.1, справа)¹. В его наряде видимо пять же пеструю чалму, пусть даже со светлым фоном, запахнутый верхний халат. Также обращает внимания наличие в его одежде распашной рубахи или нательного халата – предмета, массово распространенного в городах Ташкентского оазиса,

¹ Лавров М. В. Туркестан. География и история края. С. 125.

Ферганской долины, горных и предгорных областях. В Бухаре рубахи с передним сквозным разрезом, как известно, вовсе не применялись. В Самарканде, расположенном между Бухарой и Ташкентом, они встречались частично. Наиболее пестрый предмет его одежды – излишне пестрый внутренний халат с абровой отделкой.

Рассмотрение халатов отдельных представителей среднеазиатского купечества (илл. 3.3.2, слева) позволяет выявить, что края такой одежды обшивались отделочной деталью – вышитой тесьмой.

Костюм духовенства. В главе 1 настоящей работы уже отмечалось, что в состав духовного сословия (букв. «ученые») входили представители потомственных родов сеидов и ходжей, а также высшее духовенство – *уламо*. Сеиды вместе с ходжами пользовались статусом «священного сословия» и считались высшим сословием среднеазиатского общества¹.

В Бухаре, как и в других населенных пунктах Средней Азии, большинство лиц, занимавших различные духовные чины, принадлежали к таджикам. По словам А. Вамбери, «Бухара только потому сделалась средоточием среднеазиатской цивилизации, что там с древнейших времен таджики составляли преобладающее большинство населения, которое, продолжая следовать культурным стремлениям до исламического периода, хотя и было лишено владычества, не переставало играть роли цивилизаторов по отношению к своим повелителям». Далее он пишет, что «как в первые века по принятии ислама на поприще религиозных знаний и философии отличились более всего таджики, так и теперь в Бухаре, Коканде и Кашгарии известнейшие муллы и знатнейшие ишаны принадлежат к таджикам»².

Сеиды и ходжи и пользовались правом ношения чалмы зеленого³ или серовато-зеленого цвета. Для других представителей среднеазиатского духовенства и хаджи (совершивших паломничество в Мекку) был более

¹ Сухарева О. А. Бухара XIX – начала XX в. С. 183-184.

² Шишов А. П. Таджики. С. 256.

³ Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 395.

характерен белый цвет чалмы. Духовное начальство ходило в невысоких, зато очень широко навитых чалмах¹. Чем шире она ложилась вокруг головы, значит, тем важнее и сановнее особа, который ее носить². Духовенство призывало в чалме видеть саван, который постоянно напоминает человеку о грядущей смерти и покаянии. Поэтому длину ее нужно было принять в 6-7 раз больше своего роста. Однако зажиточные и особо почитаемые ишаны доводили длину чалмы до размеров, раз в 30 превышающий рост обычного смертного³.

Наиболее желанной была чалма из кисеи, которая отличалась тонкостью и легкостью. Ее носили только состоятельные люди⁴. Особо почитаемые муллы посещали собрания, устраиваемые у соседей, в тюрбане из тонкого английского муслина⁵. Зимой носили полупуховую чалму *тибит-салла*⁶. Ее производили из козьего пуха или хлопчатобумажной основы и пухового утка в Самарканде, Истаравшане (Ура-тюбе)⁷, верховьях Зеравшана⁸, долинах Рашта (Каратегина) и Дарваза⁹. Во всех этих местах текстильной переработкой козьего пуха занимались таджикские ремесленники¹⁰. Рядовое духовенство в населенных пунктах было представлено муллами. Он был желанным гостем для каждого горожанина, когда к нему вечером домой заглядывали для беседы друзья и родственники. В такие дни мулла являлся в «высоком опрятном тюрбане из тонкого английского муслина»- пишет В. В. Радлов. Писатель-публицист обратил внимание и на своеобразие одного из основных аксессуаров в костюме муллы: «Он важно входит в дом, опираясь на свой длинный, украшенный серебром посох»¹¹.

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

²Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 272.

³Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 1. С. 395.

⁴Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

⁵Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 570.

⁶Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

⁷Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С. 26-29.

⁸Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. С. 225-228, 252-258.

⁹Ершов Н.Н. Ткачество. С. 212, 225-229.

¹⁰Гребенкин А.Д. Таджики. С. 22.

¹¹Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). С. 570.

Представители духовенства носили под верхним халатом (или халатами) рубаху с горизонтальным разрезом ворота. Не случайно, такая одежда носила название *куртаи муллоча* («рубаха для мулл»). Она служила нижней одеждой по большей части для мулл, ишанов, студентов медресе и, вообще, для всех, кто имел дело с книгами¹. Этой традиции придерживались в Средней Азии повсюду, даже в тех местах, где основная масса населения ходила в рубахе с открытым передом (нижнем халате). В Бухареношение рубахи со сплошным передним разрезом открытым передом не зарегистрировано, в «Священном городе» все мужчины пользовались исключительно рубахой *куртаи муллоча*.

Иллюстративные источники подтверждают сообщения письменных источников об особенностях костюма представителей среднеазиатского духовенства. В частности, на фотоснимках они запечатлены с чалмой *салла / фута* белого цветана голове. На фотографии С. М. Прокудина-Горского “Муллы у Шахи-Зинде” мы видим трех мужчин 40-50 лет – посетителей мемориального комплекса, одежда которых состоит из белой нательной рубахи с горизонтальным разрезом ворота, поверх которой надеты два халата, причем лицевая сторона их верхних халатов сшита из ситцевых тканей (илл. 3.3.8). Фактура предметов верхней одежды позволяет идентифицировать в них образцы стеганных халатов. У одного из персонажей (справа) пояс завязан поверх верхней одежды, у других он расположен под верхним халатом. Обувью для персонажей этой фотографии служат ичиги и калоши. Обратим также внимание на наличие у каждого из них усов и коротко подстриженной бороды.

Другой фотоснимок указанного фотографа – “Студенты медресе» в целом демонстрирует такие же костюмы, однако в материале верхних халатов мы видим теперь не только ситец, но и *калами* - двухцветный сорт пестрядинной ткани *алоча*, а также однотонные материи темной расцветки (илл. 3.3.9). Также обращает внимания обувь одного из персонажей, в качестве которой представлены не галоши, а сандалии на низком каблуке.

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 134.

Эти же детали костюма представлены и на другой самаркандской фотографии С. М. Прокудина-Горского с тем же названием (илл. 3.3.10, справа). На ней четко демонстрируются оба указанных вида обуви – и галоши и сандалии. Обратим внимание на разные цвета тюбетеек аракчин, макушка которых выступает из-под белых чалм студентов. Новой деталью костюма в данном случае выступают очки, которыми пользуется их духовный наставник. Кроме того, можно заметить, что более молодые учащиеся медресе пока еще не носят усов и бороды.

Фотопортреты мулл, выходцев из Самаркандской области и долины Ферганы, показывают, что во второй половине XIX века костюмы рядовых представителей духовенства в разных районах Русского Туркестана имели одни и те же черты (илл. 3.3.11).

В целом, можно констатировать, что в рассматриваемый период выходные наряды служителей религии, во всяком случае в их массовых образцах, отличались простотой и незатейливостью. Очевидно, это обуславливалось моральными устоями, традиционно господствовавшими в среднеазиатском обществе. Нравоучение призывало духовных лидеров общества подавать окружающим личный пример в вопросах скромности и нетребности. Служитель религии всегда должен проявлять благородство, не подаваться алчности, быть великодушным. Принадлежность к духовенству следовало проявить через такие признаки, как аскетизм, наличие чистых помыслов и деяний.

Костюм военных. Собственно, как уже отмечалось, высшая аристократическая верхушка среднеазиатского общества рассматриваемого периода, включая самого эмира бухарского, служила на военных должностях. Основные черты их военных (парадных) мундиров мы уже охарактеризовали выше (в разделе 2.1). Здесь же будет уделено внимание служебному костюму рядовых солдат среднеазиатских ханств.

Одежда *сарбазов* – служащих регулярного войска в Бухарском эмирате впервые годы впадения государства в вассальную зависимость от Бухары, была

однообразной. Ее составляли тиковая или нанковая куртка (кафтан) с синим воротником, кожаных шаровар, высокой бараньей шапки (персидского типа), высоких сапог или туфель¹.

В начале XIX века (1820-1821 годы) Бухару посетил барон Е. К. Мейендорф, состоявший в составе посольства А. Ф. Негри. При въезде в пределы Бухарского эмирата посольство было встречено от имени эмира Хайдара его официальным лицом - *юз-баши* в сопровождении 20 всадников. Как пишет, Е. К. Мейендорф, унификация их формы выражалась лишь в белых чалмах. Такая чалма, по его словам, являлась признаком принадлежности к солдатам. Прочие элементы их костюмов значительно различались. Так, длинные и широкие халаты были разных материалов и цветов. У одних они были шелковыми, полосатыми или узорчатыми, у других шерстяные, а некоторые были облачены в короткие кольчуги².

Согласно В. В. Крестовскому, который лично ознакомился с бытом войск Бухарского эмирата в начале 80-х годов XIX века, верхнюю одежду рядовых военных - *сарбазов* составлял суконный полукафтан красного цвета с одноцветным отложным воротником и предназначенными для пистонов накладными карманами в области груди. Цвет воротника (желтый, синий, белый или зеленый) зависел от принадлежности к конкретным батальонам. Полы полукафтана заправлялись в широкие кожаные шаровары желтого цвета. В свою очередь, штанины шаровар заправлялись в высокие (до колен) голенища сапог русского образца. При полной парадной форме полы полукафтана выпускались наружу. В качестве служебного головного убора солдат применялась высокая баранья шапка. Нижнее одеяние военнослужащих включало нательное белье, рубаху, портянки. На случай непогоды предназначался чекмень. Регламентировалась и амуниция солдата, которая отличалась простотой. Ее

¹Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С. 61.

²Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С. 53.

составляли кожаная сумка для патронов, кожаные ножны для штыка, подвешиваемые к ременному кушаку, а также мешок из холста для провианта.

Как отмечалось, в зависимости от рода батальона отличался цвет одежды *сарбазов*. Так, часовые вместе с полукафтаном носили теплые штаны красной или темной расцветки (илл. 3.3.13). Штанины заправлялись в голенища высоких сапог. Воротники и погоны на полукафтанах были красного цвета.

Цвет военного наряда и воинское снаряжение зависели от чина. Так, урядники, в качестве которых выступали *амалдоры*, *панджа-боши*, *чора-боши*, взамен красного полукафтана носили длинные чекмени с красным воротником, погонами и обшлагами. Их снаряжение составляли сабля и трость. Офицеры также ходили в чекменях, которые у них были обшиты серебряными галунами. В зависимости от чина носили галуны синего, горохового, голубого, зеленого и красного цветов. Отличия наблюдались и в головном уборе офицеров. Они носили шапку либо остроконечную баранью, на манер афганской, либо выдровую или кунью, с цветным бархатным верхом, перекрещенным серебряным позументом. Из вооружений они носили пистолет и добротную саблю. Офицерские шаровары были оторочены выдровым мехом, с узорчатой шелковой вышивкой, их штанины не заправлялись в голенища сапог, а опускались поверх них¹.

Н. А. Маев в 1879 году дал краткое описание одежды караульных *сарбазов* дворца бухарского эмира. Она включала короткие суконные халаты красного цвета, белые миткалевые шаровары и черные смущчатые шапки. Как видим, в основных ее чертах (размеры и цвета) это описание совпадает со сведениями В. В. Крестовского. Отличие заключается лишь в том, что охрана дворца носила невысокие шапки².

¹ Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. С. 191-192.

² Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. С. 119.

После включения Самарканда в состав Туркестанского генерал-губернаторства в одежды местных городских вышитые шаровары были заменены на штатные, которые уже не выставлялись наружу (илл. 3.3.14).

Значительно отличается от этого костюм бухарских *джигитов* – по сути, тех же *сарбазов*, которых однако правильнее называть кавалеристами (илл. 3.3.12). Их наряд носит по большей степени традиционные черты. От костюма рядовых горожан он отличается лишь наличием вышитых кожаных шаровар (*чембар*). Полы узорчатого традиционного халата без подклада - *яктах* заправлялись в шаровары и поверх них завязывался кушак. К халату в области груди подвешивались медали. Нательную одежду джигита составляла рубаша с горизонтальным разрезом ворота. Его снаряжением служит сабля хорошего достоинства. В качестве головного убора джигиты носили чалму из белой кисейной ткани *хоса*. О том, что такой цвет чалмы было принято носить военным в пределах Бухарского эмирата, сообщают и письменные источники. В частности, А. П. Шишовпишет, что военные, подобно духовенству, ходили в белых чалмах, однако при этом наворачивали чалму высоко, несколько ссужая ее кверху¹.

Особенности костюма войска Коканского ханствапервой половины XIX века, когда происходило значительное расширение владений этого государства, отмечены русским послом Филиппом Назаровым и хорунжим Н. И. Потаниным. По словам Филиппа Назарова, около года задержанного в Коканде (1813-1814 годы), личная гвардия правителя этой страны Умар-хана по случаю торжеств наряжалась в красивые платья и красные чалмы, а прочие войска носили белые чалмы².

В свою очередь, Н. И. Потанин свидетельствует, что в 1829-1830 годах здесь единообразия в воинской одежде не наблюдалось. Каждый воин Мадали-хана получал из казны, помимо провианта и других полагающихся материалов,

¹Шишов А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I (Этнография). С. 133.

² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии / Ф. Назаров. М.: Наука, 1968.

два халата в год. Другими словами, воинская одежда была по сути той, которую носили рядовые представители общества¹.

По результатам разработки настоящего раздела заключаем:

- образ жизнедеятельности и уровень состоятельности горожан находились в зависимости от их общественного занятия, что отражалось и на костюмах. Это позволяет выявить элементы дифференциации не только в сословных костюмах, но и внутри сословных.

- изучение выходных нарядов городского купечества показывает, что костюм этой группы жителей по стоимости и нарядности занимал промежуточное место между нарядами высшей знати и простых горожан. Люди, промышлявшие торговлей, имея дело с финансами, в том числе наличными, были в более выгодном положении, чем рядовые члены общества (земледельцы, ремесленники и т.п.). Эта отличительная черта их жизнедеятельности нашла отражение и в художественных источниках: на старинных фотографиях они держаться важно, запечатлены с надменным взглядом.

- костюмы духовенства в их наиболее распространенных образцах, отличались простотой и незатейливостью, что обуславливалось господствовавшими в таджикском обществе моральными принципами. Нравоучение призывало духовных лидеров общества подавать окружающим личный пример в вопросах скромности и нетребности. Служителям религии предписывалось проявлять благородство, не подаваться алчности, быть великодушными. Принадлежность к духовенству следовало проявить через такие признаки, как аскетизм, наличие чистых помыслов и деяний.

¹Потанин Н. И. Киргизская степь и Коканское ханство в начале столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина. С. 222-223.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Основные научные результаты исследования

Исследование, выполненное в рамках настоящей диссертационной работы по изучению истории костюма таджиков-горожан конца XIX – начала XX веков, дает возможность заключить следующее:

1. Существенные социально-культурные изменения, происходившие в Средней Азии во второй половине XIX века и обусловившие попадание в вассальную зависимость частично сохранившегося Бухарского эмирата, присоединением к царской России территории ликвидированного Кокандского ханства и тем самым вызвавшие существенную трансформацию образа жизни местного населения, оказали заметное воздействие и на традиционные костюмы народов региона. Возникли новые костюмные предметы, появились изменения в покроях одежды, под воздействием европейской культуры подверглись динамичной трансформации состав и форма традиционной одежды, началась интенсивная замена в одежде кустарных тканей на фабричные и т.д.

2. Эволюция традиционного костюма таджиков в рассматриваемое время происходила под влиянием интенсивного проникновения русской культуры, обусловившего синтез местных традиций и европейских инноваций, причем наиболее динамично этот процесс протекал в городских условиях. При всем том, развивающейся в новых исторических условиях культуре одежды городских таджиков, были присущи определенные своеобразия, обусловленные национальной культурой и обычаями, традиционным образом жизни и занятиями, местной природой.

3. Наличие в дореволюционной Средней Азии сословий (не тождественных классам) обусловило формирование здесь особых сословных костюмов. Одновременно существовала внутри сословная дифференциация в костюмах, зависящая от этнической принадлежности, района проживания (город и село,

равнины, горы и предгорья), рода занятий. Образ жизнедеятельности и уровень состоятельности горожан находились в зависимости от их общественного занятия, что отражалось и на костюмах. Это позволяет выявить элементы дифференциации не только в сословных костюмах, но и внутри сословных.

4. Для рассматриваемого периода основную часть крупных среднеазиатских городов населяли таджики, поэтому понятие «городской костюм Средней Азии» отражает реалии таджикского костюма, а именно костюма городских таджиков. По существу, таджикским является, и так называемый, «сартовский» костюм. Обусловлено это тем, что в конце XIX – начале XX вв. было принято основную часть городских жителей этого региона называть сартами.

5. Близкие условия жизни, многочисленные и разносторонние вековые культурные и межнациональные семейно-брачные связи между таджиками и городскими узбеками, обусловили формирование у них одинаковых костюмов, схожих в основных чертах (по составу, материалу и т.п.). С учетом этого, приведенные наряды персонажей, обозначенных в подписях к фотоиллюстрациям представителями узбекского народа, с большой достоверностью могут быть привлечены как материал для изучения таджикского костюма рассматриваемой эпохи.

6. Под понятием «таджикский аристократический костюм» следует понимать наряды (выходные, служебные, праздничные) таджикской дворцовой знати, а также костюмы местной верхушки из числа представителей этого народа. В рассматриваемый период мужской выходной костюм таджикской знати по сути представлял военный костюм. Постоянным местом жительства лиц, принадлежавших к этому кругу, был город, причем столичный. Наиболее влиятельные из них служили по большей части при дворе правителя, а отдельные наиболее важные сановники и вовсе проживали там со своими семьями. По этим причинам наряды знати представляли собой один из видов городского костюма. Одежный комплекс аристократии по составу не отличался от одежды рядовых горожан. Изготовленный из наиболее дорогих тканей, ярких и броских,

оформленная вышивкой, зачастую золотым шитьем, а также дополненная соответствующими аксессуарами (наборный пояс, оружие, нагрудная лента, медали и т.д.), он превращался в костюм военный, или аристократический.

7. В конце XIX – начале XX вв. состав и облик мужского костюма рядового таджика-горожанина определяли, с одной стороны, потребности крайней необходимости и указания шариата, с другой, - желание показать в обществе свой достаток. Первый фактор выражался в требовании скрыть соответствующие части тела, а также защитить их от вредного климатического воздействия (влаги, холода, жары). По этой причине состав городской одежды всех слоев населения был одинаковым. Он складывался из рубахи (глухой или распашной) и штанов, верхнего халата. В качестве головного убора применялись тюрбетейка или чалма, зимой – теплая шапка. Влияние второго фактора зависело от наличия возможностей. Им обуславливалось ношение поверх рубахи нескольких халатов, а также стремление носить пеструю верхнюю одежду яркой расцветки. Причина формирования традиции ношения самого верхнего халата нараспашку, без пояса, кроется опять же в желании продемонстрировать из-под него наличие других предметов одежды.

8. Отличительные черты комплекса женского костюма в семьях таджикской городской знати выражались не через его состав, а посредством большего числа вместе надетых предметов одежды и украшений, использования более дорогих материалов, наличия более утонченной и более богатой отделки, в том числе золотой вышивки и некоторых других признаков. В рассматриваемый период интенсивное проникновение русской культуры не привело к исчезновению выходной верхней одежды горожанки – головной накидки с волосяной сеткой. Однако результатом этого процесса стало изменение кроя предметов одежды – появление выкройных платьев и халатов, отложных и стоячих воротников и др.

9. В рассматриваемую эпоху таджички, причисляемые в средние и низшие слои городских масс, постепенно и по возможности переходили на ношение одежды из русской и англо-индийской мануфактуры более высокого качества. В

гардеробе каждой более или менее состоятельной горожанки присутствовали нарядные шелковые платья, число которых зависело от степени семейного благосостояния женщин. Проникновение русской культуры повлияло лишь на крой отдельных предметов одежды, однако облик таджикского городского женского костюма в целом сохранил свои традиционные черты.

10. Независимо от того, женщины какого социального положения, каких занятий позировали перед фотокамерами, их наряды в своих основных чертах соответствовали костюмам основной части женского населения региона. Не все женщины, запечатленные на фотографиях того периода, представляли местных дам с ограниченной социальной ответственностью. На отдельных фотоснимках представлены местные женщины из благополучных семей, в том числе замужние, придерживавшиеся установившихся в среднеазиатском обществе норм морали и мерил нравственности. Фотоиллюстрации женщин, выполненные в пределах Русского Туркестана, служат источником для изучения не только женского костюма этого региона, но и нарядов женщин из городов и равнинных селений Бухарского эмирата.

11. Образ жизнедеятельности и уровень состоятельности горожан находились в зависимости от их общественного занятия, что отражалось и на костюмах. Это позволяет выявить элементы дифференциации не только в сословных костюмах, но и внутри сословных. Изучение выходных нарядов городского купечества показывает, что костюм этой группы жителей по стоимости и нарядности занимал промежуточное место между нарядами высшей знати и простых горожан. Люди, промышлявшие торговлей, имея дело с финансами, в том числе наличными, были в более выгодном положении, чем рядовые члены общества (земледельцы, ремесленники и т.п.). Эта отличительная черта их жизнедеятельности нашла отражение и в художественных источниках: на старинных фотографиях они держаться важно, запечатлены с надменным взглядом.

12. Костюмы духовенства в их наиболее распространенных образцах, отличались простотой и незатейливостью, что обуславливалось господствовавшими в таджикском обществе моральными принципами. Нравоучение призывало духовных лидеров общества подавать окружающим личный пример в вопросах скромности и нетребности. Служителям религии предписывалось проявлять благородство, не подаваться алчности, быть великодушными. Принадлежность к духовенству следовало проявить через такие признаки, как аскетизм, наличие чистых помыслов и деяний.

13.Таджикский городской костюм конца XIX– начала XX веков, основываясь на взаимовлиянии элементов преемственности местных и этнических традиций, с одной стороны, и синтезе восточной и европейской культуры, с другой, служил социальным маркером, в котором находило отражение степень трансформации этнокультуры народа в условиях интенсивного проникновения русско-европейской моды.

14. Сохранение в рамках трансформационных процессов конца XIX – начала XX века общего облика костюма и основных предметов исторической одежды таджиков в городском народном костюме служит бесспорным свидетельством генетического развития и преемственности культурных традиций этого народа.

2. Рекомендации по практическому использованию результатов исследования

1. Представляется актуальным проведение специальных исследований по изучению средневековой материальной культуры таджикского народа в условиях чужеродных государств, что позволит проследить преемственность традиций, в которых удалось этническую самобытность.

2. Наряду с преподаванием в профессиональных учебных заведениях республики курса “История (мирового) костюма” необходимо ввести в учебный

процесс специальностей искусствоведческого, культурологического и дизайнерского профилей предмет “История национального костюма”.

3. Существует необходимость разработки учебно-методических комплексов по истории таджикского костюма (учебников, методических пособий, учебных и рабочих программ и т.д.).

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

В.	- век
ВВ.	- века
Г.	- год
ГГ.	- годы
до н.э.	- до нашей эры
кн.	- книга
колл.	- коллекция
р.	- река
РТ	- Республика Таджикистан
РФ	- Российская Федерация
погр.	- погребение
тыс.	- тысячелетие

Список использованной литературы

Использованные источники

1. Алибеков, М. Домашняя жизнь последнего Кокандского Хана Худаяр-хана / М. Алибеков // Ежегодник Ферганской области. – Т. 2. – Новый Маргелан, 1903. – С. 79-118.
2. Андреев, М. С. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX - начале XX в. / М. С. Андреев, О. Д. Чехович. - Душанбе, 1972.
3. Арандаренко, Г.А. Досуги в Туркестане (1874-1889). - СПб., 1889.–666 с.
4. Биддольф, С. Е. Русская Средняя Азия / С. Е. Биддольф // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 50. – СПб., 1892. – С. 202-212.
5. Бонвалот. Из жизни сартов / Бонвалот // Туркестанский край. Уч. пособие для учащихся. – М.: Тип-я Э. Лесснера и Ю. Романа, 1887. - С. 173 – 184.
6. Борнс, А. Бухара / А. Борнс // Звезда Востока. - № 2. – Ташкент, 1993.
7. Бурнашев, Г. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году / Г. Бурнашев // Сибирский вестник. – Ч. 3. – 1818. – С. 92-94 (112-114).
8. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии / А. Вамбери. – М., 1865.– 221 с.
9. Вульфсон, Э.С. Как живут сарты / Э.С. Вульфсон. – М., 1908. – 117 с.
10. Гейер, И. И. Путеводитель по Туркестану / И. И. Гейер.–Ташкент, 1901. – 255 с.
11. Гордон. Путешествие на Памир Гордона. Несколько глав из книги The Roof of the World. – СПб, 1877. – с.

12. Гребенкин, А. Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа / А. Д. Гребенкин // Мат-лы для стат. Турк. края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 511-514.
13. Гребенкин, А. Д. Таджики / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - М., 1872. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – С. 1-50.
14. Гребенкин, А. Д. Узбеки / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - М., 1872. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – С. 51-109.
15. Долгорукий, Д. Пять недель в Кокане / Д. Долгорукий // Русский вестник. – 1871. - № 1. - Т. 91. – С. 244-318.
16. Достоевский, М. Старина и быт Средней Азии / М. Достоевский. – М.: Изд-во тов-ва «Образование», 1917. – 62 с.
17. Ельницкий, К. Иностранцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки / К. Ельницкий. – СПб.: Изд-е Д. Д. Полубряникова, 1895. – 134 с.
18. Ефремов, Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию / Ф. Ефремов. - Казань, 1811. – 159 с.
19. Костенко, Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году / Л. Ф. Костенко. – СПб, 1871. – 110 с.
20. Костенко, Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картою Средней Азии / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1871. – 400 с.
21. Крестовский, В. В. В гостях у эмира Бухарского / В. В. Крестовский. – СПб., 1887. – 431 с.

22. Крубер, А. Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник / А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чафранов. – М., 1903. – 583 с.
23. Кун, А. Л. Туркестанский альбом: По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана 1-го: в 6 ч. / А. Л. Кун. – Ч. 1-2. Часть этнографическая. – Ташкент, 1871-1872. – 70 с.
24. Лавров, М. В. Туркестан. География и история края. – М.-Петроград, 1916. – 202 с.
25. Липский, В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах / В. И. Липский: В 3 ч. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1902. – Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. – 1902. – 818 с.; Ч. 2. Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай. 1897 г. – 541 с.; Ч. 3. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899. – 785 с.
26. Логофет, Д. Н. Через Бухару (Путевые очерки по Средней Азии) / Д. Н. Логофет // Военный сборник. – № 1-2. – 1910. – С.
27. Лыкошин, Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения / Н. С. Лыкошин. – СПб., 1916. – 415 с.
28. Маев, Н. А. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края: Стат. таблицы / Под ред. Н. А. Маева. – СПб., 1876. – Вып. 4. – С. 260-313.
29. Маев, Н. А. Очерки Бухарского ханства // Матер. для стат. Туркестанского края / Под ред. Н. Маева. – СПб., 1879. – Вып. V. – С. 77-129.
30. Маев, Н. А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 года / Н. А. Маев // Военный сборник. – 1877. – № 8. – С. 297-308.
31. Марков, Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. – В 2-х т. – СПб., 1901. – Т. 1. – 541 с.; Т. 2. – 516 с.

32. Масальский, В. И. Туркестанский край / В. И. Масальский: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. - Т. 19. – 861 с.
33. Мейендорф, Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 180 с.
34. Назаров, Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии / Ф. Назаров. – М.: Наука, 1968. – 77 с.
35. Наливкин, В. П. Туземцы раньше и теперь / В. П. Наливкин. – Ташкент, 1913. – 114 с.
36. Наливкин, В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань: Тип-я Императ. унив-та, 1886. – 245 с.
37. Остроумов, Н. П. Сарты. Этнографические материалы / Н. П. Остроумов. – Вып. 1. – Ташкент, 1890. – 137 с.
38. Пашино, П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки / П. И. Пашино. – СПб., 1866. – 179 с.
39. Потанин, Н. И. Киргизская степь и Коканское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина / Н. И. Потанин. – Омск, 1916. – 258 с.
40. Радлов, В. В. Из Сибири (страницы дневника) / В. В. Радлов. Перев.с нем. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. – 749 с. - (Этнографическая библиотека).
41. Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая география. – Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства / Э. Реклю. – СПб., 1883. – 412 с.
42. Республика Таджикистан. Перечень приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015-2020 гг.: Постановление Правительства РТ от 4 декабря 2014 г., № 765. – Душанбе, 2014. – (Актуальный документ).

43. Семенов, А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года) / А. А. Семенов // Исторический вестник. – М., 1902. – № 3. – Т. 87. – С. 962-993; Т. 88. – С. 99-123.
44. Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. – М.: Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. – 123 с.
45. Скайлер, Ю. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже / Е. Скайлер // Вестник Европы. – М., 1876. – № 6. – С. 578-610; № 7. – С. 118-158. – (Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке).
46. Стремоухов, Н. Поездка в Бухару / Н. Стремоухов // Русский вестник. – № 6. – Т. 117. – М., 1875.
47. Тагеев, Б. Л. На Востоке. Очерки и рассказы из жизни на далеких окраинах Азии / Б. Л. Тагеев. – Варшава, 1902. – 216 с.
48. Хорошхин, А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края / А. П. Хорошхин. – СПб., 1876. – 531 с.
49. Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. / А. Черкасова // Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М., 1975. – С. 99-119.
50. Шишов, А. П. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1. Этнография / А. П. Шишов // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент, 1904. – Т. 11. – С. 1-492.
51. Шишов, А. П. Таджики. Этнографическое исследование / А. П. Шишов. – Алматы, 2006. – 392 с.
52. Шубинский, П. П. Недавняя трагедия в Бухаре / П. П. Шубинский // Исторический вестник. – М., 1892. – № 5. – С. 467-476.

53. Шубинский, П. П. Очерки Бухары / П. П. Шубинский // Исторический вестник.– М., 1892. - № 7. - С. 109-143; № 8. – С. 364-390; № 9. – С. 621-649; № 10. – С. 100-124.

Научная и специальная литература

Монографии

54. Емельяненко, Т. Г. Традиционный костюм бухарских евреев: этнокультурный аспект / Т. Г. Емельяненко. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. - 264 с.
55. Ершов, Н. Н. Альбом одежды таджиков / Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. – Душанбе, 1969. – 30 с., 47 отд. л. илл. – (АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша).
56. Ершов, Н. Н. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства / Н.Н. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русайкина. – М.-Л., 1954. – 232 с.
57. Иброхимов, М. Ф. История таджикского костюма (конец XIX – начало XXI века)/ М. Ф. Иброхимов, З. Н. Сафарова. - Душанбе, 2018. – 207 с.
58. Майтдинова, Г.М. История таджикского костюма / Г.М. Майтдинова. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. – 254 с.
59. Писарчик, А. К. Народное прикладное искусство таджиков. – Душанбе: Дониш, 1987. – 40 с., 50 илл. табл.
60. Писарчик, А. К. Одежды таджиков Нурата / А. К. Писарчик. – Душанбе: Сафир, 2003.

61. Прищепова, В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры / В. А. Прищепова. - СПб.: Наука, 2011. - 452 с., илл.
62. Прищепова, В. А. Коллекции заговорили: история формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870-1940) / В. А. Прищепова. – СПб., 2000. – 268 с.
63. Садыкова, Н. Национальная одежда узбеков Бухары и Самарканда XIX – XX вв. (рус., англ.) / Н. Садыкова.– Ташкент: Шарк, 2006.
64. Садыкова, Н. Национальная одежда узбеков Ташкента и Ферганы XIX – XX вв. (рус., англ.) / Н. Садыкова. – Ташкент: Шарк, 2006.
65. Садыкова, Н. Национальная одежда узбеков Хорезма XIX – XX вв. (рус., англ.) / Н. Садыкова. – Ташкент: Шарк, 2007.
66. Сухарева, О. А. Бухара XIX – начала XX в. Позднефеодальный город и его население / О. А. Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.
67. Сухарева, О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.) / О. А. Сухарева. - М.: Наука, 1982. - 140 с.
68. Чвырь, Л. А. Таджикские ювелирные украшения (Материалы к историко-культурному районированию Таджикистана) / Л. А. Чвырь. – М: Гл. ред. вост. литературы, 1977. – 144 с.
69. Широкова, З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 199 с.
70. Широкова, З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана / З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 206 с.
71. Широкова, З. А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) / З. А. Широкова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С. 182-203.
72. Max Tilke. Oriental Costumes.Their Designs and Colors. – Berlin, 1922. – 130 p.

73. Бабаева, Н. Саван / Н. Бабаева, Л. Бахтоваршоева // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. – С. 133-150.
74. Бахтоваршоева, Л. Платья традиционного покрова таджичек Памира / Л. Бахтоваршоева / Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 127-132.
75. Бикжанова, М. А. Мурсак – старинная верхняя одежда узбечек Ташкента / М. А. Бикжанова // Труды АН ТаджССР. - Душанбе, 1960. – Т. 120. – С. 47-53.
76. Бикжанова, М. А. Одежда узбечек Ташкента XIX - начала XX в. / М. А. Бикжанова // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. – С. 133-150.
77. Задыхина, К. Л. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в. / К. Л. Задыхина, М. В. Сазонова // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 151-168.
78. Емельяненко, Т. Г. Искусство вышивки у таджиков / Т. Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 320-341.
79. Емельяненко, Т. Г. К истории производства хлопчатобумажных тканей в Средней Азии (по коллекциям С.М. Дудина в ГМЭ народов СССР) / Т. Г. Емельяненко // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1986. - Л., 1987. - С. 23-24.
80. Емельяненко, Т. Г. К истории среднеазиатского шелкоткачества (по коллекциям ГМЭ народов СССР) / Т. Г. Емельяненко // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. - Л., 1988. - С.26.
81. Емельяненко, Т. Г. К методике этнографического описания и изучения тканей (по среднеазиатским материалам) / Т. Г. Емельяненко // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990-1991 гг. - СПб., 1992. - С. 65-67.

82. Емельяненко, Т. Г. К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья / Т. Г. Емельяненко // Антропологический форум. - № 14. - 2011. - С. 290-314.
83. Емельяненко, Т. Г. К характеристике хлопчатобумажных тканей Средней Азии конца 19-начала 20 вв. (по коллекциям ГМЭ народов СССР) / Т. Г. Емельяненко // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. - Л., 1987. - С.136-146.
84. Емельяненко, Т. Г. Камзол в традиционном мужском костюме бухарских евреев (к истории выкройной одежды в Средней Азии) / Т. Г. Емельяненко // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2012. - № 3. - С. 95-102.
85. Емельяненко, Т. Г. Мужские традиционные головные уборы (шапки) бухарских евреев / Т. Г. Емельяненко // Лавровский сборник: Материалы 33 Среднеазиатско - Кавказских чтений 2008-2009 гг. – СПб., 2009. - С. 216-219.
86. Емельяненко, Т. Г. Музейные ткани как историко-этнографический источник (среднеазиатские ткани в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР) / Т. Г. Емельяненко // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры в музейных коллекциях. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». - Омск, 1987. - С.115-116.
87. Емельяненко, Т. Г. Особенности одежды бухарских евреев во 2-ой половине 19-начале 20 века / Т. Г. Емельяненко // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1994-1995. - СПб., 1997. – С. 44-45.
88. Емельяненко, Т. Г. «Отличительные знаки» в традиционном костюме бухарских евреев / Т. Г. Емельяненко // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы 7-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. - СПб., 2008. - С. 300-307.
89. Емельяненко, Т. Г. Паранджа в традиционном костюме бухарских евреев / Т. Г. Емельяненко // Этнографическое обозрение. - № 5. - 2011. - С. 118-125.

90. Емельяненко, Т. Г. С. М. Дудин об «увеселениях» сартов / Т. Г. Емельяненко // Лавровский сборник: Материалы 36 и 37-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2012-2013 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. - СПб., 1997. – С. 101-107.
91. Емельяненко, Т. Г. Символизация возрастных периодов: ткани и цвет в традиционном костюме узбеков Ферганы / Т. Г. Емельяненко // Время и календарь в традиционной культуре. - СПб., 1999. - С. 177-180.
92. Емельяненко, Т. Г. Традиционные ткани у таджиков / Т. Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 342-365.
93. Емельяненко, Т. Г. Традиционный костюм бухарских евреев: источники и особенности изучения / Т. Г. Емельяненко // Историческая этнография. - Вып. 4. Источники и методы изучения малых групп в этнографии. - СПб., 2010. - С. 39-47.
94. Ершов, Н.Н. Ткачество / Н. Н. Ершов // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230.
95. Ишбулдина, К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии / К. Р. Ишбулдина // Лавровский сборник: Материалы 36-37-х Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. - С. 237-242.
96. Курылев, В. П. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана / В.П. Курылев, Ф.Д. Люшкевич, М.В. Сазонова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1980. – Т. 35. - С. 37-44.
97. Лобачева, Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки-халаты) / Н. П. Лобачева // Советская этнография. – М., 1965. - № 6. – С. 34-49.
98. Лобачева, Н. П. Народная одежда как источник по этногенезу. К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана / Н. П. Лобачева // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – Вып. 3. Этнография. – М., 1991. – С. 82-95.

99. Лобачева, Н. П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана / Н. П. Лобачева // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 5–38.
100. Лобачева, Н. П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона / Н. П. Лобачева // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 2001. – С. 69-96.
101. Лобачева, Н. П. Почему мусульманки носили паранджу? / Н. П. Лобачева // Наука и религия. - М., 1970. - № 12. – С. 28-31
102. Люшкевич Ф. Д. Женские украшения узбеков и таджиков Бухарского оазиса / Ф. Д. Люшкевич // Полевые исследования Института этнографии. 1982. – М., 1986. – С. 74-81.
103. Люшкевич, Ф. Д. К истории костюма населения Бухарской области в конце XIX - начале XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. – Л., 1983. – С. 64-65.
104. Люшкевич, Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1970. – Т. XXVI. – С. 283–312.
105. Люшкевич, Ф. Д. Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. - Л., 1981. - С. 13-14.
106. Люшкевич, Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 123-144.
107. Люшкевич, Ф. Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной

- характеристики) / Ф. Д. Люшкевич // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 107-138.
108. Люшкевич, Ф. Д. Типы женских головных уборов в Бухарском оазисе и прилегающих районах как один из этноопределяющих признаков (первая половина XX в.) / Ф. Д. Люшкевич // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений: Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Казахстана. Ноябрь 1983 г. - Л., 1983. - С. 4-5.
109. Люшкевич, Ф. Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области (первая половина XX в.) / Ф. Д. Люшкевич // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1989. – Т. 63. – С. 72-84. - С. 72-84.
110. Народы Средней Азии и Казахстана. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 768 с. – (Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо–Маклая).
111. Пещерева, Е. М. Бухарские золотошвей // Сборник Музея антропологии и этнографии / Е. М. Пещерева. – Т. 16. – М.-Л., 1955. - С. 265-282.
112. Писарчик, А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские одежды и головные уборы / А. К. Писарчик // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 113-122.
113. Попова, Л. Ф. Опыт классификации женских накосных украшений народов Средней Азии и Казахстана / Л. Ф. Попова, О. В. Старостина // Матер. 5-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. – ЛКСЧ, 2006. – С. 61-65.
114. Попова, Л. Ф. Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана / Л. Ф. Попова, О. В. Старостина Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006-2007 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 176-180.
115. Прищепова, В. А. Бухара в фотоколлекциях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук / В. А. Прищепова // Иран-наме. - № 4(12). – Алматы, 2009. - С. 213-242.

116. Прищепова, В. А. Взгляд со стороны: урда, джалап, бача (по фотоколлекциям МАЭ РАН 1870-1920 годов) / В. А. Прищепова // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). – СПб., 2006. - С. 104-119.
117. Прищепова, В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РН) / В. А. Прищепова // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. - СПб.: Наука, 2006. – С. 174-225 с., илл.
118. Прищепова, В. А. От Лерха до Зарубина. Из истории коллекций Кунсткамеры по культуре народов Таджикистана / В. А. Прищепова // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. - С. 282-319.
119. Прищепова, В. А. Традиционная культура народов Центральной Азии по фотоколлекциям Музея народоведения в собраниях МАЭ (1920–1930-е гг.) / В. А. Прищепова // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. – Вып. 2. – СПб., 2009. - С. 323-374.
120. Прищепова, В. А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) / В. А. Прищепова // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. – Вып. 1. – СПб.: Наука, 2007. - С. 223-260.
121. Равдоникас, Т. Одна из функций стеганой одежды / Т. Равдоникас // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. – Вып. 34. – С. 175-181.
122. Раджабова, Д. К. Кабо – одежда аристократов / Д. К. Раджабова // Матер. Республ. научно-практической конфер. по теме «Наука и инновационная среда в условиях вступления Республики Таджикистан в ВТО» (25-26 апреля 2014 г.). – Душанбе, Технологический университет Таджикистана, 2014. – С. 212-215.

123. Раджабова, Д. К. От джуббы до чапана. Историческая типология и трансформация национального стеганого халата / Д. К. Раджабова // Матер. Межд.научно-практической конфер. «Роль интеграции науки, инноваций и технологий в экономическом развитии стран» (27-29 мая 2016 г.). – Куляб: Институт инновационных технологий и менеджмента в г. Куляб, 2016. – С. 655-658.
124. Рассудова, Р. Я. Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (конец XIX - XX в.) / Р. Я. Рассудова // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1980-1981. – М., 1984. – С. 196-206.
125. Рассудова, Р. Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) / Р. Я. Рассудова // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1979. – М., 1983. – С. 164-178.
126. Рассудова, Р. Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства / Р. Я. Рассудова // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1989. – Вып. 43. Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии. – С. 170-179.
127. Рассудова, Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. – Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – С. 154-174.
128. Рассудова, Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.
129. Рассудова, Р. Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX в.) / Р. Я. Рассудова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 139-156.

130. Рахимова, З. Паранджа – магическое пространство узбекской женщины (к истории женских головных накидок Центральной Азии) / З. Рахимова // Центрально-Азиатский искусствоведческий журнал. – Т. 2. - № 2(2016). – Алматы, 2016. - С. 37-46
131. Рузиева, М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / М. Рузиева. – М., 1989. – С. 169-173.
132. Сазонова, М. В. Женский костюм узбеков Хорезма / М. В. Сазонова // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 90-106.
133. Сазонова, М. В. Украшения узбеков Хорезма / М. В. Сазонова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 120-128.
134. Сафарова, З. Н. Источниковедческие аспекты изучения городского костюма таджиков конца XIX – начала XX в. / З. Н. Сафарова // Матер.респ. научно-практ. конфер. “Наука и техника для устойчивого развития” (технологический университет Таджикистана, 28 апреля 2018 г.). – Душанбе, 2018. – С. 80-82.
135. Сафарова, З. Н. Культура одежды городских таджиков в аспекте средневековых традиций, важности исследования и проблематики (тадж.) / З. Н. Сафарова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(3) 2019. – С. 83-86.
136. Сафарова, З. Н. Культура национальной одежды и мода (на тадж. яз.)/ З. Н. Сафарова// Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 2(27). - Душанбе, 2016. – С. 177-179.
137. Сафарова, З. Н. Мужской костюм таджикской дворцовой аристократии конца XIX – начала XX вв. / З. Н. Сафарова // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/5. - Душанбе, 2017. – С. 8-13.

138. Сафарова, З. Н. Некоторые методологические аспекты изучения костюма равнинных таджиков конца XIX – начала XX вв. / З. Н. Сафарова, М. Ф. Иброхимов // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/3. - Душанбе, 2017. – С. 39-42.
139. Сафарова, З. Н. О костюме, этнической и социальной идентификации главного персонажа фотоснимка Н. Орде «Бухарцы» / З. Н. Сафарова // Вестник Технологического университета Таджикистана. - № 1(28)2017. – Душанбе, 2017. – С. 164-167.
140. Сафарова, З. Н. Особые костюмы в среднеазиатской городской среде конца XIX – начала XX в. / З. Н. Сафарова // Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе, 2018. - № 1. – С. 11-16.
141. Сафарова, З. Н. Преподавание инженерных дисциплин. Применение новых инновационных технологий / З. Н. Сафарова // Материалы международной научно-практической конференции «Конкурентоспособность студентов и выпускников в свете их подготовки к работе в инновационной сфере» (3-5 ноябрь 2011). - Душанбе: Технологический университет Таджикистана, 2012. - Т. 1. - С. 95-97.
142. Сафарова, З. Н. Самостоятельная и творческая работа студентов как фактор повышения конкурентоспособности выпускника / З.Н. Сафарова // Труды Технологического университета Таджикистана. - Душанбе, 2009.
143. Сафарова, З. Н. Таджикская национальная одежда конца 19 – начала 20 века / З. Н. Сафарова // Материалы международной научно-практической конференции «Конкурентоспособность студентов и выпускников в свете их подготовки к работе в инновационной сфере» (3-5 ноябрь 2011). - Душанбе: Технологический университет Таджикистана, 2012. – Т. 2. - С. 167-169.
144. Сафарова, З. Н. Традиции и инновации в крое и отделке платьев у состоятельных городских таджичек в конце XIX – начале XX в. / З. Н. Сафарова // Муаррих (Научно-теоретический журнал). - Душанбе: Институт

- истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана. - №3(23) 2020.- С. 113-119.
145. Сафарова, З. Н. Формирование эстетической культуры студентов в современных условиях / З. Н. Сафарова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Наука и инновационная среда» (Технологический университет Таджикистана, 25-26 апреля 2014 г.). – Душанбе, 2014. - С. 281-284.
146. Сафарова, З. Н. Эстетическое воспитание будущих специалистов / З.Н. Сафарова // Материалы научно-практической республиканской конференции «Инновационные технологии в науке и технике» (22-24 апреля 2010). – Душанбе: Технологический университет Таджикистана, 2010. - С. 268-271.
147. Старостина, О. В. Некоторые особенности женской ритуальной одежды таджиков / О. В. Старостина // Лавровский сборник: Материалы 36 и 37-х Среднеазиатско - Кавказских чтений 2012-2013 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 297-302.
148. Старостина, О. В. Опыт классификации женских накосных украшений народов Средней Азии и Казахстана / О. В. Старостина // Матер. 5-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. – ЛКСЧ, 2006. – С. 61-65.
149. Старостина, О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) / О. В. Старостина // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. – С. 366-402.
150. Сухарева, О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии / О. А. Сухарева // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 3-13.
151. Сухарева, О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии / О. А. Сухарева // Среднеазиатский этнографический сборник. - М.,1954. - Вып. 1. Новая серия. - Т. XXI. - С. 111-157.

152. Сухарева, О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции / О. А. Сухарева // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 77-102.
153. Сухарева, О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. / О. А. Сухарева // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.- Л.: Наука, 1970. - С. 101-112.
154. Сухарева, О. А. Участие женщин в товарном производстве тканей и одежды у равнинных таджиков в конце XIX – начале XX в. / О. А. Сухарева // Ближний и Средний Восток. - М., 1980. - С. 203-212.
155. Чвырь, Л. А. Опыт классификации ювелирных украшений (Проблема типологии на примере таджикских серег) / Л. А. Чвырь // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. - С. 103-112.
156. Чвырь, Л. А. Отражение возрастных традиций в таджикских ювелирных украшениях / Л. А. Чвырь // Советская этнография. – №. 4. – М., 1970. – С. 115-121.
157. Чвырь, Л. А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней и Азии / Л. А. Чвырь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. – М.: Наука, 1988. – С. 211-250.
158. Широкова, З. А. Мужская и женская поясная одежда таджиков // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989.

Диссертации и авторефераты диссертаций

159. Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX – начало XX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук / А. Валиев. – Душанбе, 2019. – 342 с.

160. Раджабова, Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды): дисс. ... канд. ист. наук / Д. К. Раджабова. – Душанбе, 2016. – 169 с. + 58 с. илл.
161. Юлдашева, Г. К. Традиционная одежда и украшения женщин Нуратинской долины (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. К. Юлдашева. – Ташкент, 1995. – 22 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрации

Илл. 2.1.1. Сановники бухарского эмира Абдул-Ахада. Кушбеги Мухаммад-бий (второй справа) и его сын Мухаммад-Шариф инак (четвертый справа). Кон. 1885 – нач. 1886 г. Фото Н. Ордэ. МАЭ. Колл. № 1403-107

Илл. 2.1.2. Слева - кушбеги Бухары Мулла Мухаммад-Бий. Фотоиллюстрация к книге В. В. Крестовского «В гостях у эмира Бухарского». 1887 г.; посередине - Мухаммад-Шариф диван-беги. Фотоиллюстрация к статье П. П. Шубинского «Недавняя трагедия в Бухаре». 1892 г.; справа – Бухарский кушбеги. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 2.1.3. Астанакул. Слева - Сер. 1880-х. Фото Н. Орде. Справа – фотоиллюстрация к статье П. П. Шубинского «Недавняя трагедия в Бухаре». 1892 г.

Илл. 2.1.4. Группа знатных российских и бухарских сановников

Илл. 2.1.5. Слева – Чарджуйский бек. Бухарский эмират; справа – волостной управитель Ташкентского уезда. Туркестанский край. 1913 г.

Илл. 2.1.6. Слева - костюм таджика-чиновника. Фото из архива Российского этнографического музея; справа – Бухарский чиновник. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 2.1.7. Наряды состоятельных таджиков. Конец XIX – начало XX века: слева - таджик в шелковом халате. Бухара; справа - таджик в халате с меховой отделкой. Самарканд

Илл. 2.1.8. Молодой таджик с шелковым поясом, украшенным серебряными бляхами. Конец XIX – начало XX века

Илл. 2.1.9. Слева - *Бай-бача* – юноша из зажиточной семьи (согласно подписи к фотографии). 1903-1909 гг.; справа – Этот же *бача*, курящий кальян. Самарканд

Илл. 2.1.10. Дорогой мужской халат бухарского чиновника. Бархат, подкладка из так называемого андижанского шелка. По верхней ткани серебряной нитью вышиты розетки. Внизу окантовка из желтого бархата. По части груди золотые оплетки, к которым крепятся награды (по М. Тилке)

Илл. 2.1.11. Шелковый чапан на х-б. подкладке – одежда знатного жителя Ташкента. Украшена вдоль краев нашитой тесьмой с вышитым узором (по М. Тилке)

Илл. 2.1.12. Мужской стеганный халат. Верхняя ткань – шелк с абровым узором, х-б. подкладка – бязь. Полы соединяются завязками в области груди (по М. Тилке)

Илл. 2.1.13. Верхние халаты из камчатной (слева) и шелковой ткани с золотой вышивкой. Бухара. Конец XIX в.

Илл. 2.2.1. Слева - женщина в парандже и чачване. Фото Гюго Краффта. Около 1900 г.; справа - Задняя сторона паранджи. Бухара. Начало XX в.

Илл. 2.2.2. Слева – Эмир Бухары со своим гаремом; справа - золотошвейное платье одной из жен эмира Бухары. Частная коллекция

Илл. 2.2.3. Драгоценные ткани, поступившие в Зимний дворец в качестве подарков от эмира Бухары; справа - Сапожки женские свадебные. Сарты, XVIII в. 1742 г. Кол. № 780-12/1, 2.

Илл. 2.2.4. Слева - Бухарцы. Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-167; справа - Жена Худояр-хана. Коканд. Н. Орде, 1880-е гг. МАЭ. Колл. № 255-154

Илл. 2.2.5. Слева - Таджички. Маргелан; справа – Богатый наряд сартянки. Фото Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. №№ 255-125 и 255-128;

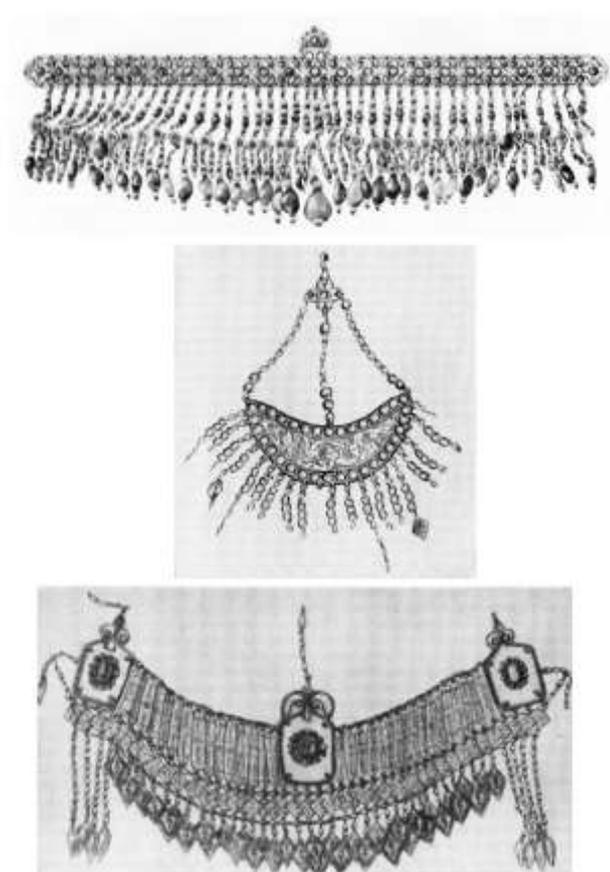
Илл. 2.2.6. Слева - Обеспеченная горожанка с ребенком. Самарканд. 1860 г.;
Сартянка в нарядном костюме. Рис. из книги «Путешествия по Туркестану». 1894
г.

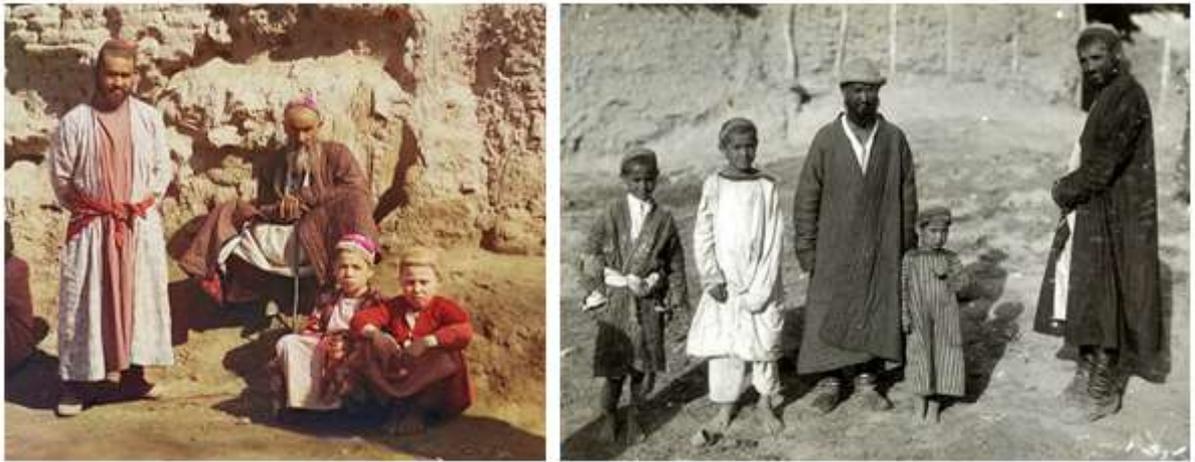
Илл. 2.2.7. Сартянки. Слева - Рис. из книги «Живописная Россия», т. 10. 1885;
Справа – Рис. из книги «Живописное обозрение», № 33. 1898

Илл. 2.2.8. Слева - состоятельная женщина из Бухары. Оле Олуфсен. 1896-99 гг.;
справа - молодая горожанка из богатой семьи.

Илл. 2.2.9. Налобные украшения *тилло-баргак* (вверху), *мохи-тилло* (в середине)
и *силсила*. Бухара. Конец XIX – начало XX века. Колл. МАЭ (по Ф. Д. Люшкевич)

Илл. 3.1.1. Слева: Фото С. М. Прокудина-Горского; справа - двое мужчин и дети. Таджики. Фотоархив РЭМ

Илл. 3.1.2. В чайхане. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.1.3. Народный праздник в Коканде

Илл. 3.1.4. Таджики. Слева – Бухарец; посередине – Жених. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.; справа – уроженец Самарканда. Г. Краффт, 1898-99 гг.

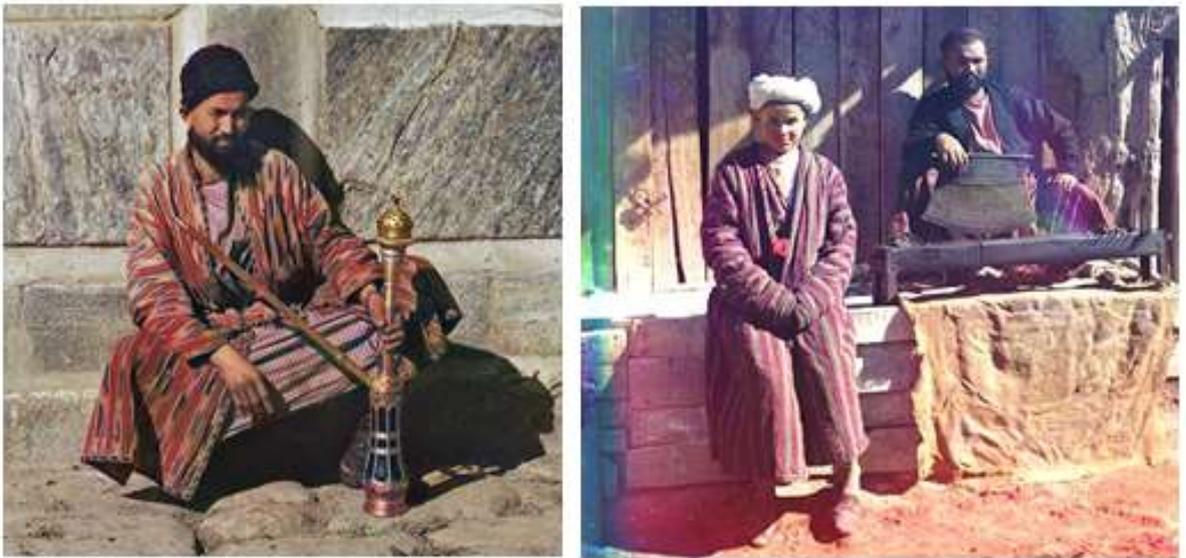
Илл. 3.1.5. Таджики. Слева и в середине – из Самарканда. 1903-1909 гг.; справа – из Ургута, в хлопчатобумажной рубашке

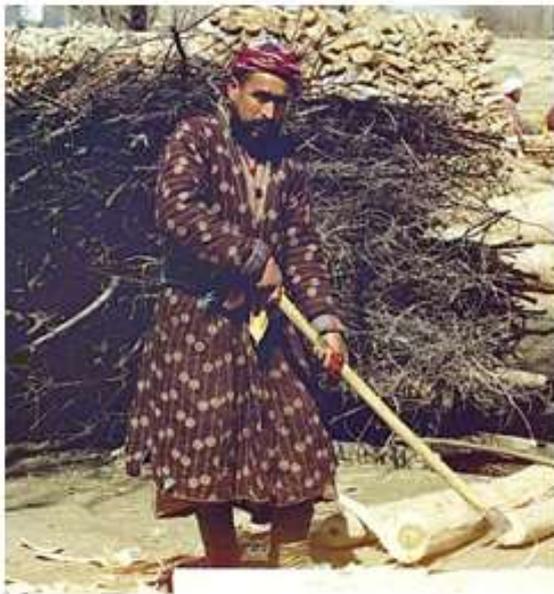
Илл. 3.1.6. Таджики. Фото конца XIX – начала XX века. Справа -

Илл. 3.1.7. Слева - Ферганский сарт. Фото из книги «Живописная Россия», т. 10. 1885 г.; справа - Житель Самарканда

Илл. 3.1.8. Самарканд. Слева – Калянщик; справа – В шашлычной. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.1.9. Самарканд. Слева – Плотник; Справа - Торговец лепешками. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.1.10. На Регистане. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.2.1. Таджички 15 (слева) и 19 лет. Фото В. Козловского. Альбом «Типы народностей Средней Азии». 1876. МАЭ РАН. Колл. № И-2205-3

Илл. 3.2.2. Таджички Майна-ой и Мунаввар-ой. Долина Ферганы. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.3. Таджички Нусрат-ой, Шодмон-биби. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.4. Таджички. Долина Ферганы. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.5. Таджички из Самарканды. Фото Гюго Краффта. Около 1900 г.

Илл. 3.2.6. Слева - Курбан-Хан, первая певица и танцовщица в г. Самарканде. Зарисовка с фот. А.У. Маурера, МАЭ; справа – невеста-таджичка. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.7. Таджички из Коканда (справа). Фото Гюго Краффта. Около 1900 г.

Илл. 3.2.8. Узбечки Иззат-ой и Равза-ой. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.9. Узбечки Амин-хан и Химат-ой. Туркестанский альбом.
1865-1872 гг.

Илл. 3.2.10. Узбечки из Ташкента. Фото Гюго Краффта. Около 1900 г.

Илл. 3.2.11. Узбечки из Ходжента (слева) и Самарканда. Фото Гюго Краффта. Около 1903-1909 гг.

Илл. 3.2.12. Узбечки из Коканда. Фото Гюго Краффта. Около 1900 г.

Илл. 3.2.13. Наряды уроженок Коканда (слева. Н. Орде, 1880-е годы) и Ташкента

Илл. 3.2.14. Свадебный обряд. Таджики. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.15. Женское увеселение во дворе дома. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.2.16. На женской половине одного из городских домов.
Бухара, около 1900 г.

Илл. 3.2.17. Домашние и уличные наряды сартянок. Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл.
№ 255-279

Илл. 3.2.18. На женской половине дома. Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-126

Илл. 3.2.19. Сартянки. Фото Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-127

Илл. 3.2.20. В Самарканде. Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-113

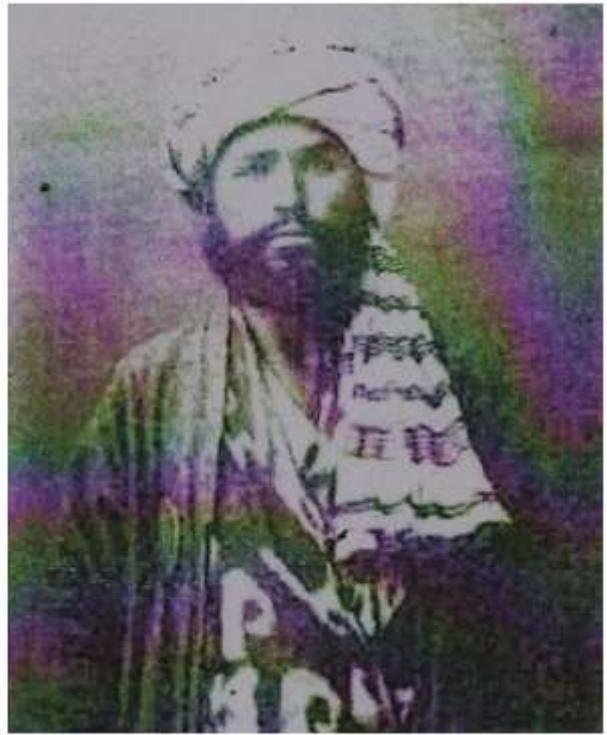
Илл. 3.2.21. Сартянки и бача. Коканд. Н. Орде. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-295

Илл. 3.2.22. Женские типы. Ош. Лютче. Ферганская обл. Нач. XX века. МАЭ.
Колл. № 255-142

Илл. 3.2.23. Угул-ой и Махтоб-ой. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.3.1. Слева - Бухарский таджик в шелковом халате. Гюго Краффт; справа -
Таджик-караванщик. Самарканд. 1916 г. По М. В. Лаврову

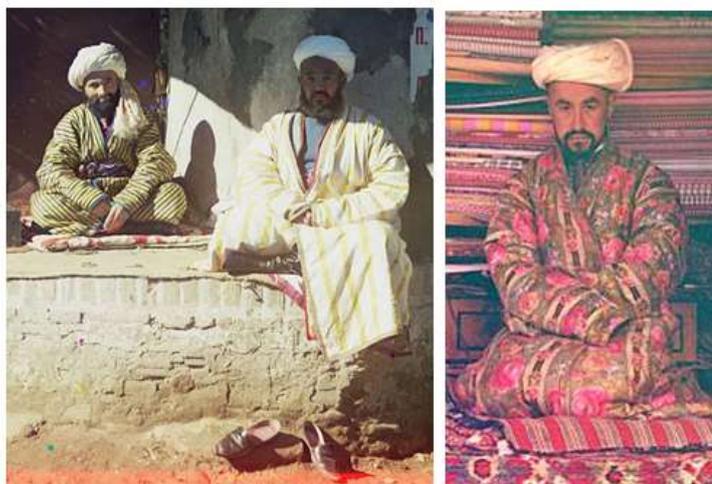
Илл. 3.3.2. Слева - Среднеазиатский купец; справа - Таджик, торговец из Бухары.
Гюго Краффт

Илл. 3.3.3. Слева - Бухарские купцы. 1913 г.; справа - Бай-бача Мирсалих. Таджик. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.3.4. Слева - Самаркандский таджик в халате, подбитом мехом; посередине - Бухарский таджик в зимнем халате. Гюго Краффт; справа – зажиточный горожанин в нарядном костюме

Илл. 3.3.5. Слева - Менялы на Регистане; справа - Торговец тканями. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.6. Слева - Таджики Бухары. Рис. И.М. Прянишникова (с фотографии). 1881 г.; справа - Бухарец. Рис. из книги Ф. Паули «Народы России». 1862 г.

Илл. 3.3.7. Слева - Бухарский купец. Рис. из журнала «Всемирная иллюстрация», № 46. 1890 г.; справа - Бухарец в зимнем костюме. Рис. из журнала «Всемирная иллюстрация», № 46. 1890 г.

Илл. 3.3.8. Муллы у Шахи-Зинде. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.9. Студенты медресе. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.10. Студенты медресе. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.11. Слева - Таджик-мулла. Коканд; справа - Самаркандский казий.
Таджик. Туркестанский альбом. 1865-1872 гг.

Илл. 3.3.12. Бухарские джигиты. 1898 г. Коллекция Оле Олуфсена. Музей
Копенгагена

Илл. 3.3.13. Бухарские часовые. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.14. Городовые. Самарканд. Фото С. М. Прокудина-Горского

Илл. 3.3.15. Взвод бухарской армии. Начало 20 века

Илл. 3.3.16. Сартовские певцы. Коканд. Начало XX века

Илл. 3.3.17. Хивинские девушки. Фото И.Волжинского, до 1896 г.

Илл. 3.3.18. Дервиши. Самарканд. Начало XX века

Илл. 3.3.19. Три грации гарема эмира бухарского. Бухара, середина XIX века

Илл. 3.3.20. Андижан. На увеселении

